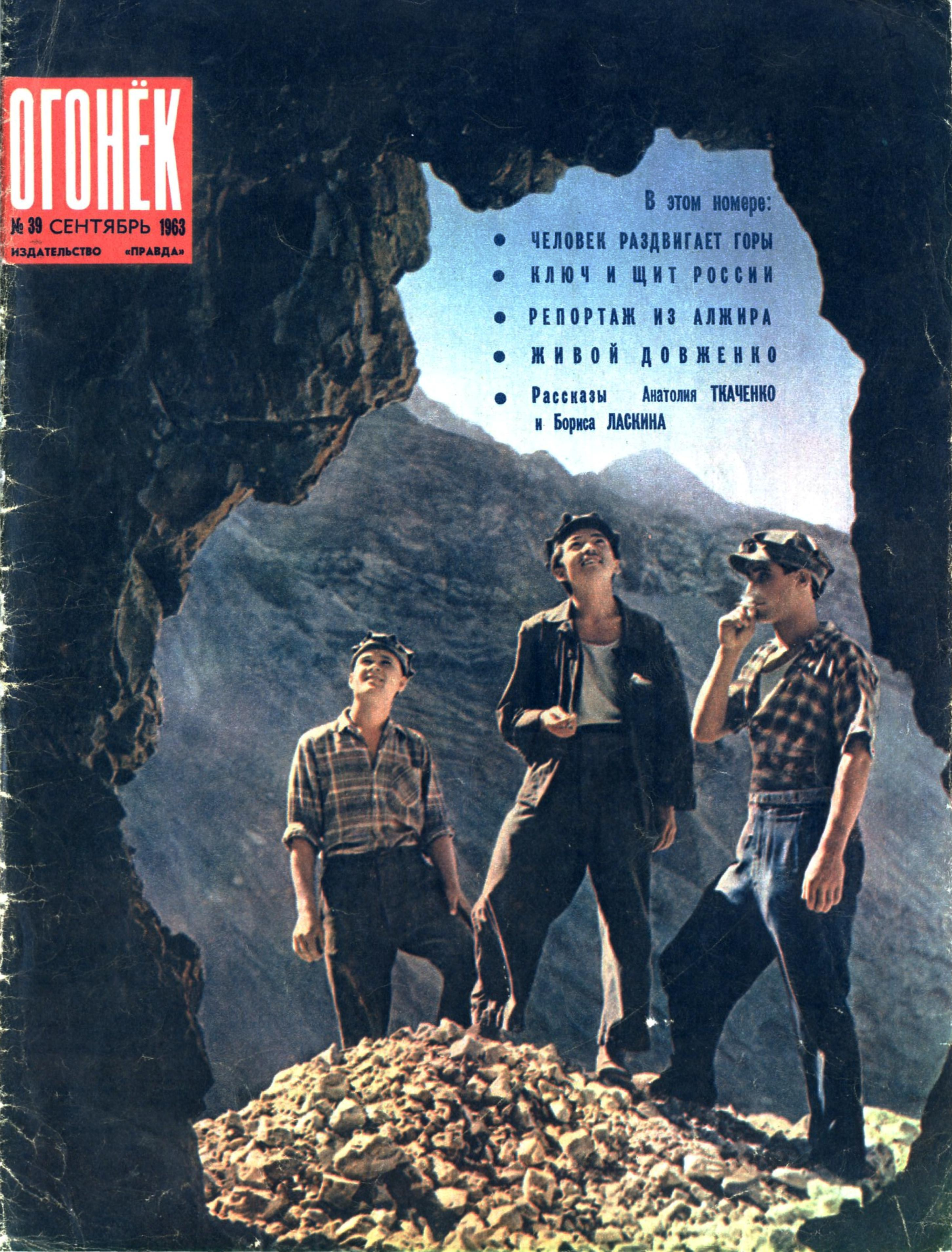

ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1963
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
В этом номере:
● ЧЕЛОВЕК РАЗДВИГАЕТ ГОРЫ
● КЛЮЧ И ЩИТ РОССИИ
● РЕПОРТАЖ ИЗ АЛЖИРА
● ЖИВОЙ ДОВЖЕНКО
● Рассказы Анатолия ТКАЧЕНКО и Бориса ЛАСКИНА

На строительстве Токтогульской гидроэлектростанции в Киргизии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 39 (1892)

22 СЕНТЯБРЯ 1963

41-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К 100-ЛЕТИЮ ВХОЖДЕНИЯ КИРГИЗИИ В СОСТАВ РОССИИ

НАРЫН — ЗНАЧИТ СОЛНЕЧНЫЙ

Вл. КРУПИН

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Стояг у подножия серой отвесной скалы двое. Сверху, с левого берега Нарына, фигурки их словно две песчинки среди угрюмых каменных исполинов. Не слышно отсюда их голосов, не различить лиц и жестов. Вот подошли к зияющему чернотой отверстию, нагнулись, и гора поглотила их. Поглотила и вытолкнула обратно. Не оглядываясь и не останавливаясь, бегут они прочь. Что там испугало их?.. Нет, не испугались—остановились неподалеку. Два трепетных сизых дымка взметнулись над головами. Курят.

И вдруг дрогнули горы! Ахнуло небо, раскалываясь надвое. Вскипел белой пеной Нарын, приняв в свой поток тысячетонный камнепад: скала рухнула...

Гора отодвинулась, уступая дорогу людям.

А там, где прошел человек, там пройдут и машины. Выползут из-за ближнего поворота бульдозеры. Начнут утюжить образовавшийся после взрыва уступ, сбрасывая с обрыва каменное крошево — остатки серой скалы. Выстроятся у завала в ожидании «зеленой улицы» самосвалы, цементовозы, аварийки. Подоспеют и экскаваторы.

Но вот снята с пути последняя преграда — и вся эта армада механизмов ринется вперед.

А где же те, двое? Они опять уже впереди, возле следующей гранитной громады. Прикидывают, как снести и ее, чтобы спрямить и расширить дорогу. И хотя по-прежнему высоки кручи над их головами, но не песчинками кажутся они теперь, когда

слышишь их неторопливую речь, когда видишь их уверенные, хозяйские жесты.

Я смотрю на них, таких разных и таких похожих, и думаю: кто они? Киргиз и русский. Одного звать Мукаш, другого — Михаил. Один — взрывник, другой — бурильщик. Оба проходчики. Товарищи по работе. Друзья в жизни.

Когда началась эта дружба? Здесь, на строительстве Токтогульской ГЭС, или, может быть, много раньше?..

Не в ту ли дальнюю и сумеречную пору, когда хозяин одинокой юрты нашел у входа в свое убогое жилище усталого, худого человека в странной полосатой одежде? Спокойными и синими, как небо над степью, очами глядел он в глаза киргиза. Беглец из царской темницы недолго пожил в юрте. Окрепнув на свежем воздухе и кумысе, он ушел на север, разбередив душу кочевника мечтою о свободе. Забылось имя его, и случай тот стал легендой. Но не забылись другие имена, хотя и они вошли в легенду. Вошли из жизни.

Немногие из аксакалов помнят старый Пишпек, глинобитный саманный Пишпек прошлого века. Но те, кто помнит, помянут добрым словом человека по прозвищу «даргер (доктор) Васыл» или «даргер Пурунзэ». Так звали в народе участкового фельдшера Василия Фрунзе.

Фрунзе... Токтогул Сатылганов услышал эту фамилию в стенах Александровского централа. Киргизский народный акын, приговоренный к смертной казни за свободолюбивую песню, не знал, конечно, что имя это войдет в историю киргизского народа, что после смерти имена Фрунзе и Токтогула будут стоять на карте рядом. Но он верил, что дружба их народов, рожденная в борьбе, восторжествует. И он слагал в застенке песни в то время, как Михаил Фрунзе, сын «даргера Васыла», тоже приговоренный к смерти, сосредоточенно учил в своей камере английский язык.

Они победили смерть! Они прошли революцию. И передали свое дело следующему поколению.

Это дело защищал в московском небе сорок первого года сын пролетарского полководца Герой Советского Союза Тимур Фрунзе. За это же дело сложил свою голову на подмосковной земле сын киргизского крестьянина Дуйшенкул Шопоков.

...Я стоял как-то у памятника Шопокову — панфиловцу, Герою Советского Союза — в сквере, недалеко от дороги Фрунзе — Токтогул, когда мимо меня прошла пожилая женщина в пестром национальном платке. Она остановилась чуть поодаль, возле другого монумента, и прикоснулась усталой рукой к холодному камню. Глянула в лицо бронзовой женщине с волевым скуластым лицом, тронула краем платка глаза свои и удалилась. Я сначала не понял, что так поразило меня в этой сцене. И только прочтя на постаменте имя «Суракан Кайназарова», догадался. Да, это была она — и бронзовая и та, живая, что сейчас прошла здесь! Имя ее

См. на странице 4,5.

16 сентября Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев побывал в совхозе «Волго-Дон» — крупнейшем хозяйстве поливного земледелия. Никита Сергеевич осмотрел овощные плантации, посевы кукурузы, беседовал с рабочими, звеньевыми, специалистами совхоза. На снимке: Н. С. Хрущев осматривает кукурузное поле совхоза «Волго-Дон».

Никита Сергеевич побывал на Мамаевом кургане в Волгограде, где сооружается архитектурный ансамбль, посвященный великой битве на Волге. Руководитель работ скульптор Е. В. Вучетич рассказал о ходе строительства.

Н. С. Хрущев на Волжском химическом комбинате.

Фото С. РАСКИНА.

КРЕПНУТ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

9 сентября в нашу столицу прибыл министр торговли Англии Фредерик Эрролл.

Ф. Эрролл был принят в Кремле Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым, имел встречи с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и министром внешней торговли Н. С. Патоличевым.

«Я очень рад, — заявил Ф. Эрролл нашему корреспонденту, — что торговля Англии с Советским Союзом со дня подписания первого в истории англо-советских отношений пятилетнего соглашения о товарообороте, то есть за четыре года, увеличилась в четыре раза. Я думаю, что у нас имеются хорошие реальные перспективы для развития торговли между нашими странами».

Поездка по Советскому Союзу, которую предпринял министр торговли Англии и сопровождающие его лица, позволит гостям познакомиться с жизнью нашей страны, лучше узнать интересы своего торгового партнера.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Ф. Эрролл в Кремле во время приема.

Фото С. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО (ТАСС).

КОЛХОЗНЫЙ ПАНСИОНАТ

В центре всемирно известного курортного города Пятигорска, рядом с гостиницей «Машук», заканчивается строительство четырехэтажного колхозного пансионата на 132 места.

Летом 1964 года пансионат «Руно» примет первых отдыхающих из животноводческого колхоза имени XVII партконференции Ремонтненского производственного управления Ростовской области.

Пансионат сооружается на средства из неделимых фондов колхоза-миллионера, где председателем депутат Верховного Совета СССР Е. Оганесян.

А. МИХАЛКОВ

Строится солярий пансионата.

Фото автора.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ 10.000 НАХОДОК

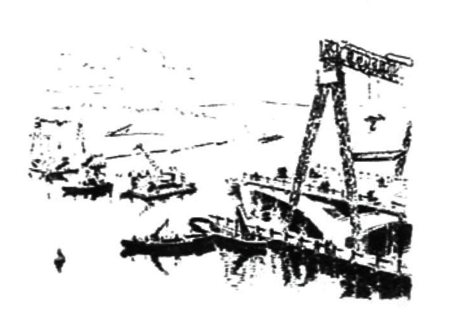
Это произошло в один из жарких летних дней 1955 года. В овраге Сунгирь, на восточной окраине древнего Владимира, работал экскаватор: добывал глину для местного кирпичного завода.

Стальные челюсти ковша все глубже вгрызались в грунт. Вдруг экскаваторщик Начаров заметил, что ковш захватил кость. Откуда взялась она здесь, в глиняной толще, на глубине четырех метров?

А ковш вынимал все новые и новые находки. Начаров собрал их и вечером, после смены, повез во Владимир, в краеведческий музей.

Вскоре из Москвы прибыла экспедиция института археологии Академии наук СССР под руководством старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук О. Н. Бадера. Начались раскопки. Экскава-

МЕТРО—МОСТ



Первый участок Киевского метро связал вокзал с берегом Днепра — направление наиболее интенсивного движения транспорта.

Сейчас линии метро продолжают вести в обе стороны от вокзала: в сторону завода «Большевик», через Днепр — в Дарницу.

На днях я был в Киеве и зарисовал строительство метромоста.

Н. ЮРИКОВ,
архитектор

ДЛЯ БОЛЬШОЙ ХИМИИ

Уральский завод химического машиностроения — одно из ведущих предприятий. Автоклавы, сепараторы, вакуум-фильтры, теплообменники и другие аппараты «Уралхиммаша» идут на десятки строек Советского Союза и за рубеж. Химмашевцы обязались в этом году дать стране сверхпланового оборудования на 500 тысяч рублей. Уже сегодня в государственную «копилку» положено больше половины.

На снимке: Бригадир коллектива коммунистического труда коммунист В. Медведев (в центре) со сборщиками Н. Игнатовым и А. Тиуновым.

Фото Г. Копосова.

СТЕПНОЙ КОЛИЗЕЙ

...Возвращаясь однажды из поездки по Поволжью, оренбургский драматический театр имени Горького задержался в Бузулуке. Здесь предстояло показать пьесу Николая Погодина «Кремлевские куранты». Но оказалось, что даже самый большой клуб районного города не мог вместить всех желающих посмотреть спектакль. Тогда решили дать пред-

ПЕНА И ПОЖАРЫ

Из окон трехэтажного дома вырывались клубы черного дыма. Пожарные быстро проложили к дому рукавные линии и у входа в подвал установили странный большой раструб.

— Подать пену!

Загудел мотор, и широкая струя пены устремилась в подвал. Вот пена покрывает стекла первого этажа. Через две минуты рыхлые белые облака переползают на второй этаж, затем на третий. Прошло четверть часа — и под давлением густой пены окна в доме с силой распахнулись, обильные хлопья вырвались наружу и, словно снег, покрыли землю вокруг.

— Вот как действует высокократная пена — новое эффективное средство тушения пожаров,— сказал нам начальник Свердловского областного управления пожарной охраны Евгений Петрович Савков.— Наша испытательная станция уже довольно долго работает над ее применением. Как видите, достигнуты определенные результаты. Пожар локализован.

Вообще-то пена для тушения пожаров применяется уже давно. Но до сих пор использовали шестикратную или десятикратную пену. Однако она не давала необходимого эффекта: такой пеной быстро заполнить помещение практически невозможно. И вот недавно в Свердловске стали применять новый метод: один кубометр раствора пенообразователя может теперь дать не десять, а четыреста кубометров пены.

Такая пена теплонепроницаема, и пожарные в помещении, заполненном ею, будут в полной безопасности. Пузырьки пены богаты кислородом, это позволяет пожарным в задымленном, горящем доме обходиться без специальных кислородных приборов, достаточно закрыть лицо тонкой металлической сеткой.

Этот метод особенно ценен, когда пожар возникает

Пожар ликвидирован.

Фото А. Анатольева.

В РАБОТЕ— ВЗРОСЛЫЙ

Витя Мац — школьник, он учится в шестом классе. А в труде с ним не всякий взрослый потягается: на уборке сена в совхозе Камышенском Алтайского края Витя почти в полтора раза перевыполнил норму. Работники совхоза шутливо зовут Витю «маяком семилетки». И в этой шутке — настоящее уважение взрослых к умелому, ловкому пареньку.

Фото А. Щепеткина.

ОСЕНЬ—ПОРА ПОКУПОК

Пошли дожди... Таллинская обувная фабрика «Коммунар» выпустила к осени 10 новых моделей обуви.

Понадобились плащи. Их в городе достаточно: швейная фабрика имени Клементи к сезону дождей обычно выпускает плащи 10—15 моделей. Нынче больше всего покупатели спрашивают импрегнированные, с пристегивающейся подкладкой.

Трикотажная фабрика «Марат» увеличила выпуск тренировочных костюмов с начесом и выпустила новые модели шерстяных кофт.

На улице Виру мастера спешно заканчивают отделку нового магазина, за широкими окнами виднеются тюки чулок и носков, среди них, конечно, и шерстяные.

торщик Начаров оказался первооткрывателем замечательного своеобразного памятника — самого северного на русской равнине поселения людей древнекаменного века.

Стоянка в Сунгире относится к начальной поре верхнего палеолита, когда произошло формирование антропологического типа современного человека и первобытного родового строя. Время, отделяющее нас от этого поселения охотников за мамонтами и бизонами, определяется в 30 тысяч лет.

Все новые и новые находки прибавляются к ранее обнаруженным. Собрана богатейшая коллекция — десять тысяч экспонатов — орудий труда древнего человека.

В начале сентября во Владимир прибыли участники международного симпозиума археологов, посвященного проблемам геологии и периодизации палеолита. Ученые Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии, ГДР и Советского Союза заинтересовались Сунгирской стоянкой древнего человека. Они решили изучить на месте раскопки этой классической для палеолита стоянки, проследить наслоение почв на протяжении многих веков. Эти наслоения здесь видны особенно отчетливо.

В течение нескольких дней знакомились археологи и геологи со стоянкой Сунгирь, изучали надпойменный разрез террасы Клязьмы и разрезы почв между Сунгирем и Суздалем, осмотрели коллекцию орудий труда, найденных на месте раскопок.

М. ГРОМОВА

Участники международного совещания археологов на месте стоянки Сунгирь во Владимире.

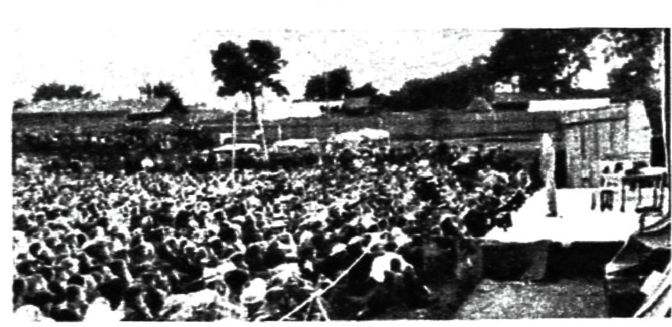
Фото И. Савиновой.

ставление на открытом воздухе, прямо в степи.

Нашли подходящее место на склоне холма: естественный амфитеатр, рядом река, лес. Наскоро построили сцену, привезли две походные электростанции и радиостанцию, чтобы любой из зрителей слышал каждое слово, произнесенное со сцены.

В день спектакля к степному колизею потянулись автомобили с людьми. На степных дорогах путь им указывали красные флажки с белыми стрелками и с надписью «К театру». Приехали и торговые палатки, книжные киоски, и даже пожарная команда.

Огромный амфитеатр быстро заполнялся. Актеры и главный режиссер театра



Юрий Самойлович Иоффе — он, собственно, и был инициатором этого необыкновенного спектакля в степи — волновались. Еще бы! Одиннадцать тысяч зрителей — такое не каждый день бывает!

Представление превзошло самые смелые ожидания.

Павел КАТАЕВ

Фото Н. Фомичева.

в подвале. Мы присутствовали при опытном тушении большого пожара в подвале с узкими коридорами, многочисленными ступеньками. Десятки кубометров дров облили тут бензином и подожгли. Когда специальные аппараты, установленные снаружи, доложили, что температура достигла 700 градусов, была дана команда, и гигантская масса пены медленно вползла в подвал. Растекаясь по всем закоулкам, пена заполнила его до отказа и ринулась обратно. И тогда трое пожарных — Л. Гинзбург, А. Речихин, М. Ванчугов,— надев кислородно — изолирующие аппараты, вошли в подвал. А через несколько секунд начальник части Б. Щеголев принимал по телефону их доклады:

— Идем по очагу пожара. Все нормально.

— Обошли все помещение. Пена до потолка. Считаем, что пожар ликвидирован.

Прошло всего двенадцать минут с того момента, как в подвал, охваченный пламенем, была пущена первая струя пены.

— Опыты, которые проводятся в Свердловске, заслуживают серьезного внимания,— сказал нам присутствовавший на испытаниях начальник Управления пожарной охраны Министерства охраны общественного порядка РСФСР М. И. Земский.

Кстати, высокократная пена интересует не только пожарных. Разработана рецептура твердеющей высокократной пены. Ее использовали как утеплитель при бетонировании тела плотины Красноярской ГЭС. А когда одной из киностудий потребовалось летом производить съемки зимней натуры, затвердевшая пена отлично заменила снег...

ФЛАГМАН ЭНЕРГЕТИКИ

Неподалеку от Днепропетровска расплескала мириады огней крупнейшая тепловая электростанция — Приднепровская ГРЭС.

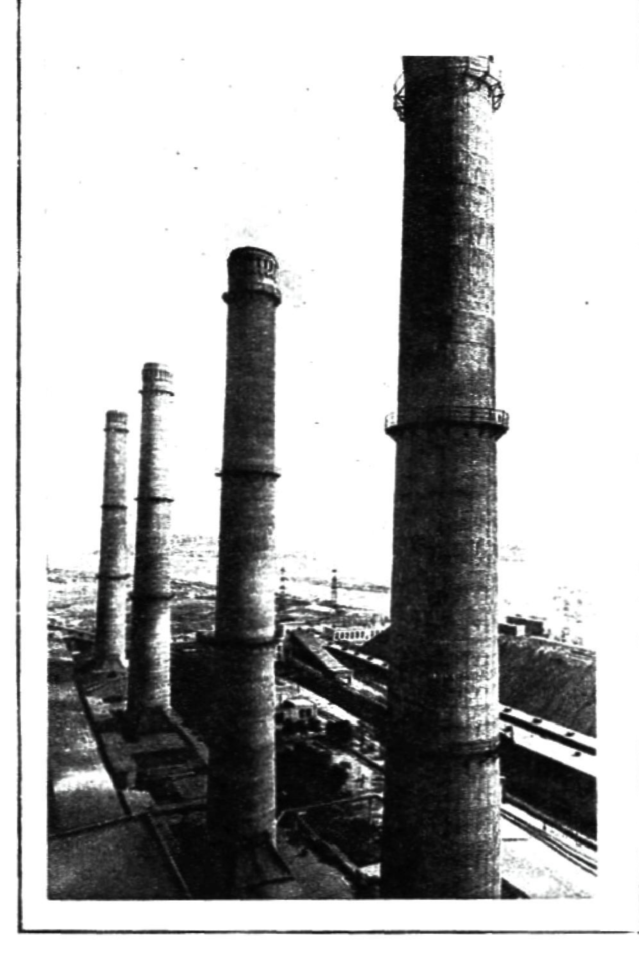
На десятки метров протянулось просторное, полное солнца помещение — машинный зал электростанции. Это не просто турбинный цех, это своеобразная гигантская лаборатория. Здесь шли непроторенными путями, здесь работала творческая мысль, внедрялись прогрессивные методы монтажа, впервые испытывались в работе новые, так называемые головные образцы энергетического оборудования. И чем мощнее были турбины, тем выше и выше буравили небо трубы электростанции.

Сейчас в этом зале рождается электричество. Мерно гудят, вибрируют громадные бронированные тела мощных машин: шесть турбин по сто тысяч киловатт, четыре турбины — по сто пятьдесят тысяч и вот она, гигантская турбина в триста тысяч киловатт! Для того чтобы сдвинуть с места многотонную громаду ротора турбины и заставить вращаться его со скоростью три тысячи оборотов в минуту, таганрогские котлостроители создали уникальный котел производительностью 950 тонн пара в час с температурой 585 градусов. Это сооружение, где причудливо переплелись десятки километров стальных труб различных диаметров, имеет высоту семнадцатиэтажного дома и собрано из пятидесяти семи тысяч деталей.

Скоро состоится пуск первой в нашей стране трехсоттысячной турбины, и уже ведется монтаж второго такого же агрегата, на очереди третий и четвертый. Еще вчера мощность электростанции была миллион двести тысяч киловатт, сегодня — полтора миллиона киловатт, завтра она достигнет фантастической цифры — два миллиона четыреста тысяч киловатт.

Виктор **БОРУЛЯ**

Фото Л. Устинова.



Тартуская текстильная фабрика «Ауренг» выпускает хорошую шерстяную ткань, у нее мягкие и в то же время яркие цвета, и называется она «Малле».

В Таллинском универмаге — осеннее оживление, увеличился спрос на демисезонные пальто. Здесь продаются пальто 27 моделей из 23 видов материи, недавно полученные со своих фабрик, а также из Польши, Германии и Венгрии.

Пора покупать демисезонное пальто.

Фото В. Сальмре.

Осень — это короткие дни и длинные вечера, мокрые парки и ветер на взморье; теперь человека больше тянет домой, и хочется, чтобы в доме было уютно. Об уюте в квартирах позаботилась таллинская фабрика «Стандарт», известная своей модной светлой мебелью: она выпускает к сезону новый вид секционной мебели.

— Покупателей в нашем городе становится все больше,— рассказывает сотрудник таллинского промторга Уно Каллас.— Нынче до конца года нам предстоит открыть четыре новых промтоварных магазина, один из них мебельный.

— А мы откроем 6 магазинов,— сообщает директор таллинского продторга Вальтер Пальмберг.— Это будут и удобные магазины без продавцов, они строятся главным образом на окраинах города, там, где все время принимают новоселов новые дома.

В городе идет оживленная торговля фруктами и овощами, на Центральной площади открылась плодоовощная ярмарка. По улицам снуют грузовики с капустой, картофелем, помидорами, огурцами, яблоками, сливами и виноградом, и город полон вкусных запахов и ярких красок осени.

Н. ХРАБРОВА

НАРЫН — ЗНАЧИТ СОЛНЕЧНЫЙ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

некогда гремело! Дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР С. Кайназарова собирала в Чуйской долине рекордные урожаи сахарной свеклы. До 1 080 центнеров корней с гектара!

Подкралась старость с ее недугами. Пришло время уйти на пенсию. Но разве только бронза напомнит нам теперь о славных делах тети Суракан?

Ее выученица и сподвижница Наталья Воробьева, ставшая тоже Героем, множит их год от года. И не случайно, видимо, народ передал Н. И. Воробьевой как эстафету депутатский мандат С. Кайназаровой в нашем парламенте...

И вот еще одна эстафета: Уч-Курган — Токтогул.

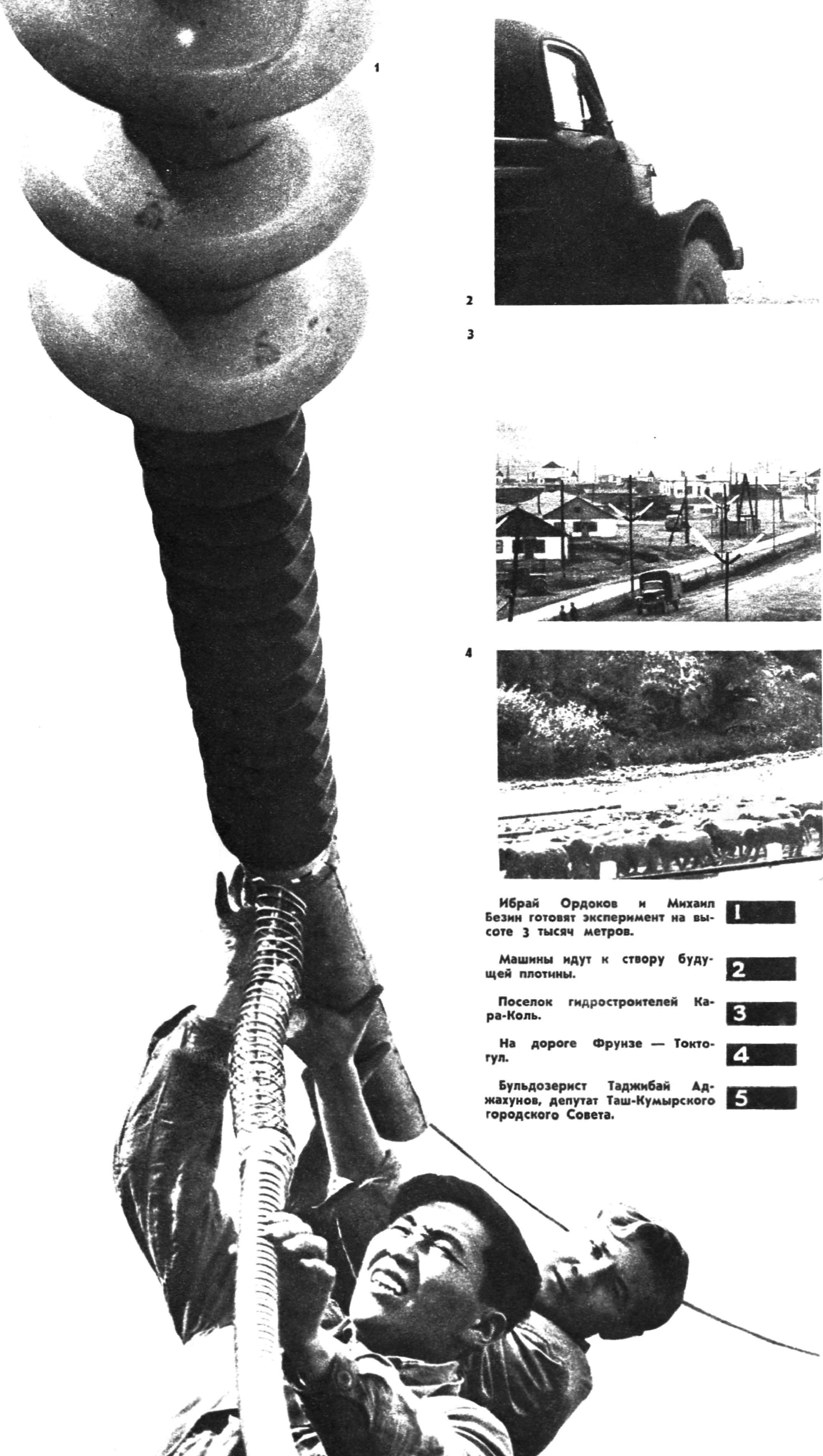
Уч-Курганская ГЭС на реке Нарын была задумана давно. Хотя невелика ее мощность — меньше двухсот тысяч киловатт,— однако поставить эту плотину на бурной и своенравной реке было весьма сложно. Впрочем, как говорится, лиха беда — начало. Еще не был включен первый агрегат Уч-Курганской гидростанции, как зашел разговор о Токтогуле, о целом каскаде ГЭС на Нарыне.

Впервые во весь голос о Токтогульской ГЭС заговорили на XXII съезде партии. Поначалу строительство этого гидроузла мыслилось где-то за пределами семилетки. Партия внесла неожиданный и серьезный корректив в народнохозяйственный план: ускорить сооружение ГЭС на несколько лет! Почему вдруг? Не вдруг. И вот почему.

Река Нарын (что означает «солнечный») таит в себе неисчислимые возможности. Основной приток Сыр-Дарьи, она несет в нее добрую половину водных запасов. Но вот беда: характер Нарына непостоянен. То он дает воды с избытком, а то по капле. Годовой сток Сыр-Дарьи, бывает, достигает 24 миллионов кубометров. А иной раз падает до 8 миллионов. И тогда, в маловодный год, оросительные каналы в Ферганской долине, в Голодной степи остаются без влаги. Два миллиона гектаров хлопка, кукурузы, джугары, садов страдают от недостатка воды. Что̀ еще особенно досадно — бо̀льшую половину своего стока Нарын сбрасывает в Сыр-Дарью весной. А летом, когда ферганский хлопок особенно нуждается в поливах, река отпускает воду по самой худой норме.

Напрашивался один выход: создать водохранилище, где запас воды превышал бы среднегодовой сток Сыр-Дарьи. Тогда-то и вспомнили о Кетмень-Тюбинской долине.

Здесь, на родине Токтогула, где отвесные берега Нарына подходят вплотную друг к другу, конструкторы искусственных морей предложили поставить плотину высотой свыше 200 метров. Токтогульское водохранилище разольется на 265 квадратных кило-



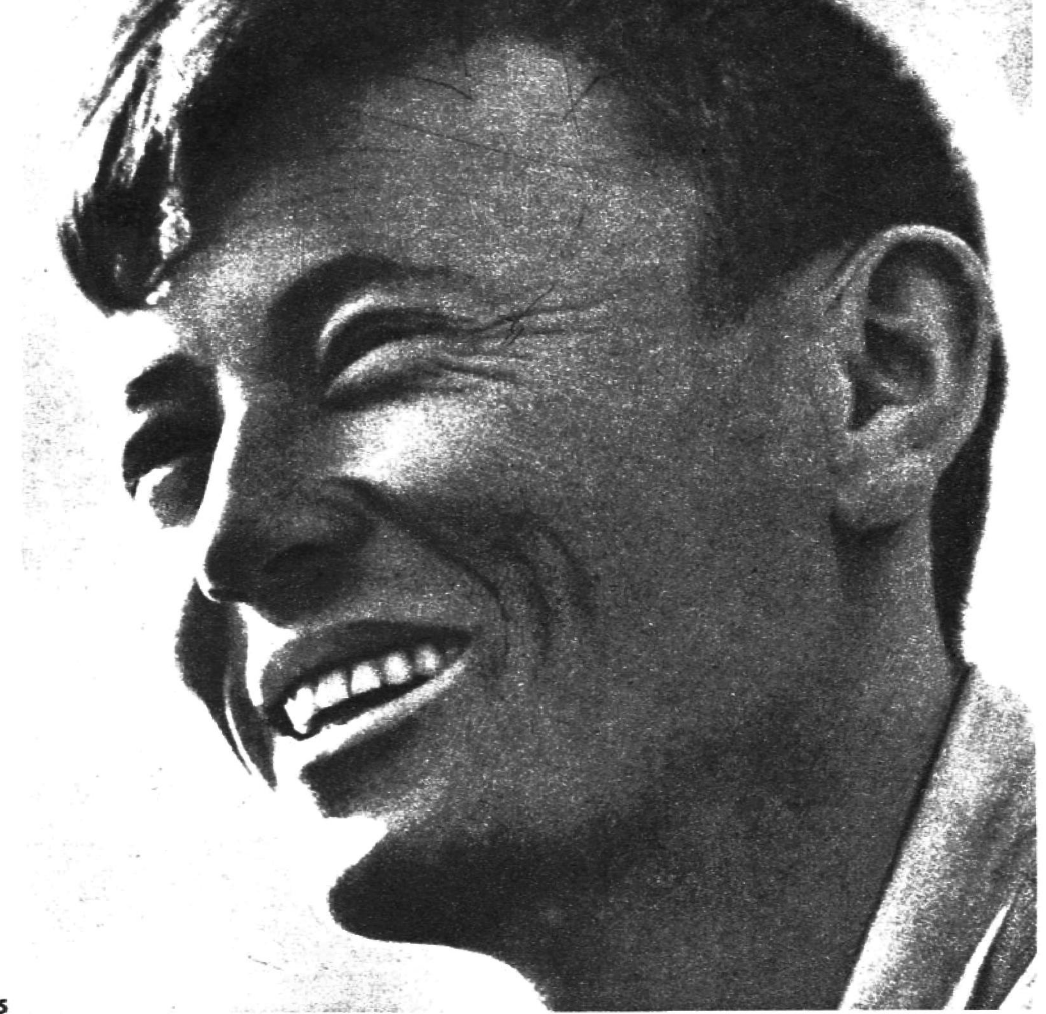
1 — Ибрай Ордоков и Михаил Безин готовят эксперимент на высоте 3 тысяч метров.

2 — Машины идут к створу будущей плотины.

3 — Поселок гидростроителей Кара-Коль.

4 — На дороге Фрунзе — Токтогул.

5 — Бульдозерист Таджибай Аджахунов, депутат Таш-Кумырского городского Совета.



5

метров. Оно вместит 17 миллиардов кубометров воды. Такого запаса влаги хватит на самый засушливый год для орошения всей пашни в бассейне Сыр-Дарьи. В Киргизии, Узбекистане, Южном Казахстане можно будет дополнительно оросить еще сотни тысяч гектаров плодородных земель. Машинный зал ГЭС задумано вырубить в скале. Каждая турбина станции — это целая Уч-Курганская ГЭС, а общая мощность Токтогула составит 1 миллион 200 тысяч киловатт.

Все эти достоинства гидроузла — в особенности дешевизна электроэнергии (киловатт-час обойдется всего в три сотых копейки) — и потребовали ускорения строительства.

Сроки установили сжатые: начать в шестьдесят втором и завершить в основном к 50-летию Октябрьской революции. Не слишком ли мало времени, чтобы возвести такую махину? Да еще в горах, в стороне от главных коммуникаций страны, от источников электроэнергии. Ведь опыт возведения равнинных ГЭС показал, что и шести лет на станцию такой мощности не всегда хватает. Но тот же опыт показал и другое: современная техника, которой оснащаются гидростроители, быстро идет вперед. И то, что мы не могли считать реальным десять лет назад, когда начинали сибирские ГЭС, завтра — а где и сегодня! — войдет в практику.

Первая задача — сколотить коллектив. Сколотить на годы вперед. Ядро «Нарынгидроэнергостроя» образовали учкурганцы. Их опыт «обращения» с Нарыном, со здешними скальными грунтами пригодится на Токтогуле как нельзя лучше.

Я видел, как лихо и четко управлял бульдозером Таджибай Аджахунов, то взбираясь по отвесным коварным осыпям, то обрушивая в Нарын обломки раздробленных взрывниками скал; затаив дыхание, следил, как верхолаз Талгат Мавлетов, жонглируя шестом и веревкой, действовал на головокружительной высоте, выискивая и сбрасывая вниз затаившиеся над дорогой камниползуны. Мне рассказывали, как бригада электромонтажников Медыхата Халиулина осуществила простой и смелый проект рабочего Рахми Раджабова. Нужно было быстро провести высоковольтную линию к створу будущей плотины, к штольням, которые прорубаются в скалах. Линию вынесли вверх от дороги. Казалось бы, чего проще — передвинуть опоры чуть повыше. А вы попробуйте поработать на кручах с откосом до 70 градусов! Так или иначе, но электроэнергия на правый берег подана. Между прочим, и она пришла сюда тоже с Уч-Курганской ГЭС.

Отсюда же, с Ташкумыра, идут на стройку и в поселок строителей грузы. Идут по новенькой дороге Ош—Токтогул. Прокладывается дорога к Токтогулу и с севера. На перевале Тюя-Ашу, на высоте трех тысяч метров, уже заканчивается сооружение тоннеля на автомагистрали Фрунзе — Ош.

Дела на стройке развертываются по графику. Всего за год вырос жилой городок — в нем уже семь тысяч жителей. Выдал первый бетон свой завод. К празднику — столетию вхождения Киргизии в состав России, которое отмечается в скором времени,— стройка выполнила уже и октябрьский план. Таков нынешний день Токтогула.

А сама Токтогульская ГЭС — это завтрашний день Киргизии. Это только вторая (из двадцати!) ступень Нарынского каскада.

Все же станции каскада впрягут в работу восемь миллионов лошадиных сил, Нарын протянет руку Вахшскому каскаду в Таджикистане, Чирчикскому — в Узбекистане. Возникнет единая среднеазиатская энергосистема. Отсюда миллион-другой киловатт можно будет в случае нужды подбросить на Урал, в Казахстан или в Сибирь.

Каким образом подбросить? Расстояния немалые. Да и высоты, по которым придется карабкаться строителям высоковольтных ЛЭП — линий электропередач, необычные — по 2 тысячи — 3 тысячи метров. Энергетики упорно ищут решения этой проблемы. На том же Тюяашинском перевале Киргизский филиал Московского института имени Г. М. Кржижановского поставил ряд экспериментов. Есть такое явление—электрическая корона. В сумерки, особенно в ненастную погоду, вокруг проводов высоковольтных линий вспыхивает зыбкий желто-фиолетовый свет. Выглядит это очень эффектно. Но корона вызывает большие потери электричества. Считалось, что в горных условиях из-за разреженности воздуха потери возрастут в десятки раз.

В Ленинграде и в горах Киргизии были построены две опытные ЛЭП постоянного тока. На Сусамыре опыт вел молодой ученый Ибрай Ордоков. Данные сравнили. Оказалось, что опасения экономистов и физиков напрасны. Можно тянуть в горах линии постоянного тока, ибо потери на корону здесь сравнительно невелики!

Еще одна проблема Большого Нарына — промышленный комплекс в горах Тянь-Шаня. Сокровища, скрытые там: уголь, алюминий, цветные и редкие металлы,— дожидаются своего часа. Ключом к ним и будет Токтогульская ГЭС.

В Институте экономики Академии наук Киргизской ССР мне посчастливилось быть свидетелем любопытного научного разговора. Речь шла о будущем горнохимическом комбинате. В районе Сандыка найдены нефелиновые сиениты, а по соседству, в Каракиче,— месторождение угля. Директор института кандидат географических наук Каип Оторбаев нарисовал заманчивую картину индустриального комплекса. Он будет давать алюминий и цемент, поташ и стекло, полное минеральное удобрение, включающее калий, фосфор и азот, и многое другое.

...Гулкий грохот снова прокатывается по ущелью. Это там, у створа будущей плотины, куда ушли Мукаш и Михаил. Немного еще осталось до того дня, когда они обрушат в Нарын первую каменную лавину, перекрывая русло. Вскипит, побелеет от злости коричневый, всегда мутный поток. И, остановленные могучим монолитом плотины, быстрые воды его неторопливо поднимутся наверх. Отстоится, осядет муть на дно рукотворного моря. Вода посветлеет, прояснится, и в ослепительной голубизне ее отразится веселое горное солнце.

СИГНАЛ АГРОНОМА...

ХЛЕБНЫЕ КУРГАНЫ

В. ШАЯКИН

Кто не видел бронзовых ворохов зерна, возвышающихся на токах, подобно сторожевым курганам! Выглядят они эффектно, особенно для неискушенного городского жителя. У меня такие картины чаще отзываются острой болью в сердце, может быть, потому, что видеть их мне приходилось под хмурым небом дождливой сибирской осени. Не может агроном любоваться этими холмами хлеба. Даже под крышей.

...Комбайн тяжело движется по полю, оставляя на размокшей земле глубокие колеи от колес. Из шнека в бункер хлещет зерно. Подходит машина. Водопад льется в кузов. Обычно это водопад не только в переносном смысле: хлебная масса содержит до тридцати процентов влаги! Много и зеленых сорных примесей. Хлеборобы большинства подтаежных и таежных районов Сибири — а площадь их немалая, она равна, пожалуй, всем полям Западной Европы! — везут домой вот такой урожай. Одну четверть в нем, а то и треть составляет вода.

Мне восемь лет довелось работать в приенисейской тайге, на Казачинской опытной станции, и не было года, чтобы мы убирали яровую пшеницу, овес или горох с влажностью ниже двадцати процентов. И вот недавно, во время отпуска (теперь я преподаватель донского сельскохозяйственного института), снова побывал в знакомых местах, на полях Сибири. Картина та же. Много хлеба теряется уже после уборки — и на токах и на площадках хлебоприемных пунктов. Почему? Здесь частенько скапливается сырое зерно, оно неделями лежит в ожидании сушки. Хлеб портится, сильно греется, семена теряют всхожесть.

Ездил я по сибирским дорогам, и больно было смотреть на хлебные курганы. Вот бурт, в нем двести тонн зерна. Это гора в два или три человеческих роста, которая впитала в себя целое озеро. Хлебный курган дышит, живет, выделяет громадное количество тепла и быстро разогревается до такой степени, что не терпит сунутая в него рука. Однако эти двести тонн — всего лишь малая доля урожая даже в среднем хозяйстве. Такое количество колхоз сейчас намолачивает за день!

Откуда же появляются эти губительные озера? Зерно поступает от комбайнов на тока в десять раз быстрее, чем происходит его сушка. Я поинтересовался: за один проход через сушильную камеру влажность зерна обычно снижается всего на три процента. Это, конечно, очень мало. Чтобы, как говорится, выпарить лишние проценты, всю партию зерна приходится пропускать через сушилку и четыре и пять раз. Один курган сушится, а десяток ждет очереди...

Что можно сделать, если производительность сушильных машин очень низка?

Лопатить. И десятки, сотни людей вооружаются лопатами.

Можно продувать греющееся зерно на веялках. И люди сутками не отходят от веялок.

Можно переваливать хлеб с места на место с помощью транспортеров. Желтой радугой висит зерно над головой, натужно воют электромоторы, а работа подвигается медленно...

И последний выход: кое-где колхозы, не видя другого спасения, ссыпали сырое зерно прямо в силосные ямы. Хоть какой, да корм! Но поступать так в год, когда некоторые районы страны постигла засуха, нельзя. Это не по-хозяйски!

И поневоле возникает вопрос: нельзя ли как-нибудь все-таки сберечь золотые хлебные курганы? Можно! Я побывал в элитном хозяйстве Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Там зерно из бункеров подавалось на предварительную очистку, потом шло прямо на сушилку «ВИСХОМ», затем, пройдя через две сложные зерноочистительные машины, оно попадало в мешки и — на склад. Но и такой хорошо механизированный ток вызвал весьма ироническое замечание моего спутника:

— Агрегаты, конечно, хорошие. Конвейер!.. Но главной проблемы он все-таки не решает.

— А что решает? — спросил я.

— Есть кое-что получше...

Мы познакомились. Это был инженер Рыков, Виктор Николаевич. Он долго рассказывал мне об активном вентилировании.

Рыков против «огневой сушки» в камере. Это процесс медленный, он тормозит все работы на току. Из сушилки вываливается курья — иначе не назовешь распаренную массу семян! Потом она остывает.

— А сколько поленниц дров надо сжечь? — подсчитывает Рыков.— Сколько горючего? Электроэнергии? Работы на току обходятся дороже, чем в поле...

Что предлагает Рыков? Активное вентилирование: продувать сильную струю воздуха через хлебный курган. Испытания показывают, что семена всех полевых культур можно без порчи не только сохранять на токах в больших первоначальных буртах, но и сушить тут же, так сказать, без помощи лопат.

И вот я в Омске, в лаборатории у Виктора Николаевича, в Сибирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства. Это своеобразная комната климата: определенная температура, заданная влажность воздуха. Все регулируют релейные устройства. Учитываются потери влаги за минуту, за час, за сутки. Ровно жужжит вентилятор.

Установка для сушки зерна, рассчитанная на большой колхозный ток. Она, пожалуй наиболее проста из всех существующих. А сушить на ней можно очень большие партии хлеба — по полторы-две тысячи центнеров сразу!

Зерно из машин высыпается прямо на установку. Получается бурт высотой до полутора метров. Один вентилятор подает воздух сразу под курган весом в пять-

---

ЖАЛУЮТСЯ АМЕРИКАНСКИЕ ПОДПИСЧИКИ

Американские подписчики «Огонька» сообщают нам, что им не доставлен «Огонек» № 34, вышедший в свет 18 августа. Все попытки подписчиков обнаружить журнал в местных отделениях связи окончились безрезультатно. «Обращайтесь на таможню»,— отвечают почтовые чиновники. Сотрудники таможни, в свою очередь, отсылают подписчиков на почту.

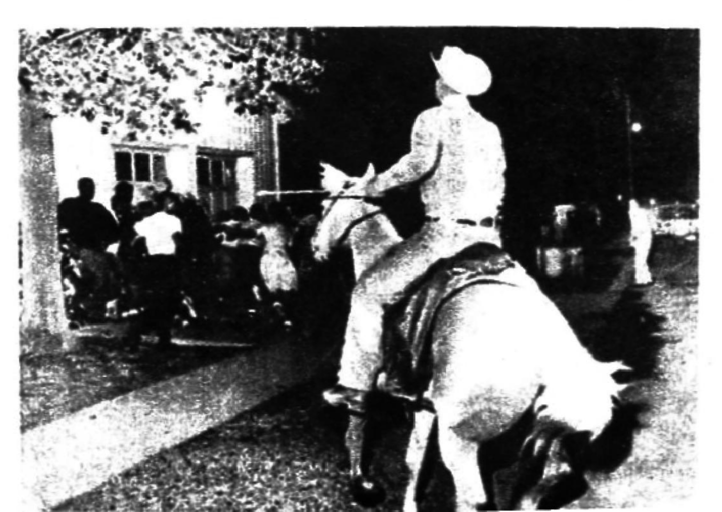
Редакция «Огонька» обратилась в отдел распространения издательства «Правда» и на Международный почтамт в Москве и выяснила, что № 34 журнала, как обычно, был своевременно отправлен американским подписчикам.

К сожалению, это не первый случай, когда в США чья-то недружелюбная рука задерживает «Огонек» на пути к читателю. Замечено, что подписчикам не доставляются именно те номера нашего журнала, где помещены очерки и репортажи о событиях в США. В «Огоньке» № 34, в частности, был напечатан репортаж Бориса Стрельникова о борьбе американских негров за свои права.

Очевидно, американские цензоры боятся честного освещения советской прессой неприглядных явлений американской жизни.

Расисты и полиция — вместе. В Плэкмайне, Луизиана, полицейские обстреляли патронами со слезоточивым газом негров, собравшихся в церкви.

Конная полиция, вооруженная стержнями, по которым пропущен электрический ток, разгоняет демонстрацию негров.



ПОЗОР

«Женщина-негритянка стояла на улице и плакала на плече у другой женщины. В руках она сжимала маленький детский башмачок. «Ее дочь убита»,— заявил человек, стоявший рядом...»

Эти строки передал корреспондент Ассошиэйтед Пресс из города Бирмингема, штат Алабама. Он

сот — шестьсот центнеров и с влажностью зерна до 22 процентов.

Да, тоже курганы. Но они не греются, они не горят. Пористая масса зерна с силой продувается насквозь. Опыты и производственные испытания, проведенные инженерами СибНИИСХОЗа, показали высокую эффективность активного вентилирования. Влажность резко снижается, а всхожесть семян даже увеличивается. Установку обслуживает... один человек.

Понижение влажности на один процент в тонне зерна обходится всего в одиннадцать копеек. Там, где дешевая электроэнергия, вентилирование втрое выгоднее, чем сушка в старых сушилках. А там, где пока энергии нет, можно приспособить двигатель «ДТ-54».

Это уже не только мечта, поиск или эксперимент. Ныне в некоторых совхозах Омской области и на Куломзинском хлебоприемном пункте Красноярского края сушат зерно по-новому. Там очень этим новшеством довольны. Оказалось, установку можно с успехом применять не только на складах, но и под навесами, на полевых площадках, в клунях. Она может быть сооружена в любом месте плотниками за один день. Из одного кубометра досок изготовляется воздухопроводящая сеть почти на двести тонн зерна! Это в котором озеро воды... Всего один кубометр досок — и вся проблема. Хорошо! Ставь вентилятор, насыпай зерно. Но... тут выясняется, что вентилятор не поставишь: его нет. То есть они, такие вентиляторы, есть, они вовсю используются в промышленности: «СВМ-5М» и «СВМ-6М». Но ни в магазинах, ни на базах «Сельхозтехники» их не найдешь.

А люди, добрые хозяева, все-таки исхитряются: куют пропеллер в своей мастерской и ставят на тракторный мотор. В другом хозяйстве для нагнетания воздуха используют старый самолет. Лишь бы спасти народное богатство!

Но мало, ох, как мало еще у нас установок для воздушной сушки!

— Нет вентиляторов,— по-прежнему говорят на базах.

Странно это слышать: ведь промышленность способна снабдить вентиляторами все нуждающиеся колхозы, совхозы и заготовительные пункты страны. Буквально за один год! И тогда не страшны хлебные курганы, ни одно сибирское зернышко не пропадет, не испортится.

...И КОММЕНТАРИИ К НЕМУ

Многими миллионами тонн исчисляется ежегодный намолот хлеба в нашей стране. Теперь уже почти на сто процентов механизированы работы в полеводстве, производство зерна обходится нам все дешевле и дешевле. Но вот хлеб свезен на тока, к амбарам. И тут начинается все то, о чем остро и взволнованно написал агроном В. Шайкин: зерно лопатят, перебрасывают с места на место, а оно гибнет...

Сушка зерна — проблема большой государственной важности. В районах Сибири, в нечерноземной полосе, на северо-западе и в Прибалтике собранное зерно нередко попадает под дожди. Вот как комментирует выступление агронома В. Шайкина начальник управления внедрения новой техники, рационализации и изобретательства «Россельхозтехники» Виктор Афанасьевич Яценко:

— Объем сушки очень велик, примерно это треть урожая зерновых. Дело многотрудное; подсчитано, что затраты в нынешнем году составят более 8,5 миллиона человеко-дней! И все-таки мы зерно теряем. Почему? На вооружении земледельцев очень мало зерноочистительных и зерносушильных машин. А те, что есть, малопроизводительны: одна-полторы тонны в час, это же капля в море! В стране всего 12,5 тысячи сушилок — и то условных, в переводе на двухтонные. Нагрузка на каждую — 2 400 тонн зерна. Значит, каждая должна не выключаться 1 200 часов, то есть пятьдесят суток, чтобы справиться со своим «заданием». Но это застольные расчеты, а хлеб не ждет, хлеб гибнет. Где же выход? Прежде всего надо изменить технологию сушки зерна. Существующие сушилки дороги, малопроизводительны, отстали от века... Сейчас взят курс на создание зерносушильных пунктов. Это комплект специальных машин. Но пока таких пунктов в стране ничтожно мало. Беда еще и в том, что выполняют заказ девять заводов, а это вносит разнобой: то нет сушилки, то нет нориев, то нет автоподъемника...

Активное вентилирование не открытие сибиряков, но работа В. Н. Рыкова заслуживает самого широкого внедрения. Это наиболее простой и дешевый путь, потому что отпадает нужда в строительстве топок и в топливе вообще. Дело действительно за вентиляторами, и тут селян подводит промышленность...

В «Россельхозтехнике» наш корреспондент узнал о мытарствах конструктора А. Г. Таубина, который является автором высокопроизводительной барабанной сушилки. Агрегат прошел государственные испытания в Красноярске еще в 1957 году, но сушилку «засушили» в ВИСХОМе. Трижды выступали в защиту изобретателя «Известия», писала о неприглядной этой истории и «Сельская жизнь», а воз и ныне там, то есть очень далеко от хлебных курганов.

Всесоюзное объединение «Союзсельхозтехника» и Государственный комитет автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения при Совете Министров СССР должны утроить свои усилия и ускорить решение серьезной проблемы.

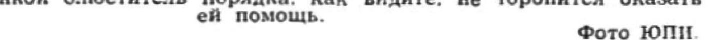
И ПРОКЛЯТИЕ РАСИСТАМ!

написал их через несколько минут после того, как в баптистской церкви на Шестнадцатой улице, где собралось много негритянских детей, прогремел взрыв. Бомба, брошенная расистами, принесла смерть шестерым негритянским детям. Многие дети получили тяжелые увечья.

Литтл-Рок, Нашвилл, Оксфорд, Бирмингем... Костры куклуксклановцев, расистские пули, полицейские штыки — всем этим реакционная Америка пытается запугать негритянское население страны, загнать его в гетто, заставить замолчать. Тщетно! Времена дяди Тома, забитого и смиренного, прошли навсегда. Негры Америки требуют права на труд, на человеческое достоинство, на жизнь. Их поддерживает все прогрессивное человечество. Мир клеймит позором расистов и их покровителей, которые лицемерно сетуют на «беспорядки» и отдают приказ стрелять в негров. Кокетничая фразами о «равноправии» и «демократии», американские сенаторы не предпринимают достаточных мер против разнузданного террора в южных штатах.

Немедленно прекратить расистские злодеяния, обуздать последователей коричневого фюрера! — это голос совести и разума потрясенного мира. Он звучит на всех континентах. Прислушайся к нему, Америка!

Штыки против свободы, против человеческих прав. Этот снимок сделан в Кембридже, в штате Мэриленд. Он мог быть сделан во многих городах и штатах Америки.



Негритянская девочка потеряла сознание от слезоточивого газа. Вооруженный резиновой дубинкой блюститель порядка, как видите, не торопится оказать ей помощь.

Фото ЮПИ.

Эльвира ПОПОВА

МЛАДШАЯ СЕСТРА ТРЕТЬЯКОВКИ

В общение с искусством люди вступают, не успев даже войти в Смоленскую галерею, еще на улице, где грохочут трамваи.

Перед ними первый экспонат — самое здание, словно впитавшее особенную, русскую красоту. В оформлении его принимал участие знаменитый Виктор Васнецов, строивший в Москве Третьяковскую галерею. Вот почему, не видав никогда раньше этого дома, узнаешь его сразу: схожий с русской сказкой облик Третьяковки знаком с детства; в Смоленске же встречаешься будто с ее младшей сестрой. Это двухэтажный кирпичный дом с островерхой крышей, сени-пристройка под черепичным шатром, приземистый портал. На узорчатых петлях тяжелая дубовая дверь, над ней майоликовый кокошник. На кокошнике буквами древнего начертания выведено: «Русская старина» — так назывался музей, открывшийся здесь в 1905 году. Эту дату можно прочесть возле входа в галерею.

В каталоге-путеводителе записано: «Свой первоначальный вид музей сохранил до настоящего времени». За этими скупыми строчками — подвиг.

25 сентября 1943 года воины-освободители увидели перед собой руины: из 7 900 зданий 7 600 были разрушены; но недаром древний герб Смоленска — пушка, а на жерле ее — сказочная птица феникс, символ вечного возрождения. Сколько уж раз город-герой поднимался из праха к новой жизни, бережно сохраняя памятники боев и вечной славы! Так и в картинной галерее каждый экспонат — герой и свидетель великих событий.

Когда фашисты стали угрожать городу, наиболее ценные экспонаты отправились в Новосибирск, в долгое путешествие, именуемое горьким словом «эвакуация». Все то, что осталось дома, попало в плен к врагу, многое погибло. Уже в Польше советские бойцы отбили у фашистских грабителей два вагона со смоленскими сокровищами. Среди них есть вещи поистине бесценные.

Вот три работы Сурикова: «Казак в коричневой шапке», «Татарский всадник в вооружении XVI века» и «Всадник на белой лошади» — три этюда к большому полотну «Покорение Сибири Ермаком». Они написаны, когда Суриков «...по всей Сибири ездил — материал собирал. По Оби этюды делал».

Суриков обращался к прошлому, чтобы запечатлеть настоящее. А художник Н. П. Богданов-Бельский, которого смоляне числят земляком, умел впечатляюще рассказать на холсте свою биографию. Знаменитой стала картина его «У дверей школы». Нищий мальчик, в лаптях, с котомкой за плечами, робко заглядывает в дверь класса. Художнику, такому же деревенскому мальчонке, только случай когда-то помог получить знания.

Впечатления детства не тускнели всю жизнь. В зрелые годы Богданов-Бельский написал «Детей на изгороди», но написал уже по-новому: это не боль воспоминаний, а живая, радующая картинка жизни, подобно улыбке, хранившаяся в памяти.

Пейзажист С. Ю. Жуковский — современник Богданова-Бельского. На его полотне еще нет весны, а только ее предчувствие. Кроме робких проталин среди снега, все еще сковано льдом, нет пока разлива воды, нет и половодья красок. Но скоро, скоро...

Небольшая картина А. А. Рылова «Закат», написанная в 1917 году, вся будто объята огнем и пламенем. Пылают отяжелевшие облака, растеклась река расплавленным металлом. Сине-зеленые рыловские тона, они неожиданно резко сменились здесь золотыми. Впрочем, разве неожиданно?

— Мы объясняем такую внезапную перемену датой, проставленной на холсте,— говорят работники музея.

И теперь уже кажется странным, что светом зарева не обагрены белоснежные стены древнего Спасо-Мирожского монастыря на полотне Н. К. Рериха, что висит в музее напротив картины Рылова...

Посетители подолгу любуются «Портретом неизвестной» А. Я. Головина. Все в этой вещи просто. И необычно. Картина большая, а написана не маслом на холсте, но гуашью на бумаге.

Головин всю свою жизнь работал в театре и для театра.

Он писал великолепные декорации, эскизы костюмов и грима на бумаге чаще всего акварелью или клеевыми красками, открывая неограниченные возможности этих материалов. С трудом веришь, но и батист блузки, и полотно скатерти, и тонкое кружево, и блестящий фарфор, и матовый мундштук папиросы — все написано одними лишь белилами. Резко контрастируют темно-красные розы, черная ткань юбки, черный силуэт шляпы с белой кипенью фона, и в этом внешнем цветовом контрасте прорывается внутренняя страстность характера модели. Неизвестная, которую рисует Головин,— воплощение воли, силы, непримиримости.

Смоленская галерея гордится еще одним полотном. Это портрет М. К. Тенишевой кисти великого Серова. Рассказывают, что Валентин Александрович Серов писал его под Смоленском, в Талашкине — загородной усадьбе Тенишевой.

Только золотое сияние солнечного луча, пробивающегося откуда-то сзади, оживляет сдержанный, охристо-черный тон картины. Подобны ореолу пронизанные светом волосы, и кажется, что самое лицо светится, забирая все наше внимание. Фигура непринужденно вписана в необычный формат холста; естественная поза, спокойный, умный взгляд. Нет, здесь не было внутреннего противоречия между художником и моделью, которое так часто приходилось преодолевать Серову-портретисту в напряженной борьбе за то, чтобы найти под официальной маской главное — внутренний мир человека...

В следующем зале галереи находится другой портрет Тенишевой, написанный Константином Коровиным.

Тенишева принадлежит к замечательной плеяде русских людей, оказавших, подобно Третьякову, Бахрушину, Щукину, Боткину, неоценимые услуги родной культуре. В поездках по России она собрала богатую коллекцию образцов русского народного творчества. Чтобы все смогли увидеть красоту чудесной керамики, тканей, шитья, резьбы по дереву, народной росписи, Тенишева построила на свои средства по проекту замечательного живописца С. В. Малютина здание музея, где и находится теперь Смоленская художественная галерея. По эскизу М. К. Тенишевой, способной художницы, был выполнен орнамент кокошника.

Вокруг Тенишевой собирались выдающиеся представители русской культуры того времени. Смоленское имение Талашкино навещали Репин, Серов, Поленов, Васнецов, Коровин, Врубель, Рерих, Левитан; смоляне считают, что замечательное полотно «Серый день», хранящееся в их музее, было написано певцом русской природы на Смоленщине.

Современники называли Талашкино «смоленским Абрамцевом». Тенишева организовала здесь народно-промышленные мастерские, где обучались художественной работе по дереву и металлу, керамике и вышиванию дети из соседних деревень. Руководил ими С. В. Малютин; отсюда вышли замечательные народные мастера А. П. Мишонов, А. П. Зиновьев, А. Н. Бекетов. А в Смоленске Тенишева основала художественную школу,

НЕБЫВАЛОЕ, ПРАЗДНИЧНОЕ

Я думал, что эта фотография давно уже не существует. Но вот она случайно попалась мне среди старых бумаг семейного «архива». И вспомнилось...

Осенью девятьсот девятого года на улицах Самары запестрели афиши: «Шаляпин...» Небывалое, праздничное событие!

Особенно радостной была эта весть для нашей семьи. У нас тогда жил высланный на три года из Москвы за революционную деятельность брат моей матери Николай Васильевич Мешков, а с ним уже давно дружил Шаляпин. Разумеется, Федор Иванович, приехав в Самару, запросто прикатил к нам прямо с утра. Привез с собой композитора Федора Федоровича Кенемана и скрипача Авьерино — своих товарищей.

За завтраком Федор Иванович все вышучивал Кенемана, который носил донкихотские усы и козлиную бородку. Поэтому вечером, в концерте, я был чрезвычайно удивлен, когда на сцену вышел какой-то незнакомый безбородый аккомпаниатор. Лишь когда зазвучали мощные аккорды кенемановского «Как король шел на войну», я узнал автора. Оказывается, он перед концертом снял бороду. Но на другой же день Федор Иванович начал еще напористее вышучивать своего друга:

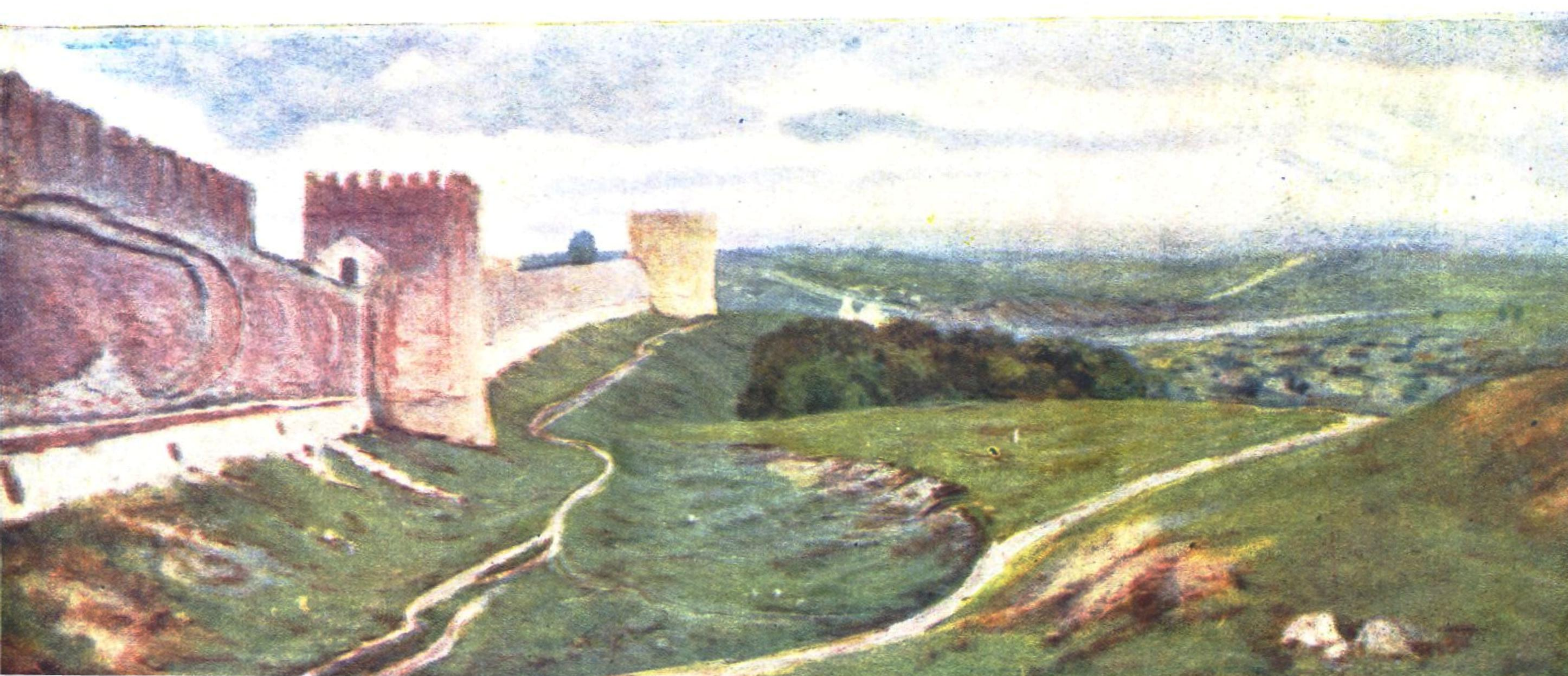
— Когда у вас был полный комплект, борода и усы,— это еще туда-сюда! Одни усы, без бороды, вам вовсе не идут!...

И вот Кенеман отправляется в концерт с бритым лицом, как хотел Шаляпин... На этой фотографии, снятой на память в Самаре, Кенеман сидит в ландо против Шаляпина. Рядом с Федором Ивановичем мой дядя Мешков, напротив него — скрипач Авьерино. Фотографии этой я не видел в музеях; насколько мне известно, она публикуется впервые.

Юрий БАТЮШКОВ

М. Костин. ДЕНИС ДАВЫДОВ И БАГРАТИОН.

К. Дорохов. СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ.



А. Рылов (1870—1939). ЗАКАТ.

А. Головин (1863—1930). ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

где консультировали знаменитые художники, приезжавшие в Талашкино; ведь создание такой школы — их общая идея. Главным консультантом был Репин; заведовал школой его ученик А. А. Куренной.

Все было необычно в этом имении: заботы, разговоры, занятия. Говорили об искусстве, занимались искусством, пропагандировали искусство. На месте традиционного помещичьего дома до сих пор стоит бревенчатый терем с высоким крыльцом, тесовой крышей, резными наличниками; в тереме размещается ныне филиал галереи. Рядом со старинными прялками, расписными дугами, крестьянскими нарядами хранятся уникальные изделия русских художников-живописцев. Они работали сразу и в живописи, и в прикладном искусстве, и в зодчестве; соревнуясь с народными мастерами, расписывали деки балалаек и спинки саней, керамическую и деревянную утварь.

Судьба коллекции оказалась трудной. В разгар революционных событий 1905 года черносотенцы пошли громить музей, где наравне с обычными картинами впервые были выставлены иконы в своей первозданной красоте, без окладов и риз. Царские мракобесы испугались не «кощунства», но того, что народ увидит не спрятанного в раззолоченной броней бога, а прекрасное и вольнолюбивое лицо искусства...

Спасая сокровища, Тенишева тайно увезла коллекцию в Париж и в 1907 году выставила ее в Лувре, где она произвела сенсацию. Тенишевой предлагали за ее собрания огромную сумму, но, считая свою коллекцию народным достоянием, она в 1911 году подарила ее смолянам. Смоленск сберег и развил свое богатое художественное прошлое.

Смоленская художественная галерея, открывшаяся в 1919 году на основе собрания Тенишевой, беспрерывно разрасталась. Сюда включались другие частные коллекции, поступали экспонаты из Государственного художественного фонда, Третьяковской галереи. Рядом с творениями художников прошлого появились работы советских живописцев, скульпторов, графиков. В искусство пришли новые имена, новые темы.

Постоянно присылает в Смоленск свои работы патриарх советской скульптуры С. Т. Коненков. Передают картины в дар родному городу К. Г. Дорохов, Б. Ф. Рыбченков, Ф. С. Шурпин, А. Б. Штранских, Л. Е. Кербель, В. Ельчанинов. У них разные творческие биографии, разные даты рождения, а за ними многообразие советского искусства, его богатство, его движение вперед.

Новой стала и жизнь галереи. Она уже не просто хранилище картин, а школа красоты, умения видеть мир в красках, дом света и радости. Люди приходят сюда не только смотреть и восхищаться, но и работать. Особенно частые гости в галерее — школьники и студенты. Для студентов Смоленского педагогического института посещение галереи — производственная практика: в их дипломах среди других предметов — художественные дисциплины. Закончив учение, молодые педагоги понесут эстетические знания детям в самые отдаленные уголки страны.

Мария БЕЛАХОВА

Повесть

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Сын

8

Комитет комсомола заседал по четвергам. В этот первый после праздника четверг вызвали всех двоечников девятых и десятых классов. Комсомольцев, получивших за четверть хотя бы по одной двойке, набралось немало.

В пионерской комнате за большим, длинным столом сидели члены комитета комсомола: четыре девушки с белыми капроновыми бантами в волосах и три парня. Один из них — Витя Пахомов. Секретарь комитета комсомола, бледнолицая Сенина, заняла председательское место. Рядом с ней стоял свободный стул. Обычно здесь сидел Илья Львович, преподаватель географии, которому было поручено оказывать помощь в работе комсомольской организации. Но Илья Львович заболел. Вместо него обещал прийти Иван Кузьмич, преподаватель физкультуры.

Иван Кузьмич, молодой, крепкий и стройный, пришел с небольшим опозданием и, усевшись на место, сказал:

— Ну что же, все в сборе? Начнем заседание.

Сенина встала и своим тонюсеньким голосом объявила:

— Товарищи! Начнем заседание.

И замолчала.

Иван Кузьмич тихо подсказал ей:

— Объяви повестку дня.

— Объявляю повестку дня. Первый вопрос об утверждении плана работы комитета на вторую четверть. Второй — о комсомольцах-двоечниках и третий — о проведении школьного комсомольского собрания.

— Может, первым поставим вопрос о двоечниках? — глядя на Сенину, спросил Иван Кузьмич.

— Может, первым поставим вопрос о двоечниках? — спросила Сенина членов комитета комсомола.

Никто не возразил.

— А как будем вызывать: по одному или всех сразу? — спросила Сенина Ивана Кузьмича.

— Надо бы по одному. Но уж очень много их там, в коридоре. Шумят, а в соседних классах занятия вечерней смены. И потом, могут разбежаться. Давай всех сюда, комната большая. А разбирать будем по одному. Пахомов, зови!

Пахомов, улыбаясь, вышел, и после короткой борьбы за дверью в комнату стали входить ребята и рассаживаться на стульях, стоящих у стены.

Первым вызвали девятиклассника Дудникова. К столу подошел рыжий высокий парень. Иван Кузьмич, глядя на него, сказал:

— Ну вот, Дудников. Говорил я тебе раньше, что надо за ум взяться?

— Говорили, Иван Кузьмич.

— Ну расскажи комитету, почему у тебя двойки.

Парень помолчал, потом равнодушно вымолвил:

— Ленился.

— Уроков дома совсем не делал?

— Почему? Делал...

— А почему же двойки?

Парень пожал плечами с таким выражением, будто он и сам не понимает, почему у него двойки.

Пауза длится довольно долго, но диалог Ивана Кузьмича с Дудниковым никто из членов комитета не нарушает.

— Что думаешь делать дальше? — спрашивает снова Иван Кузьмич.

— Учиться,— равнодушно говорит Дудников.

— Почему пуговицу до сих пор не пришил? — сердито и совсем неофициально спрашивает Иван Кузьмич.— Я тебе неделю назад об этой пуговице говорил.

— Я ее в субботу пришивал.

— Плохо пришиваешь! Что, товарищи, будем с Дудниковым делать? — снова, перейдя на официальный тон, спрашивает Иван Кузьмич членов комитета. И, поскольку те скромно молчат, он предлагает: — Дадим месяц срока на исправление. Смотри, Дудников, через месяц вызовем! Давай следующего! Кто там, Чуркин?

Коренастый паренек низенького роста, с радостным, улыбчатым лицом подходит к столу строевым шагом. Остановившись у стола и шмыгнув носом, он с независимым видом оглядел всех членов комитета комсомола и остановил свой взгляд на шевелюре Ивана Кузьмича. Послышалось хихиканье, смешки. Иван Кузьмич поглядел на Чуркина и сам, еле сдерживая смех, сердито говорит:

— Ну, ну! Брось дурака валять! Под Швейка работаешь! По каким предметам у тебя плохие оценки?

— По вашему, Иван Кузьмич.

— Знаю! А еще?

— По физике.

— И?

— По геометрии.

— Почему двойки?

— Не учил.

— Почему?

— Так.

— А что делал дома?

— Гулял.

— Врачи прописали прогулки?

— Нет, сам.

Окончание. См. «Огонек» №№ 37, 38.

— Послушай, Чуркин! Почему у тебя пояс всегда сползает? Сколько раз я тебе об этом говорил?

— Он сам сползает, Иван Кузьмич,— все так же улыбаясь, говорит Чуркин и чуть-чуть подтягивает наверх пояс.

— Утреннюю зарядку делаешь?

— Как вы учили! — браво отвечает Чуркин.

Уже давно смеялись и члены комитета, всеми силами стараясь как-нибудь скрыть свою несерьезность, и школьники, ожидавшие своего вызова. Наскоро определив Чуркину месячный срок для полного исправления, Иван Кузьмич отпустил Чуркина. Тот снова сел у стены, но Иван Кузьмич приказал ему немедленно уходить домой.

— Довольно чудачить! Иди учись.

Саня, слушая, как разбирают Чуркина, Дудникова и других ребят, перестал волноваться и смеялся вместе со всеми. Сегодня на комитете совсем не страшно. Был бы Илья Львович, не очень посмеялись бы. Какой это комитет, если разговаривает один Иван Кузьмич? А на Сенину смотреть не хочется. Недаром ребята жалеют, что выбрали ее. Ну какой это секретарь? Говорит только по подсказке.

Когда вызвали к столу Саню Рябинина, всем уже надоели эти разбирательства с одними и теми же вопросами и ответами. Поскольку все знали, что Саня — хороший ученик, ему даже срока для исправления не поставили. А то, что он не давал своего табеля классному руководителю и прогуливал занятия, об этом никто, кроме Витьки Пахомова, не знал. А Витька промолчал, ничего не сказал. Когда Саню отпустили, он на прощание моргнул ему: видишь, мол, как все хорошо обошлось!

Хорошо ли? Саня даже не обрадовался, что так легко проскочил на заседании комитета. Может, было бы лучше, если б с ним поговорили серьезно, если б можно было рассказать все, о чем он думает? А так что ж! Камень на душе остался.

Вечером, лежа в постели (он теперь даже спать стал плохо), Саня подумал, что так скверно ему никогда еще не жилось. Отца он лишился, когда был маленький и ничего не понимал. Больше, пожалуй, ничего плохого в его жизни не было. А теперь мать из-за него плачет, Ира фыркает, как кошка, Мария Петровна специально для него разные пословицы и поговорки говорит: «Парень умом пообносился», «Ученье — свет, а неученье — тьма», «Кто родителей не уважает, тому счастья не видать». Слушать тошно!

С Мишкой Фроловым они не разговаривают, встречаясь в коридоре, не здороваются. Дяде Паше Саня боится на глаза показываться. Конечно, и телевизор он не смотрит у Фроловых. Саня не решается попросить у Бориса Васильевича новый том энциклопедии, недавно полученный. Даже Шельма, и та к нему не ласкается.

В школе тоже противно. Ребята, если не сторонятся, то и не дружат с ним. Правда, Аркашка все время зовет на стадион. И Зоя... Она какая-то чудная. То сама его адъютантом и тенью обзывала, то на собрании, в общем-то, защищала его. А сегодня в классе спросила: «Ну, как твои дела?» И посмотрела на него, как на маленького или на больного. Вот до чего он дожил! Его даже девчонки жалеют. (А он в начале года собирался стать героем-отличником. От себя скрывать нечего, думал ведь, что девочки будут им восторгаться.)

Саня видит, что и учителя его жалеют. Както в перемену к нему подошел учитель математики, Петр Андреевич, положил свою тяжелую руку на плечо и сказал:

— Слышал я, Рябинин, что ты плохо стал учиться. Зачем же так? Ты умеешь думать, так подумай о себе и о матери. Если сильно отстал по математике, приходи, я с тобой позанимаюсь.

Петр Андреевич, старый, больной, математику ведет в других классах, а ему, Сане, способному лентяю, предлагает помощь. Стыд!

Когда-то Саня боялся, что, пока он растет, все интересные дела в стране будут переделаны. И торопился побольше обо всем узнать, много читал. Он гордился (и им гордились мать и сестра), что был начитанным. Теперь он почти ничего не читает и даже газеты иной день не смотрит.

Жить стало скучно и неинтересно. Его стыдят и жалеют. А человека не жалеть надо, а уважать.

Уважать? А за что?

В мечтах Саня не раз бывал самым знатным рабочим, самым лучшим изобретателем, чемпионом. И как приятно думалось о том, что им станут гордиться мать, Ирка и тот же Мишка! Мария Петровна будет рассказывать, что живет в одной квартире с тем самым Александром Рябининым. Теперь он даже мечтать перестал.

А кругом такая интересная жизнь! Вокруг планеты летают спутники. Скоро корабли отправятся на другие планеты. Невиданные машины пророют землю до страшной глубины. Наверное, изобретут такие скафандры, в которых люди свободно будут проводить время на морской глубине. Ведь ему, Сане, повезло, что он родился в такое время да еще в такой стране.

Строить, летать, путешествовать... Все мечты сбудутся, если он, Саня Рябинин, возьмется за ум. Но кому рассказать обо всем, что мучает? Как сбросить с себя тяжесть?

9

Татьяна Михайловна тихо постучала в дверь, но в кабинете директора шел оживленный разговор, и ее стука никто не слышал. Тогда она приоткрыла дверь и заглянула. Тимофей Николаевич увидел ее.

— Входите, пожалуйста, и садитесь.

Она села на стул у стены, тут же, около двери.

За длинным узким столом, покрытым зеленым сукном, сидели учителя. Заседание педсовета еще не началось: ждали опоздавших,— и каждый занимался чем хотел.

Сергей Владимирович, по близорукости низко наклонившись над столом, заполнял классный журнал. Обычно Татьяна Михайловна видела его днем, в перемены. Он казался ей совсем молодым. А сейчас, в конце рабочего дня, лицо его было усталым, с заметными морщинками.

Учительница математики Пелагея Антоновна разговаривала с учительницей истории. Пелагея Антоновна, как всегда, сияла своей улыбкой, серебристой сединой, белоснежной блузкой, чистой, голубого цвета вязаной кофточкой и голубыми ласковыми глазами.

Учительница истории Альбина Александровна являлась полной противоположностью Пелагее Антоновне. Лицо серое, вся она, скучная, вялая и усталая, сидит, съежившись, закутанная в грубый серый платок, как будто ее пробирает озноб.

Учитель географии Илья Львович сидит, как всегда, с палкой-указкой. Он равнодушно слушает Клавдию Ивановну, которая что-то тихо шепчет ему на ухо. Татьяне Михайловне неприятно подумалось, что Клавдия Ивановна вербует себе союзников против нее.

Старый математик Петр Андреевич, опершись на свою палку, дремал и был похож на дедушку Крылова.

За короткий срок подошли опоздавшие, последней — учительница химии, как видно, из магазина, с хозяйственной сумкой, которую стыдливо засунула под стул.

— Ну что ж, начнем наше заседание,— сказал Тимофей Николаевич, постучав карандашом по столу.— Сегодня мы поговорим об итогах первой четверти, о том, как повысить успеваемость во второй четверти. Есть, как говорится, и персональный вопрос о двух «персонах» — Дичкове и Рябинине. Мать Рябинина здесь, а у Дичкова мать больна, отец не живет в Москве. Сами «герои», вероятно, дожидаются в коридоре. Начнем с этого вопроса. Предоставим слово классному руководителю 9 «Б» — Клавдии Ивановне.

— Я, собственно, не знаю, что говорить,— пожимая плечами и неохотно поднимаясь со стула, проговорила Клавдия Ивановна.— Вероятно, уже все знают об этой истории.

— Нет уж, простите! — заявил Тимофей Николаевич.— Почему все знают? Может, знают, да не так. Вы доложите педсовету!

— Ну ладно. В первой четверти ученики Рябинин и Дичков пропустили много занятий. Ну, попросту говоря, прогуливали: бродили по улицам, ходили в кино, ну и не знаю, чем они еще занимались. Свои табеля они мне не давали, и родители не были в курсе дел своих сыновей. Обман, обман и обман! Всех: и меня и родителей — ввели в заблуждение. А еще я вот что хотела сказать. Когда мне дали этот класс, Надежда Алексеевна уверяла, что ученики в нем хорошие, дисциплинированные. На самом деле это не так. Они не признают никакого авторитета, плохо ведут себя на уроках.

При этих словах историчка Альбина Александровна согласно закивала головой. Иван Кузьмич поддержал.

— Да, класс действительно недисциплинированный. Все на него жалуются.

Клавдия Ивановна, довольная поддержкой, продолжала:

— Что касается Рябинина и Дичкова, то это типичная плесень, о которой пишут в газетах. Учиться они не хотят, и не понимаю, почему бы их не устроить в ремесленное училище. Такие приносят вред всей школе, развращают других. Мать Рябинина пытается всю вину свалить на школу. Но сама она мало внимания уделяет детям.

Татьяна Михайловна даже вздрогнула и откинулась на спинку стула, как будто ее хлестнули по лицу. Она мало внимания уделяет детям? Один только раз в жизни поехала лечиться. Она всю жизнь отдала детям — своим и чужим. И вдруг такой оскорбительный упрек! Почему все молчат?

И действительно, после выступления Клав-

дии Ивановны наступила пауза. Даже директор Тимофей Николаевич, опустив голову, молчал. Это длилось целую минуту.

— Скажите,— обратился наконец директор к Клавдии Ивановне,— вы требовали у Дичкова и Рябинина медицинские справки, когда они пропускали занятия?

— Я ведь вам, Тимофей Николаевич, об этом уже говорила.

— А сейчас скажите педагогическому совету.

— Хорошо. Однажды я спросила у Дичкова справку. Он сказал, что в начале года он представил справку о сердечном заболевании с правом пропуска занятий.

Сергей Владимирович вскинул глаза на Клавдию Ивановну.

— Вы поверили? И не узнали у школьного врача?

— Поверила. Нельзя же не верить людям.

— Ну, а Рябинина спрашивали?

— Я не помню. Кажется, и у Рябинина спрашивала.

— А почему вы не требовали их табелей? — спросила Пелагея Антоновна.

— Я требовала, но они не давали. Ну, а потом я забыла. Ведь у меня немало дел.

— Скажите, Клавдия Ивановна, вы были дома у Рябинина и Дичкова? — спросил директор.

Клавдия Ивановна вдруг обиделась.

— Я не понимаю, это что, допрос? Кого здесь разбирают: меня или Дичкова с Рябининым? Я не нянечка, чтоб ходить за ними по пятам да умолять: дайте табели да, пожалуйста, учитесь. Сколько можно! Почему вы не спрашиваете с матери? — Она кивнула головой в сторону Татьяны Михайловны.— И потом, если уж на то пошло, какой будет у классного руководителя авторитет, если вы при родителях снимаете с него допрос, как с обвиняемого.

Клавдия Ивановна вдруг заплакала.

Тимофей Николаевич нахмурился.

— Вы, Клавдия Ивановна, не волнуйтесь и не горячитесь. И плакать здесь не пристало. Вы педагог, а не капризная маменькина дочка. Мы решаем судьбы людей и должны хорошо во всем разобраться. Вот вы сказали здесь, почему, мол, не отдать провинившихся в ремесленное. Видите, как вы легко умеете расправляться! Но, во-первых, ремесленное училище — это не исправительный дом, а хорошая школа рабочей молодежи; во-вторых, вы совсем не знаете ни Рябинина, ни Дичкова, а так смело беретесь решать их судьбы. И, наконец, то, что мы обо всем говорим в присутствии матери Рябинина, тоже ничего. Она сама педагог, да и вообще, почему нам вести закрытые педсоветы? Итак, я прошу вас ответить: были вы дома у Дичкова и Рябинина?

— Нет.

Тимофей Николаевич обратился к Татьяне Михайловне:

— Вы хотите что-нибудь сказать?

Татьяна Михайловна встала, бледная, взволнованная, руки дрожали, в горле пересохло.

— Я, конечно, виновата, что уехала в санаторий. Но теперь бесполезно казнить себя. Надо как-то поправить беду. Но я не знаю, как. Хоть я сама и педагог, но чувствую, что потеряла... ну, способность, что ли, или возможность влиять на сына. Он со мной не считается. Я очень прошу всех вас: помогите. Надо поддержать его сейчас. Прошу еще раз, помогите, я ведь одна... Мне сейчас трудно говорить, я думаю, и так все ясно.

Татьяна Михайловна села на свое место. Если б она обвиняла педагогов или оправдывала, выгораживала своего сына, как делают многие родители, может быть, сидящие здесь педагоги остались бы равнодушными. Но перед ними стояла женщина с большими скорбными глазами, усталая, измученная беспокойством за сына, просила их и, главное, верила, что они ей помогут. И каждому захотелось помочь. Первым откликнулся Петр Андреевич.

— Рябинин всегда был хорошим парнишкой. Что с ним сделалось? Конечно, надо помочь. Взрослых воспитывают, а эти, что ж, дети еще! Пройдет несколько лет, сами скажут: «Дураками были!» Что, впервые нам это? Хочу воспользоваться случаем и сказать о том, что давно уже на уме. Вот говорят о ребятах, что они «бродили по улицам, ходили в кино». Это вместо занятий. Бродят многие ребятки и будут бродить, если присмотра за ними не будет. У нас воспитание общественное. А общество — это не только школа и семья, это и улица и дворики, где ребята проводят уйму времени. Вот я и думаю: взять бы эти улицы и дворики под контроль комсомольцев, учителей, пенсионеров, которые изнывают от тоски. Знаете, мы бы куда меньше имели человеческих потерь!

— Может, позовем самих «героев»? — спросил Тимофей Николаевич.

— Я бы, Тимофей Николаевич, подождал немного,— сказал Сергей Владимирович.— Давайте сами разберемся в этой истории. Разрешите мне сказать.

— Пожалуйста!

— Вы, Клавдия Ивановна, меня извините,— начал Сергей Владимирович,— но я буду говорить откровенно. Скажу прямо: вы во многом виноваты. Ученики пропускают занятия, а вы не устанавливаете причины. Двоечники не дают табелей, вы не настаиваете. Так не годится. Вот вы тут сказали: «Я не нянька, сколько можно возиться!» Надо «возиться» столько, сколько нужно. Всегда, всю жизнь. Простите, но мне неловко было вас слушать. Неверно, плохо вы говорили. Во-первых, хочу сказать о «плесени», к которой Клавдия Ивановна причислила Дичкова и Рябинина. Конечно, у нас много неполадок с воспитанием. Правильно Петр Андреевич про улицы и дворики сказал. Но нельзя сразу приклеивать ярлык «плесень». Это опрометчиво. Судите сами: через наши руки прошли тысячи ребят. А вспомните, много ли этой плесени было? Много ли ребят мы исключили из школы или даже переводили в другие школы? Ну одного, двух за год из тысячи. А сколько хороших ребят? Правда, ребята теперь трудные, немало больных, нервных...

— То, что вы говорите, всем давно известные истины. Я не понимаю, какое это имеет отношение...— вклинилась вдруг Клавдия Ивановна.

Сергей Владимирович побледнел от негодования.

— Прямое отношение и к разбираемому вопросу и к нам лично. У Рябинина нет отца. Мать одна вырастила детей, и у нее подорванное здоровье. Вы с этой истиной посчитались? Нет. У нас учится немало сирот. И немало детей, брошенных отцами или с прочерками в метриках. Вот почему я так говорю. Нам нельзя о таких вещах забывать. Так вот, в отношении Рябинина модное словечко «плесень» не к месту. Он парень честный, способный, скажу больше, одаренный. Таких надо беречь. Что касается Дичкова, я его мало знаю, но мне он представляется позером и неискренним человеком. Я много раз спесь с него сбивал. Но, может, кто-либо лучше его знает, чем я?

— Дичкова никто хорошо не знает, — сказал Тимофей Николаевич.— Он когда-то учился в соседней школе, потом год пробыл в мореходном училище, его отчислили там за неуспеваемость. У Дичкова неблагополучная семья. Мать тяжело больна, отец с ними не живет. Рябинин остался без отца, а Дичков рос сиротой при живом отце. Я этого отца видел осенью. Он сам привел к нам Игоря, просил быть построже и, если что, писать ему, в Одессу. Я уже написал, пусть подумает о сыне.

— Тимофей Николаевич,— сказал преподаватель физкультуры Иван Кузьмич,— я сейчас выходил в коридор, там только Рябинин. Дичкова нет. Он и на занятиях не был.

Слова попросила Пелагея Антоновна.

— Я вот что предложу. Поручите нам с Сергеем Владимировичем разобраться во всем. А на следующем педсовете мы этот вопрос снова поставим, если будет нужно.

Саня уже целый час стоит один в пустом коридоре. Он смотрит в окно. На улице сыро, зябко. Идет мокрый липкий снег. На антенне соседнего дома уселись взъерошенные воробьи.

Ночью, когда Саня принял твердое решение начать хорошую жизнь, ему казалось, что это легко осуществить. А утром он проснулся вялый, усталый, ко всему безразличный. Не хотелось идти в школу, не хотелось ни с кем разговаривать. В голове какая-то каша. Таким он просидел все уроки. Хорошо, что его не спросили ни по одному предмету. Иначе он нахватал бы новых двоек.

А тут еще педсовет! Ну что им надо? Написал же Саня объяснение директору и обещал, что будет учиться. Чего еще надо? Начнут снова читать нотации и стыдить. Они даже не знают, что́ сейчас его мучает.

Когда открылась дверь кабинета директора, Саня вздрогнул и оглянулся. Это была мать. Татьяна Михайловна подошла к нему и сказала:

— Пойдем, сынок, домой. Отложили до следующего педсовета.

Сказала ласково, нежно, как будто никогда между ними не было неприятностей. И Саня вдруг почувствовал, что вот-вот зарыдает.

Они направились к лестнице, но дверь кабинета снова открылась, и вышел Сергей Владимирович.

— Рябинин! Подожди минутку. Вы, Татьяна Михайловна, идите. Он скоро придет домой.— И, поглядев на Саню, сказал: — Пойдем, ну хотя бы в этот класс. Поговорим.

Как это случилось, Саня потом сам удивлялся, но он все рассказал Сергею Владимировичу. И не настаивал тот, не выпытывал, не стыдил. Начал с ним разговаривать запросто, как равный, как человек, который по-настоящему огорчен неприятностями друга. И Саня все ему рассказал, все, что его мучило и угнетало последнее время. И когда кончил говорить, вдруг почувствовал, как ему стало легко. Что будет дальше, он не знал, но все равно хуже, чем было в эти дни, ему не будет.

Сергей Владимирович, глядя внимательно и по-доброму на Саню, спросил:

— Ты мне все откровенно рассказал? Ничего не скрыл? Ты ведь знаешь, я секретарь партийной организации школы. Могу я поручиться своей честью — партийной, советской,— что все было именно так?

— Можете. Все сказал.

И тут Саня вдруг зарыдал. Об этом ему неловко даже вспоминать. Мужчина, взрослый человек — и вдруг заревел. Как маленький какой!

Сергей Владимирович обнял его.

— Ничего, не волнуйся. И ни о чем больше не думай. Положись на меня. Теперь ко мне перешла твоя тяжесть. Иди домой, Рябинин, и

занимайся. Мать свою успокой. Хорошая она у тебя. Береги ее.

Когда Саня пришел домой, Татьяна Михайловна, посмотрев на его бледное лицо, покрасневшие глаза, поняла, что он находится в какой-то крайней степени напряжения. Она не стала ни о чем его спрашивать. А он сказал ей:

— Мамуля! Я не хочу есть. Я спать хочу. Только ты не думай, что я заболел. Это так...

Всего семь часов вечера, а он разделся, лег в постель, к стенке носом, и затих. Татьяна Михайловна погасила верхний свет, закрыла газетой настольную лампу и вышла из комнаты.

Кажется, беда уходит. Конечно, ничего, кроме хорошего, и не могло быть после разговора Сани с Сергеем Владимировичем. Замечательный человек! Да и все учителя отнеслись к нему участливо.

А где Ира? За это время мать все внимание отдала Сане. Как бы дочка не наделала какихнибудь глупостей. Вон Нюра Фролова росла тихой, скромной. А сейчас Анна Павловна извелась с ней. Гуляет допоздна, ничего не делает и на всякое замечание дерзостью отвечает.

Татьяна Михайловна сидит в кухне. Она не хочет входить в комнату, пусть Саня спит спокойно. Она дождется Иру: если ту не предупредить, ворвется с шумом и разбудит мальчика.

10

Если у человека спокойно на душе, то и работа спорится и окружающие люди становятся приятными. Так было и с Татьяной Михайловной. Когда на другой день после педсовета она пришла на работу, то, глядя на детишек, с нежностью подумала: «Наверное, вам было скучно со мной все эти дни, когда я распустила нюни». Сегодня ее дети были оживленными, веселыми, смешливыми и озорными.

Все у нее ладилось. Она хорошо провела с детьми лепку и рисование, охотно заполнила дневник и, кончив дежурство, со спокойной душой ушла.

Входную дверь квартиры Татьяна Михайловна открыла своим ключом и, войдя в коридор, удивилась. Вешалка была переполнена чужими пальто. Из ее комнаты доносились веселые голоса. Что такое?

Саня лежал в постели, а кругом на стульях, на кровати расселись одноклассники.

— Что такое? Ты болен? — с испугом спросила Татьяна Михайловна Саню.

— Ничего особенного,— ответил Саня.— В школу я ходил, но у меня температура, поэтому отпустили. Тридцать семь и пять, горло болит.

— Вероятно, ангина. Вы, ребятки, подальше от него сядьте.

— Ничего, ничего, не заразимся! — на все голоса запротестовали ребята.

Один паренек, сделав скорбное лицо, с сожалением сказал:

— Не заразимся. Не каждому так повезет, как Саньке. Теперь на целую неделю его от школы освободят.

Все громко засмеялись.

Что же все-таки произошло? Почему столько ребят?

Саня и сам удивился, что к нему нагрянуло столько товарищей. Знал бы он, не валялся бы в постели в одних трусах. Неудобно: пришли не только ребята, но и девочки и Зоя...

Вот она и говорит сейчас:

— Ну, ребята, скажем Сане главную новость?

— Конечно, скажем! — поддержали все.

...Саня ушел из школы после второго урока, на большой перемене. Третий урок был английский. Пришел Сергей Владимирович и вместо того, чтоб начать урок, заявил:

— С нынешнего дня я ваш классный руководитель.

Все так и раскрыли рты. Сергей Владимирович, секретарь парторганизации, у него очень много общественной работы,— и вдруг классный руководитель. Да еще среди года.

А Сергей Владимирович, лукаво поглядывая на удивленные лица ребят, еще раз подтвердил:

— Да, да. Удивлены? Я вам объясню. Клавдии Ивановне трудно вести ваш класс. Вы ей не очень помогали, а она молодая учительница, и у нее много часов по литературе. Я добровольно согласился взять ваш класс. Но если вы и мне не будете помогать, я тоже сбегу. Кто дежурный?

Аркаша поднялся с парты.

— Кто отсутствует?

— Дичков и Рябинин.

— А что с ними?

— Что с Дичковым, неизвестно, а Рябинин был сегодня и ушел. Наверное, заболел.

— А наверняка не знаете? Надо сходить к ним домой, узнать, в чем дело. К Дичкову я сегодня пойду сам, а к Рябинину кто-нибудь из вас. Договорились?

После уроков стали спорить, кому идти к Сане. И решили: кто хочет, пусть идет. Вот почему так много их.

Татьяна Михайловна два раза входила в комнату, делая вид, что ей необходимы какие-то вещи, и слышала весь рассказ. Значит, вчера на педсовете после того, как Сергей Владимирович поговорил с Саней, Клавдию Ивановну отстранили от работы классного руководителя. Что за разговор был у Сергея Владимировича с сыном?

Новость поразила и Саню. Он подумал, что, видно, большое значение придал его рассказу Сергей Владимирович, если сам стал их классным руководителем. Ребята удивлялись, что Саня, услышав новость, стал вдруг серьезным и скучным.

— У тебя высокая температура? Болит горло? — заботливо спросила Зоя.— Пошли, ребята, домой! Пусть Санька отдыхает!

У Сани действительно оказалась ангина. Татьяна Михайловна заставляла его пить лекарство, полоскать горло, есть лимоны. Уходя на работу, она просила Марию Петровну, если та была свободна от дежурства, почаще заходить к Сане: может, мальчику что-нибудь понадобится.

— Уж иди, иди, пригляжу,— отвечала Мария Петровна.— Правду говорят, что материнское сердце в детках, а детское в камнях. Он тебе душу вымотал: нагрубил, учиться перестал, а ты, чуть захворал, сразу растаяла.

— Ну полно, Мария Петровна, ведь больной он.

— Уж такой больной! Температура небольшая. Ну да ладно, иди. Зайду я к нему. Он мне худого ничего не сделал. А потолковать с Саней я сама люблю. Мы с ним все спорим о жизни и о религии.

Кроме Марии Петровны, к Сане часто заходил Миша Фролов. Пришел однажды за учебником, заговорил, и они снова стали друзьями, как будто не было между ними никаких недоразумений. Миша всегда приводил с собой Шельму. Та прыгала к Сане на кровать и укладывалась отдыхать. Зинаида Ивановна, конечно, знала, где Шельма, но молчала почему-то. Приходили из школы Аркаша, Зоя, Витька Пахомов. Приносили задания и вместе занимались.

В общем, не так-то уж плохо похворать иногда!

11

Комсомольское собрание проходило в большом зале. Доклад о роли комсомола в учебно-воспитательной работе школы делала завуч Надежда Алексеевна. Она привела цифры и факты, подтверждающие достижения школы в повышении успеваемости и недостатки в работе. Надежда Алексеевна поименно назвала многих отличников-комсомольцев, зачитала список тех, кто получил плохие отметки в прошлой четверти.

И З К И

М. БУЛАРКИЕВА

Подругам

Дни студенчества.
В праздник — костры кумача.
Общежитие — юности верный очаг...
И уже я никак не могу позабыть
Наши песни во фрунзенских синих ночах.

Отучились, подруги, мы. Дружбу крепи!
Говорили друг другу мы: «Дружбу крепи!»
Но у каждой сложилась по-своему жизнь,
Разлетелись мы, как куропатки в степи.

Распахнул институт
В жизнь просторную дверь.
Силу знаний, коллега, на деле проверь!
Только вот
Разбрелись мы по всем областям,
И непросто нам встретиться вместе теперь.

Дорогие подружки! Люблю я вас всех
И о вас поскучать не считаю за грех...
В шуме горных речушек всегда по утрам
Все мне чудится ваш колокольчатый смех.

Казалось, все было правильно в этом докладе. Но то ли потому, что Надежда Алексеевна была плохим оратором, то ли потому, что в ее докладе не было того волнения, душевного горения, которое поневоле захватывает аудиторию, в зале, пока она говорила, стоял сплошной гул. Председатель несколько раз звонил и призывал к порядку.

Вслед за завучем выступил комсорг девятого «А» Миша Фролов. Он рассказывал, как в их классе организована помощь отстающим. К больным ходят домой, ленивых оставляют в классе. Очень интересную стенгазету выпускают. Миша зачитал собранию сатирические стихи, которые сочинили ребята их класса о двоечниках. Все в зале смеялись и потом аплодировали Мише. «Вот кому надо быть секретарем комитета комсомола»,— думал Саня о своем друге.

Слово попросил Сергей Владимирович. Он сказал о важном значении вопроса, поставленного на комсомольском собрании школы, убежденно заявил, что без комсомольцев, без них, сидящих в зале, силами одних учителей, нельзя выполнить великие задачи коммунистического воспитания.

Факты и цифры, которые привела Надежда Алексеевна, он повторил и дал им такую оценку и такое значительное толкование, что всем стало жалко, почему плохо слушали доклад.

— Сегодня,— продолжал Сергей Владимирович,— у нас стоит вопрос не только об учебной работе, но и о воспитательной. Все ли у нас в порядке? Не слишком ли мы успокоились, убаюкивая себя тем, что каждый хочет быть строителем коммунизма? Мы часто говорим отдельно об учебной работе, о производственной и о воспитательной. Пятерки и двойки — учебные дела. Беседы, стенгазеты, вечера, экскурсии — воспитательная работа. Труд в мастерских и на заводе — дела производственные. А ведь обычно это неразделимо. Вот послушайте такую историю. Этой осенью в 9-м «Б» появился новый ученик, Игорь Дичков. Учился плохо, пропускал занятия, а никто посерьезному не вник в это дело: ни мы, учителя, ни комсомольцы, ни одноклассники. Оказалось, что парень с серьезной червоточиной. Все, чем живем, мы, грешные, все, что увлекает вас, советских ребят, Игорю Дичкову казалось скучным и неинтересным. А чем сам занимался? Бездельничал, развлекался хулиганскими проделками, завязывал знакомство с иностранцами, угодничал перед ними, выпрашивал у них барахло.

У Сани так стучало сердце, что он боялся, как бы в притихшем зале этот стук не услышали сидящие с ним ребята.

Сергей Владимирович продолжал:

— Дичков недолго учился в нашей школе. Но разве это нас оправдывает? Проглядели мы это дело. А ведь он пытался втянуть в свои авантюры наших хороших ребят. К чести их будет сказано, они не поддались.

В зале поднялся гул. Сергей Владимирович поднял руку, призвал к порядку.

— Я слышу вопрос из зала: здесь ли Дичков? Нет. Дичков уехал из Москвы к отцу, который с семьей не жил, но теперь вынужден взять к себе сына. Дело в том, что на днях умерла мать Дичкова. И кто знает, будь Дичков хорошим сыном, может, и жила бы еще его мать, может, огорчения ускорили развязку. Я заканчиваю. Думаю, что Дичков получил тяжелый урок, и надеюсь, он сделает для себя выводы. Пусть эта история будет уроком всем нам. Надо вовремя оберегать друг друга от ошибок.

После Сергея Владимировича многие ребята подняли руки, желая выступить. Они обвиняли Дичкова, но при этом безжалостно критиковали себя, свою комсомольскую организацию.

Сергей Владимирович слушал выступавших комсомольцев, с удовлетворением думая о том, что вот здесь, у них в школе, вырастают хорошие, горячие люди. И правильно, что он рассказал комсомольскому собранию о Дичкове. Пусть не растут люди благодушными, пусть строже оценивают свои поступки и поступки своих товарищей.

Для Сани Рябинина этот урок был очень тяжелым. Его не называли на комсомольском собрании, но сам он чувствовал себя виноватым. Он был доволен тем, что мать ничего не знала о Дичкове и о комсомольском собрании. Когда собрание проходило, Саня уже прилично учился, и мать не бывала в школе. Но Татьяна Михайловна в конце концов узнала. И рассказал ей обо всем сам директор.

— Вот в какой компании оказался ваш касын! — говорил Тимофей Николаевич.— Но он все-таки молодец. Парнишка оказался с чистой совестью. Чувствовал свою ответственность.

Видя, что Татьяна Михайловна онемела от запоздалого испуга, он начал ее успокаивать.

— Да вы не волнуйтесь. Ведь все уже позади. Теперь ваш сын закаленный. Помните, Макаренко говорил, что каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию, что надо не только оберегать от вредного влияния, но, главное, учить сопротивляться этому влиянию. Худое влияние и при коммунизме может быть. Да не только влияние. В молодости много делается неразумного, и воспитывать детей надо во все времена.

Когда Саня и Ира были совсем маленькими, Татьяна Михайловна думала: подрастут дети, пойдут в школу, ей станет легче. Теперь на своем опыте она убедилась, что с большими детьми забот не меньше, чем с маленькими, и трудно сказать, какие заботы тяжелее.

За эти два с половиной месяца она измучилась с Саней. А что впереди? Потечет ли жизнь спокойно, или придется еще хлебнуть горя?

Дети должны стать настоящими людьми. Без этого она не может считать выполненным свой материнский долг. Хватит ли у нее сил и здоровья, чтоб довести их до самостоятельной жизни? А разве тогда она успокоится? Нет, будет все равно тревожиться за них: как работают, как одеты, с кем дружат. Потом когда женится Саня, выйдет замуж Ира, у Татьяны Михайловны появятся иные заботы. Улыбаясь, она думает, что, наверное, ей, как другим матерям, будет казаться, что невестка плохо заботится о Сане, что зять мало помогает Ире по хозяйству, что все они не умеют воспитывать своих детей, слишком строги с ее внучатами.

Глядя на сына, Татьяна Михайловна каждый раз поневоле вспоминает мужа. Саня — живой его портрет.

Татьяна Михайловна много и по-разному думает о жизни, о будущем своих детей. О самой себе, отдельно от них она никогда не думает. Недаром говорят, что материнское сердце живет до гроба.

Ценят ли это выросшие дети?..

...РГИЗСКОЙ ЛИРИКИ

Суран ТОКТОСУНОВ

МОЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Мечталось с детства:
День придет,
День радостных забот
Придет
И поведет
Меня
По солнечной страде.
И вот —
Тот день работ
Настал,
И вот —
Я вместе с солнцем
Встал,
Чтоб встретить
На колхозной борозде
Мой первый день
В труде.

Как это здорово!..
Дорожки росные
Сверкают и горят,
И кажется,
Весь мир
Сверкает и горит...
Как это здорово!
Все люди взрослые
Мне говорят:
— Джигит!
И звеньевая говорит:
— Джигит,
Вот норма! —
Улыбается стоит.—
Ты до захода солнышка,
Гляди,
Мне норму выполни,
Джигит!

А хлопок нежный
С укоризной
Все смотрит
И на утреннем ветру
Как бы меня чуждается,
Капризно
Убегая из-под рук.
Его коробочки,
И теплые и мокрые
В косматых париках,
Вдруг, разозлившись,
Дó крови
Мне раздирают кожу
На руках.

Боюсь,
Не выполню задания,
Боюсь,
Уже не хватит дня.
Я тороплюсь и тороплюсь.
А солнце все уходит
От меня.
И вот
Оно уже по-над горой
Заходит за лесок.
— Постой,— кричу ему,—
Постой
Хотя б еще часок!
И, чуть не плача,
Я твержу упорно:

— Ну, не спеши!
Довыполнить мне норму
Разреши!

— Постой,— кричу ему,—
Еще и росы
Не выпали,
Еще не вышел срок!..
Но кто-то,
Взяв за золотые косы,
Раскосое
На отдых уволок.
И звеньевая
Грозной тучей черной
Ко мне
Уже направила шаги...
— Ну, что, джигит,
Так и не выдал нормы?
Эх ты, джигит! —
И, с ног до головы
Меня измерив
Вдоль и поперек,
Вдруг улыбается:
— Я все же верю:
Свой хлопок завтра
Соберешь ты в срок!

Перевел с киргизского
Вас. Журавлев.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ОТ ОДНОГО КО

Вместо «голых правд» натурализма

Я думаю, что когда-нибудь одна из улиц либо площадей Москвы будет называться именем Александра Довженко.

И встанет на ней скульптурное изображение человека с прекрасным, открытым лицом. Памятник коммунисту-мыслителю, художнику, чье творческое кредо в искусстве исчерпывающе выражено в краткой дневниковой записи от 10 марта 1952 года:

«Обо всем можно слагать стихи.
О самых мельчайших мелочах, обо всем обыкновенном и словно бы будничном.
Чтобы сделать его необыкновенным и небудничным».

Слова эти кажутся эпиграфом ко всему богатейшему довженковскому наследию.

Как многие классики, художники античности, творцы народных былин, Довженко принципиально отвергает приземленное бытописательство, «голую правду» натурализма. Будто вмешиваясь в наши острые нынешние споры, Довженко помогает разобраться в существе данной мысли: «Я этим никогда не призываю к лакировке действительности. Я апеллирую к чувству меры и понимаю то, что большое количество «голых правд» вроде небритости, грязи, непричесанности, ободранности может задушить правду искусства».

Скольким любителям «непричесанности» и «ободранности» в искусстве — за последнее время еще и моральной, нравственной — стоило бы вникнуть в этот урок, в умное и доброе умение Довженко волшебно переплавлять человеческую повседневность в явления высокой романтики!

Принцип «необыкновенного», «небудничного», отыскиваемого в обыкновеннейшем, житейском, не просто заимствован у классиков гениальным советским кинорежиссером, поэтом, писателем... Творческие, эстетические, философские устремления через обыкновенное к прекрасному неизменно связаны у Довженко с утверждением высокого и радостного, победительного смысла жизни, ее преобразующего, революционного назначения.

Современность и традиции не просто уживаются рядом в творчестве Довженко. Не «пристегнутые» друг к другу, а как бы взаимно растворенные, они придают его произведениям, всей их атмосфере ощущение удивительной чистоты и свежести.

Нить, связующая прошлое с настоящим,— очень заметная, в полном смысле слова **красная** нить в творчестве Довженко, знающего, что, только «беззаветно любя родную землю, ее воды, поля и дубравы, вобрав в свое сердце все печали и радости, все сказки и песни, всю мудрость родного народа, художник может считать себя частью своего народа».

У традиции и современности одно сердце, одна душа. И живет она отнюдь не в «манере» письма, не в форме выражения мыслей, но прежде всего в самих этих мыслях. И еще в подспудном писательском ощущении своего творческого дара, да себя самого лишь частью родного народа, жизненно потребной для выражения того, что нужно народу,— самого главного, самого заветного... Сказать это заветное бывает дано только большому поэту.

Всякому ли чуду есть объяснение!

Довженко жив.

Не просто так жив, как бывает жив всякий настоящий художник, оставивший людям дорогие для них мысли и образы. Он словно бы на самом деле жив, потому что **продолжает** жить — действовать и мыслить рядом с нами. Потому что на экране появляются новые его фильмы.

Уже после смерти Довженко миллионы зрителей увидели «Поэму о море», а затем «Повесть пламенных лет». Это по-настоящему довженковские картины: в них легко угадываются «почерк» художника, его манера, присущие ему масштабность и жизнелюбие, его наступательная партийность... А главное — всегдашнее стремление найти за кажущейся обычностью высокое, значительное, воспеть красоту.

В чем же и где объяснение этого чуда?

Оно не только в дружбе и верности Юлии Солнцевой, продолжившей нечто гораздо большее, чем тема и манера Довженко, а в их духовном единстве. В неразрывной общности дела. В явной внутренней близости режиссерского таланта самой Солнцевой ко всему довженковскому творчеству.

Бывает у людей такое родство.

Как же важно не утратить, не растерять его на поворотах бытия, а бережно хранить, словно самое дорогое и необыкновенное богатство в нашей обыкновенной человеческой жизни!

Жена и друг Довженко, Юлия Ипполитовна Солнцева сохранила доставшийся ей редкий творческий дар и приумножила его. Довженко писал в своем дневнике: «Я так люблю мою Юлю, как, кажется, никогда еще не любил...» Эта любовь-благодарность, любовь-признание была пронесена через многие трудные годы, через многие беды. Через будни. Но не стала ни привычкой, ни буднями. В ней та же светлая необычность обычного, какую видишь во всем, что связано с Довженко, что принадлежит ему.

Володя Гончаров «вживается» в образ Сашко...
Фото Б. Апличука.

Вспоминается яблоня, которая росла у нас в молодом саду... То ли мороз побил, то ли обожгли суровые северные ветры, только стала она чахнуть, а потом совсем погибла... Но, видно, сила хранилась еще где-то в корне дерева. И вот пошел, пошел от него новый побег — на том же месте начала расти новая яблонька. И быстро, прямо на глазах у всех вытянулась, зацвела и окрепла, зашумела ветвями, принесла плоды. Сызнова повторилась нужная лю-

Бывают и такие совещания у режиссера с оператором.

А. Бондаренко снимается в «Зачарованной Десне» в роли Петра Довженко.

дям жизнь, вернув им красоту и радость.

Нечто похожее случилось с Юлией Солнцевой.

Старшее поколение помнит эту ослепительную киноактрису по заглавной роли в «Аэлите» — нашумевшем фильме двадцатых годов. На экране появлялась юная женщина с мечтательным и загадочным лицом. Нынешняя Солнцева — сдержанная, деловая, строгая... Впрочем, она гораздо чаще кажется суровой и замкнутой, чем бывает такой на самом деле.

Когда речь заходит об ее новых фильмах, она упорно напоминает: «Я здесь ни при чем. Это все принадлежит Довженко».

Друзья Юлии Ипполитовны знают, что ее жизнь действительно всеми помыслами принадлежит Довженко. Иной раз почудится, что глубокие темно-карие очи Солнцевой — словно взор души самого Довженко, каким художник пристально всматривается в наш сегодняшний день.

Довженко оставил после себя бесконечно многое. Казалось бы, достаточно простого трудолюбия да приблизительной сноровки в режиссерском деле, полученной за годы жизни рядом с великим мастером, чтобы с пользой обрабатывать эту неоглядную ниву, послушно идя по борозде, которая уже проложена смелым пахарем.

Солнцевой выпало счастье стать таким же неустанным пахарем, собирающим героику в пластах обычного, земного...

Картины жизни, которые воссоздает Солнцева, заново прокладывая довженковским образам дорогу к людям, к народу, ничем не напоминают того, что вежливо именуется в искусстве неокрепшей женской рукой. Как режиссеру Солнцевой ни в коей мере не свойственны ни расплывчатость замысла, ни половинчатость, неуверенность исполнения. Она не жалеет времени на сценарий, отыскивая для каждой довженковской строки все новое и новое, наиболее ясное и зримое, пластически четкое выражение. Но зато потом, когда образное решение наконец-то родилось, она действует энергично, страстно, размашисто. Не кто иной, как Солнцева привела героику в широкоформатное кино. В ее фильмах поражает невиданная глубина кадра, насыщенного действием, красками, звуками. Как и Довженко, воспевает Солнцева жизнь, говоря со зрителями мужественным языком революционной патетики.

Наиболее же волнует во всех фильмах Солнцевой то, что она, напористо и властно решая довженковскую тему, ведет одновременно еще лирически-напевный, взволнованный рассказ о самом Довженко — рассказ, прочерченный в подтексте, во всем образном строе этих картин ясно и твердо. И это для нас самое в них дорогое. Самое праздничное.

Могут спросить: откуда же тогда идет неизменная личная сдержанность, приглушенность, даже суровость самой Солнцевой?

Что ж, и этому есть объяснение. В жизни, в ее испытаниях. Напряженная режиссерская деятельность Юлии Солнцевой пришлась как раз на те годы, когда и в искусстве и в критике воцарилось безудержное увлечение неореалистическими фильмами. Все чаще появлялись и в нашем кинематографе картины, сделанные по западным образцам — на модных полутонах, с многозначительной недоговоренностью, явно приоткрывавшей, однако, стремление авторов уйти в сторонку от борьбы, от главных задач современности. «Мельчайшие мелочи» не возвышали здесь человека, а нагнетали на него тоску.

И в эти годы Солнцева оставалась верной заветам социалистического реализма, заветам Александра Довженко.

Стойкость и веру в свое дело Солнцева сохраняла, невзирая на скрытую холодность тех критиков, которые воздавали «Поэме о море» и «Повести пламенных лет» лишь дань известной уважительности.

Самое время наше, все события жизни ободряли и поддерживали Юлию Ипполитовну в начатой ею работе над сценарием «Зачарованной Десны».

Нынешним летом Солнцева выехала на Черниговщину, чтобы провести натурные съемки в Соснице, родных местах Довженко.

Будни небудничного

Бескрайним морем поэзия плещет и бьется в каждой строчке «Зачарованной Десны». Словно волны, нескончаемой чередою набегает она на читателя этой удивительной поэмы, неся с собой ощущение первозданной красоты окружающего мира, безыскусной прелести его.

На редкость «плотная» по мысли, содержательная проза маленькой автобиографической повести чеканна и прозрачна. Необъятно встает перед глазами каждого читателя и свое и довженковское детство. На всю жизнь запоминает он мудрых и светлых неграмотных людей, щедро наградивших будущего поэта божественным даром жизнелюбия. Они не только научили маленького Сашко ценить простую, первобытную, всем доступную радость бытия — материнские ласковые руки, великую ношу отцовского богатырского труда... Отец и мать, дед и прабабка мальчика обладали, видно, неразменным запасом светлой мысли и живого, пленительного юмора. И если каждому таланту суждено иметь свою музу, то древняя прабабка Сашко своими живописнейшими, исполненными чуть ли не шекспировской мощи проклятиями, возможно, помогала пробуждению поэтической души, подобно пушкинской няне с ее добрыми присказками.

Под тихим звездным небом, на кудрявых росистых берегах Десны, в убогой хатке Довженков все помогало зарождению того скрытого, волнующего своей неизъяснимой таинственностью второго плана жизни, в котором будущий художник с малых лет воспринимает сущее.

Сейчас в этой прохладной и тихой хатке под старыми вишнями пусто, безлюдно. Но не безжизненно. Просто кажется, что домашние ушли на страду, захватив с собою Сашко. Ветер осторожно шелестит затейливым бумажным кружевом на окнах; чуть покачивается крашеная деревянная люлька, в которой Одарка Ермолаевна Довженко колыхала своего младшего — пятого — сына.

Так мала хатка-музей, что в нее не вмещаются подарки, присланные из других городов. Пока что ютится в сенцах большая поясная скульптура: Кравчина из «Поэмы о море» с новорожденным сыном на руках.

Ее подарила музею харьковская художница Ольга Николаевна Кудрявцева; я помню эту чудесную скульптуру еще в глине, когда Ольга Николаевна лепила киноактера Бондаренко.

В «Зачарованной Десне» Алексей Петрович Бондаренко играет отца Сашко.

Бесчисленные пробы сделаны были на «Мосфильме», прежде чем Юлия Солнцева отобрала будущего Сашко. Претендента на эту ответственную роль искали все. Нашелся он в Гаграх — привез малыша в Москву второй режиссер «Зачарованной Десны» Леонид Васильевич Басов. Сейчас Володя Гончаров — мальчик скорее задумчивый, чем застенчивый,— кажется молча удивленным всем происходящим. Он уже привык, однако, к своему второму имени и откликается, когда его зовут Сашко; в свои шесть лет он словно первый раз открыл огромные голубые глаза на божий мир. Любимое же его занятие не киносъемки, а рыбная ловля. В свободные часы он собирает на Десне изрядный улов, вялит рыбу и посылает в подарок отцу, механику гагринского мясокомбината.

Престарелого деда Семена играет земляк Довженко, восьмидесятитрехлетний Василий Григорьевич Орловский; на массовых съемках в сцене покоса он спокойно доказал соседям, что не просто машет косой, а еще и на деле косарь хоть куда. Его сын, подполковник, убит в войну под Ленинградом, а дочь, Александра Васильевна Мостовая, работает учительницей в Соснице, внуки — механизаторы колхоза.

Старая плоскодонка, где, виляя пышным хвостом, удобнее всех на корме устраивается добродушный Брех, играющий Пирата,— всеобщий любимец и герой фильма «Пес Барбос и необычный кросс»,— перевозит нас всех на высокий берег Десны. Потом на лошадях, вместе с большой группой колхозников мы отправляемся в луга. Колхозники едут сниматься в постолах, больших соломенных брылях и белых, неярких одеждах; их неброское своеобразие чем-то напоминает шевченковские рисунки. Художница по костюму Валентина Анатольевна Киселева рассказывает, что изготовить такую украинскую одежду — скромную и поэтичную — куда сложнее, чем возрождать помпезное подобие старины с опереточными лентами и бусами, венками и вышивками... Горевать о том, что умерла старина, которую видел Сашко Довженко, ясное дело, не приходится. Однако не приходится и удивляться, что каждый крестьянский костюм так придирчиво осматривает, кроме художника А. Т. Борисова и обоих режиссеров, еще и оператор Алексей Сергеевич Темерин.

Наконец все готовы. Зажигаются костры на берегу Десны. Зачарованные дымы густыми столбами поднимаются прямо к небу; на вековые, древние ветлы ложится клочьями туман; аист, укладываясь на ночлег, очевидно, не смущается тем, что камера Темерина уже который раз нацеливается пытливым оком прямо на его семейство.

Трудовой день, начавшийся задолго до восхода солнца, заканчивается уже после того, как отгорают закаты над сонной Десной. Но и добравшись до вездехода, Юлия Ипполитовна просит отвезти ее не на квартиру, а сначала в школу. Эта школа носит имя Довженко, здесь база киноэкспедиции; на всех дверях прибиты необычные таблички: «Мосфильм», «Зачарованная Десна». Несмотря на поздний час, тут опять ждут Солнцеву неотложные хлопоты.

Хлопоты, хлопоты... Нет им ни конца, ни края.

В безостановочных буднях рождается небудничное — новый фильм Довженко.

Н. РЫЛЕНКОВ

Каждый город имеет свой неповторимый облик, свое «лица необщее выраженье». На Смоленск наложила неизгладимый отпечаток его более чем тысячелетняя история.

Конечно, в его имени намного меньше блеска, чем в именах Киева и Новгорода, но есть в нем высокопоэтическое обаяние спокойного мужества, непоколебимой верности долгу и неистребимой веры в жизнь, то есть всего того, что составляет основу нашего национального характера.

Выпадавшие на его долю жестокие испытания только укрепляли и закаляли эти черты.

Трудно назвать другой русский город, который претерпел бы на своем веку столько, сколько Смоленск. Для нас безвозвратно потеряны лучшие творения его древних мастеров — зодчих и живописцев, но воспитанная веками любовь к прекрасному переходила из поколения в поколение, и мы дышим ею, как воздухом. Может быть, это — самое большое и самое драгоценное наше наследство.

Один мой старый приятель, много лет занимающийся историей Смоленска и, как всегда в таких случаях, немножко увлекающийся, с чуть прикрытой шутливым тоном гордостью говорил мне, что стоит ему только где-нибудь в вагоне среди случайных спутников назвать свой город, как на него сразу же начинают смотреть с большим уважением.

Я никогда не испытывал ничего похожего, но, безусловно, верю моему приятелю, так как хорошо знаю его способность часами рассказывать о славном и многострадальном прошлом родного города, возникшего у самых истоков Древней Руси, где когда-то пересекались великий водный путь «из варяг в греки» по Днепру и путь на Балтику по Западной Двине.

Уже первые дошедшие до нас известия говорят о Смоленске как о большом и многолюдном городе. Есть предание, что направлявшиеся из Новгорода на юг в поисках счастья Аскольд и Дир не решались напасть на Смоленск, так как перед ними оказался «град велик и мног людьми». Включенный при Олеге в состав Киевского государства, он уже в XI—XII веках становится одним из крупнейших центров славянской культуры. Вот что читаем мы в «Лаврентьевской летописи» под 1147 годом о смоленском монахе Клименте Смолятиче, избранном русским митрополитом: «Бе бо черноризец схимик и бысть книжник (знаток книг) и философ, яко же в русской земле не бяшеть» (какого в русской земле не было). А вот что под 1180 годом говорится в «Никоновской летописи» о просвещении при смоленском князе Романе: «Вельми учен всяких наук и к ученью своих братьев, бояр и многих людей понужда, устроя на то училища и учителей греческих и латинских своею казной содержал...» По летописному сказанию, этот князь истратил на просвещение все свои средства и был похоронен за счет горожан.

Волей исторических судеб Смоленску еще на заре русской государственности суждено было стать пограничным мостом между Востоком и Западом, узловым пунктом торговли с Прибалтикой.

Сохранился весьма любопытный документ, известный под именем «Смоленской торговой правды». Этот договор, заключенный в 1229 году князем Мстиславом Давидовичем с Ригою, Готландом и немецкими городами, упорядочивал не только торговые, но и бытовые отношения смолян с иноземцами, которые имели в городе свою особую слободу.

Для разработки и подписания этого договора князь посылал в Ригу не представителей боярской знати, а «своего лучшего попа Еремея» и с ним «умного мужа Пантелея» — самых образованных людей из простонародья.

Каких только иноземных гостей не принимал Смоленск на своих торговых площадях, каких врагов не встречал под своими стенами!.. Сколько раз он выгорал дотла и снова возрождался из пепла, сколько раз его опустошали занесенные из чужих краев болезни, но проходили годы, и он оказывался еще более многолюдным. Есть известие, что в одном только 1230 году от моровой язвы в нем умерло около 32 тысяч жителей, а он не запустел, не потерял своей мощи. Всего через несколько лет после этого, в 1239 году, Смоленск успешно отразил нашествие татарских орд, растоптавших всю Восточную Русь, и остановил их продвижение на запад.

Однако без поддержки других русских земель он уже не мог сохранить своего прежнего значения.

Впоследствии, когда стряхнувшая узы татарского ига Москва собрала вокруг себя все русские земли, Смоленск называли ключом государства Московского, каменным щитом, прикрывавшим его сердце. А новую крепость, построенную Федором Конем, Борис Годунов горделиво величал драгоценным ожерельем Руси.

В смутное время начала XVII века, в разоренном 1812 году под смоленскими стенами решались судьбы России. В памятном всем 1941 году первый мощный отпор фашистские полчища получили тоже под Смоленском.

Я не коренной горожанин. Я вырос в глухой лесной деревушке и в первый раз увидел Смоленск в годы моей ранней юности. Увидел и полюбил на всю жизнь, плененный его своеобразной красотой. Мне кажется, что я дышу в нем воздухом родной истории, истории, которая не обходила его с древнейших времен и до наших дней. Смоленск с полным правом можно назвать и одним из самых древних и одним из самых молодых городов русских.

Я помню его еще сохранявшим многие черты старого провинциального города, каким он стал в предреволюционные годы. Помню с великолепными дворянскими особняками, с безвкусными купеческими палатами, с казенными зданиями присутственных мест, с зеленью садов в центре и непролазной грязью на окраинах.

Я участвовал в первых воскресниках, когда началась его перестройка. Я гордился, что мои кирпичи есть в стенах Дома Советов и Дома печати, студенческих общежитий и драматического театра. На моих глазах город расправлял плечи и на моих глазах был превращен в руины.

Когда в первые дни войны я уходил на фронт, его улицы кипели, как огненные реки, а когда возвращался после изгнания фашистов, на его пепелищах шумел бурьян. Я бродил по каменным завалам, среди сплошных пустырей и не узнавал знакомых мест. Все было разворочено и походило на какие-то раскопки.

Теперь все это вспоминается как тяжелый сон. Сон, который страшно увидеть снова, но забыть его нельзя.

В таких городах, как Смоленск, люди лучше, чем где-нибудь, знают, что такое война и что такое мир.

Я видел, как ютившиеся в развалинах горожане собирали под бомбежками первые дома, я помню первые жилые островки. А теперь в Смоленске уже не видно следов разрушений, он становится еще более прекрасным, чем был до войны.

В Смоленск охотно приезжают прославленные столичные артисты. В его картинной галерее устраивают свои выставки не только местные, но и московские и ленинградские художники. Частый гость у нас старейший русский скульптор С. Т. Коненков.

Наши писатели встречаются со своими читателями не только в библиотеках и клубах, а и в цехах заводов, в студенческих и рабочих общежитиях. На вечера Клуба друзей книги приходят девушки с льнокомбината и трикотажной фабрики, парни с завода электроприборов... Они говорят о стихах, читают строфы и маститых поэтов и таких, которые пока что известны только в стенах институтов и заводов.

У нас в шутку любят повторять, что Смоленск, как и Москва, стоит на семи холмах. Всерьез этих холмов никто и никогда не считал, да и считать их незачем. У каждого советского человека, где бы он ни жил, есть свои семь холмов — семь дней его недели. С этих холмов можно увидеть все мыслимые на земле дали.

За плечами Смоленска более чем тысячелетняя история, но смотрит он не назад, а вперед. Поэтому в его облике нет и тени провинциализма. Его архитекторы одновременно обсуждают и проекты реставрации церквушек XII и XIII столетий и планы благоустройства новых рабочих кварталов. Скульпторы лепят портреты передовиков производства и мечтают о создании памятника Федору Коню.

Ежегодно в начале лета в честь дня рождения одного из самых знаменитых смолян — М. И. Глинки — у нас проводится декада музыки и песни. Начинается она по традиции концертом у памятника великому композитору.

Глинка не раз говорил, что истоки его музыки в тех народных песнях, которые он в детстве слышал в смоленской деревне. Эти песни, в которых органически сливаются три славянские струи — русская, белорусская и украинская,— звучат на Смоленщине и до сих пор. Они оказывают благотворное влияние не только на музыку, но и на литературу, особенно на поэзию.

На газетных полосах рядом со статьями об опыте бригад коммунистического труда печатаются стихи о природе, о любви. Вообще Смоленск считается одним из самых поэтических городов России. В большой русской советской поэзии есть и смоленская школа, представленная такими дорогими для всех именами, как Михаил Исаковский и Александр Твардовский. В советской прозе тоже есть капля меда, собранная на смоленской земле. Такой каплей я назвал бы творчество И. С. Соколова-Микитова, на чьих повестях, рассказах и очерках можно и должно воспитывать у молодежи любовь к русской природе, к русскому слову.

Каждый человек любит свои родные места, как бы скромны они ни были. Смолянам есть за что любить свой город. Он велик в прошлом и прекрасен в настоящем, поэтому у нас есть все основания верить в его еще более прекрасное будущее.

Нынче Смоленск отмечает тысячестолетие со времени первого упоминания о нем в летописи. И где бы ни был смолянин в эти дни, он душой и сердцем в своем городе. Река не может вернуться к истокам, но человеку свойственно оглядываться на прожитое. После многих странствий он обязательно навестит родные края, чтобы реальнее ощутить пройденный путь, снова и снова проверить себя.

Глеб АНФИЛОВ
Фото Г. КОПОСОВА.

Ступенька к солнцу

Теперь, когда подписан Договор о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой, еще шире распахнулись двери перед созидательной, действительно необходимой человечеству наукой атомного века — ядерной физикой. И самая грандиозная, самая гуманная цель ее — овладение управляемыми термоядерными реакциями, создание на Земле «искусственного солнца».

БИОГРАФИЯ ЗАГАДКИ

Несколько лет тому назад газеты и журналы запестрели сенсационными заголовками: «Солнце на Земле», «Безграничные клады энергии»... Речь шла о заманчивой цели, открывшейся перед наукой: воссоздать на Земле ядерные процессы, подобные тем, что происходят в недрах Солнца. Зажечь в топках электростанций искусственные звезды! Журналисты с восторгом сообщали: топлива для «рукотворных солнц» хватит людям на тысячи и миллионы лет, ибо оно содержится в самой обыкновенной воде, а эффективность его так высока, что кружка воды обещает дать столько же энергии, сколько нынче дает бочка бензина. Наш Мировой океан по запасам этого горючего сулит сравняться с пятьюстами мировыми океанами нефти! И вода после извлечения «звездного топлива» (тяжелого водорода) останется водой, из нее будет взята лишь малая доля примесей.

Заманчивые надежды были и поныне остаются принципиально вполне обоснованными. Но сегодня разговоры о них в устах физиков служат не более чем предисловием к рассказу о титанической трудности решения этой задачи. Речь ведь идет о том, чтобы нагреть «топливо» до десятков и сотен миллионов градусов и удержать его при такой фантастической температуре. Лишь тогда оно загорится «солнечным огоньком». Сталкиваясь друг с другом, водородные ядра будут сливаться, преобразуясь в более тяжелые ядра гелия. Пойдет управляемый термоядерный синтез гелия из изотопов водорода.

Миллионы градусов — это невиданный мир. Там нет ничего твердого, ничего жидкого. Там только газ, и газ странный, состоящий из электрически заряженных частиц, а потому остро «чувствующий» электрические и магнитные поля, излучающий электромагнитные волны. Физики называют этот газ плазмой. И вот легонькую, трепещущую, неуловимую плазму пытаются схватить в объятия магнитного поля (не дай бог, коснется стенок камеры!), сжать, ускорить движение ее частичек, заставить их столкнуться. Плазму загоняют в ловушки, собирают в кольцевых камерах — чего только с ней не делают! А она ускользает, разбрызгивается, живет катастрофически мало — всего лишь ничтожные доли секунды!

...Недолгая история плазменных исследований знает много драматических эпизодов. Были и яркие вспышки надежды и горькие разочарования.

Вначале преобладала уверенность в скорой победе, ибо довольно простыми средствами (сильными электрическими разрядами в разреженном тяжелом водороде) плазму удалось нагреть (разумеется, на короткие мгновения) до одного-двух миллионов градусов. Мало того, из раскаленных плазменных шнуров полетели нейтроны — вестники начавшихся реакций ядерного синтеза. Кое-кому в этом почудилась головокружительная сенсация: показалось, что природа проще, чем предполагали. Но буквально через несколько дней, а может быть, и часов пришло отрезвление. Нейтроны тогда были «ненастоящие», их порождали не затеплившиеся «солнечные огоньки», а другие, побочные явления. Между прочим, научной канвой фильма «Девять дней одного года» послужил именно этот эпизод, но только обостренный ради сугубого драматизма вымышленным дополнением о смертельной вредности нейтронного излучения. В действительности нейтронов летело тогда столь мало, что они не грозили здоровью ученых.

В те времена плазменные исследования были во всем мире глубоко засекречены. И радостно вспомнить, что именно советские физики выступили инициаторами смягчения режима секретности в этой области. В 1956 году наш замечательный ученый и блестящий организатор атомного поиска академик Игорь Васильевич Курчатов по поручению правительства СССР сделал доклад в английском атомном центре в Харуэлле и поделился итогами советских работ. Англичане были поражены и немножко обескуражены: они лишь начинали такие исследования.

И тогда с легкой руки советских физиков открыто началось всемирное соревнование искателей управляемого термоядерного синтеза.

Англичане вскоре сообщили (и весьма торжественно) об экспериментах на установке «ЗЭТА» — большой кольцевой камере. Причем поначалу результаты этих опытов были сильно переоценены их авторами.

Появились известия и об американских работах, тоже порой пестрящие скороспелыми и понапрасну многообещающими выводами. Но потом приходили разочарования, а за ними катились волны пессимизма. Кое-кто из ученых терял веру в грядущий успех.

В течение нескольких лет тернистым путем поиска — проб, прикидок, проверок — двигались и наши физики. И к началу шестидесятых годов они пришли к выводу, который образно сформулировал академик Лев Андреевич Арцимович: «Сейчас нам ясно, что первоначальные предположения о том, что двери в желанную область сверхвысоких температур откроются без скрипа, при первом же мощном импульсе творческой энергии физиков, оказались столь же необоснованными, как надежда грешника войти в царство небесное, минуя чистилище». В другой раз тот же ученый назвал задачу управляемого ядерного синтеза «самой трудной проблемой двадцатого века».

Как видите, дорога очень сложна, очень нелегка.

Но это не значит, что она состоит только из неудач и ошибок.

ПРОБКОТРОН И ЕГО ХОЗЯЕВА

ОПИ — так сокращенно называют Отдел плазменных исследований в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова Государственного комитета по использованию атомной энергии.

Несколько зданий, примыкающих прямо к лесу, к парку, к саду. Обширная территория института тонет в буйной зелени. Тут лаборатории, кабинеты теоретиков, комнаты для научных собраний, мастерские. Экспериментальные залы напоминают цеха большого завода. Под потолком краны, по стенам обзорные галереи, в подвалах величественное электрооборудование: батареи конденсаторов, похожие на средневековые органы, могучие выпрямители, мотор-генераторы — все огромное, озаренное красными бликами меди. Это подсобное помещение напоминает старинный языческий храм.

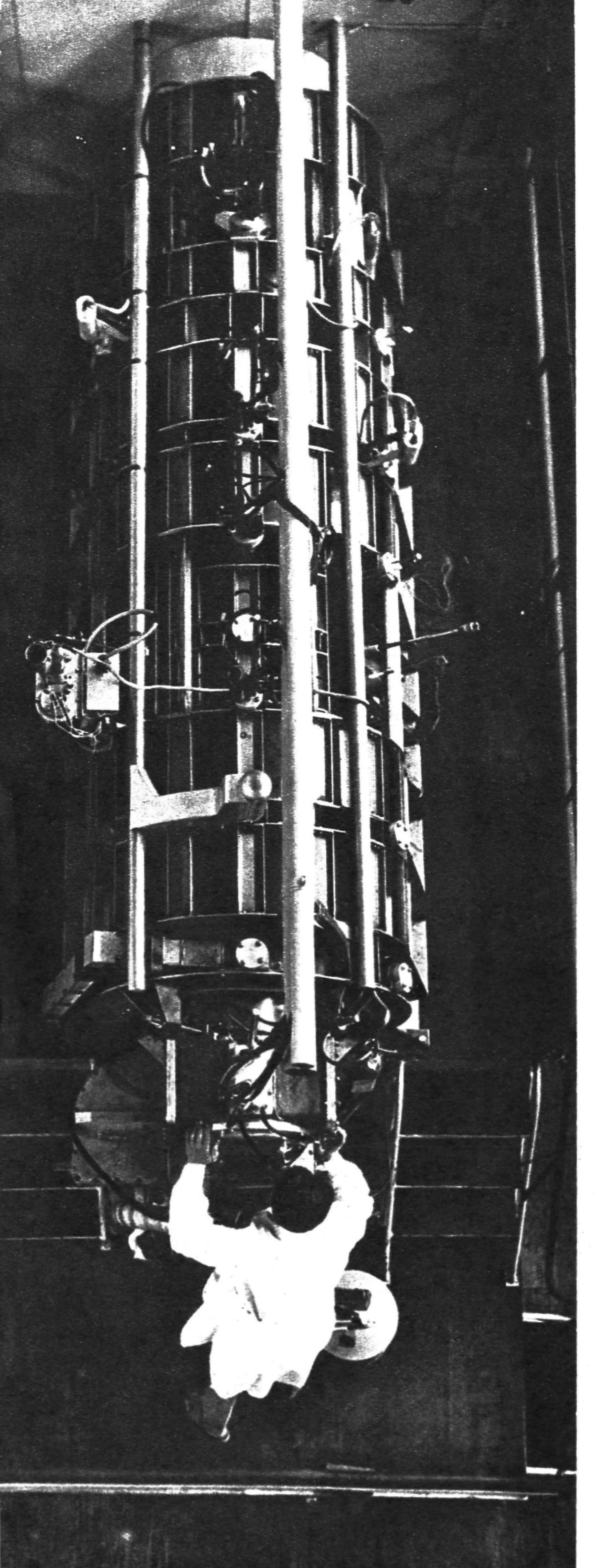
А над всем этим, в зале, экспериментальные установки. На высоких постаментах воздвигнуты камеры—прямые, кольцевые, шарообразные. Тут и там светящиеся табло: «Магнитное поле включено!» Пестрая электрическая смесь — приспособления для приготовления плазмы, пульты управления с бесчисленными тумблерами, ручками, сигнальными лампочками, белыми окнами осциллографов. Здесь, на экране осциллографа, во время опыта вспыхивают кривые, отражающие жизнь плазмы в камере,— те самые кривые, над которыми потом ломают головы теоретики, которые всесторонне обсуждаются на семинарах, публикуются в научных журналах и монографиях.

Заместитель заведующего ОПИ Михаил Кириллович Романовский знакомит меня с руководителем одного из секторов Михаилом Соломоновичем Иоффе. В секторе Иоффе недавно проведен эксперимент с ободряющим результатом: раскрыв и устранив главную причину неустойчивости плазмы, жизнь ее удалось продлить более чем в сто раз. И вот Михаил Соломонович рассказывает мне о сути работы.

Предварительно приготовленную, еще не нагретую плазму впрыскивают в пробкотрон — камеру, где с помощью сильных токов, текущих в обмотках, создается магнитная бутылка. Так называют магнитное поле, конфигурация которого и впрямь напоминает бутылку, но только без дна и с двумя горлышками, направленными в разные стороны. Это области усиленного поля, физики называют их «пробками», отсюда имя установки — пробкотрон. Частицы плазмы, двигаясь в бутылке, большей частью отскакивают от пробок и не выходят из нее наружу. Словом, плазму в таком сосуде намеревались удержать, сжать и, следовательно, нагреть.

К сожалению, идея оказалась неосуществимой. Пойманная плазма мгновенно вспучивалась, вырывалась из бутылки, касалась стенок камеры, остывала и гасла. Почему?

Было много кропотливых исследований, в которых большое участие принял теоретик Борис Борисович Кадомцев. И ему удалось нащупать



Сейчас пробкотрон отдыхает — профилактика.

главного возмутителя спокойствия плазмы — так называемую желобковую неустойчивость. Плазменное облачко разрушилось из-за молниеносного развития в нем продольных выступов и углублений—желобков. Это заявила теория.

Первый этап эксперимента в том и заключался, чтобы отыскать желобковую неустойчивость. И действительно, ее существование удалось доказать. Наши физики увидели ее с полной несомненностью, что вступило в противоречие с итогами аналогичных работ американских ученых — те не сумели уловить в плазме это явление.

А дальше нашлось и средство для подавления желобковой неустойчивости. Магнитную бутылку окружали по бокам магнитным забором. Теперь поле нарастало от центра камеры к периферии, а не наоборот, как прежде, и это, согласно подтвердившимся в опыте предвидениям теории, ограждало капризное плазменное облачко от желобковой опасности.

Вот, собственно говоря, и все. Так была продлена жизнь плазмы. В докладах и специальных журналах эпизоду с желобковой неустойчивостью будет отведено несколько страниц. В этом очерке — немногим больше абзаца. А люди, которые решили эту сравнительно небольшую (в масштабах всей проблемы) задачу, отдали ей не дни, не месяцы — годы жизни.

50 МИЛЛИОНОВ ГРАДУСОВ

Современная физическая лаборатория — завод знаний, где экспериментальные установки доведены до размеров и мощи большой индустрии. Это влияет на характер исследовательских коллективов. Существенная черта их — многоступенчатое содружество профессий: теоретика с экспериментатором, экспериментатора с инженером, инженера с рабочим. Чем прочнее их связи, тем продуктивнее работа.

Сотрудник сектора Иоффе Всеволод Михайлович Петров (в недавнем прошлом рядовой токарь, а теперь старший инженер, проектировщик пробкотронов) ведет меня к установке-«имениннице». Передо мной махина величиной чуть ли не с паровоз. Вокруг длинной трубы помост с перилами. Струится белым паром жидкий азот — он нужен для получения высокого вакуума. Пестрят проводники, вода течет из медных трубок обмоток. Сейчас пробкотрон отдыхает — профилактика. Лаборанты проверяют, нет ли где течи, надежно ли держится в камере самое дорогое — вакуум.

Всеволод Михайлович вспоминает, как строили установку. Ради быстроты и экономии решили все сделать у себя в институте, не отдавая заказов на сторону. Вместе с Иоффе Петров спроектировал камеру, придумал, как ее укрепить (без металла), как согнуть обмотки. Боковые «палки» (ту самую обмотку-новинку, что призвана была спасти плазму от желобковой неустойчивости) решили устроить в виде плоских трубчатых спиралей. Это усложнило монтаж, и в мастерской было замахали руками: «Невозможно!» Но медник Николай Савин повертел в руках чертеж и сказал: «Сделаю». Месяца два он колдовал над медными трубками — сделал все отлично.

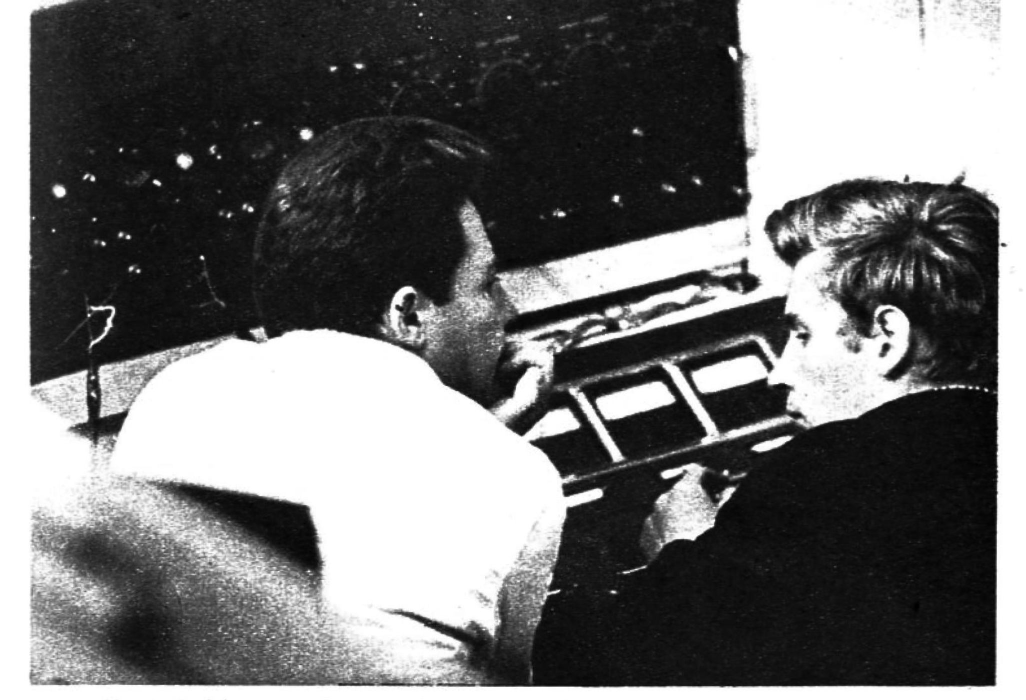
Это неизбежно: рядом со сложным научным поиском стоит высокий класс рабочего мастерства. И еще закономерный штрих: рабочие неплохо осведомлены, для чего они делают эти странные детали и конструкции. Бригадир слесарей Евгений Морозов рассказывал мне, как ученые беседуют с рабочими о мирной термоядерной проблеме, да и не только о ней,— о науке вообще, о космосе, о современности, о будущем.

Хороший экспериментатор всегда чтит старый фарадеевский завет: «Сделай сам». При постройке пробкотрона долго не ладилась накладка изоляции между витками обмоток — уж очень точное дело. Кончилось тем, что Петров и Иоффе остались на ночь в лаборатории и в тишине за несколько часов сосредоточенной работы сами выполнили эту ювелирную операцию.

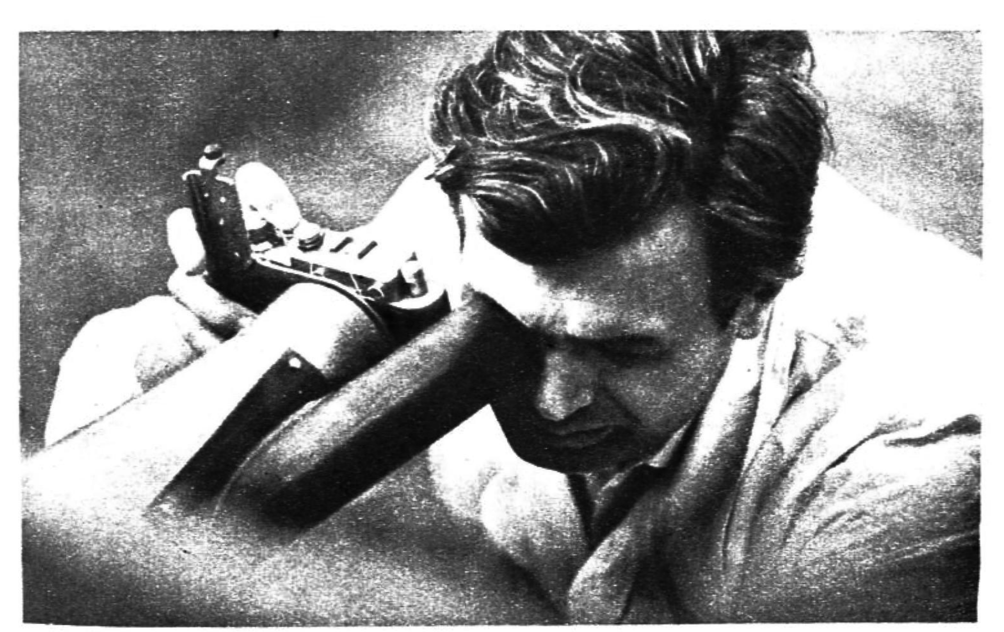
Не меньше хлопот было с электрическим хозяйством установки, и совсем иного рода: тут запутанные схемы, бесконтактные включения, накопители электроэнергии, зонды, прощупывающие плазму, оборудование пультов управления и наблюдения. Инженер Юрий Тарасович Байбородов придумывал все это вместе с физиком Рюриком Ивановичем Соболевым. Добились многого: гигантской силы токи обрушивались в обмотки по строгому расписанию, втиснутому в тысячные доли секунды, молниеносная электронная автоматика связала в единый импульс приготовление и выпуск в камеру плазмы, охват ее магнитной бутылкой, укрепление боковым полем. Эти вспышки были намного продолжительнее и в десятки и сотни раз чаще, чем в прежних моделях пробкотронов.

На постройку прибора потратили полгода. Еще полгода длилась и наладка.

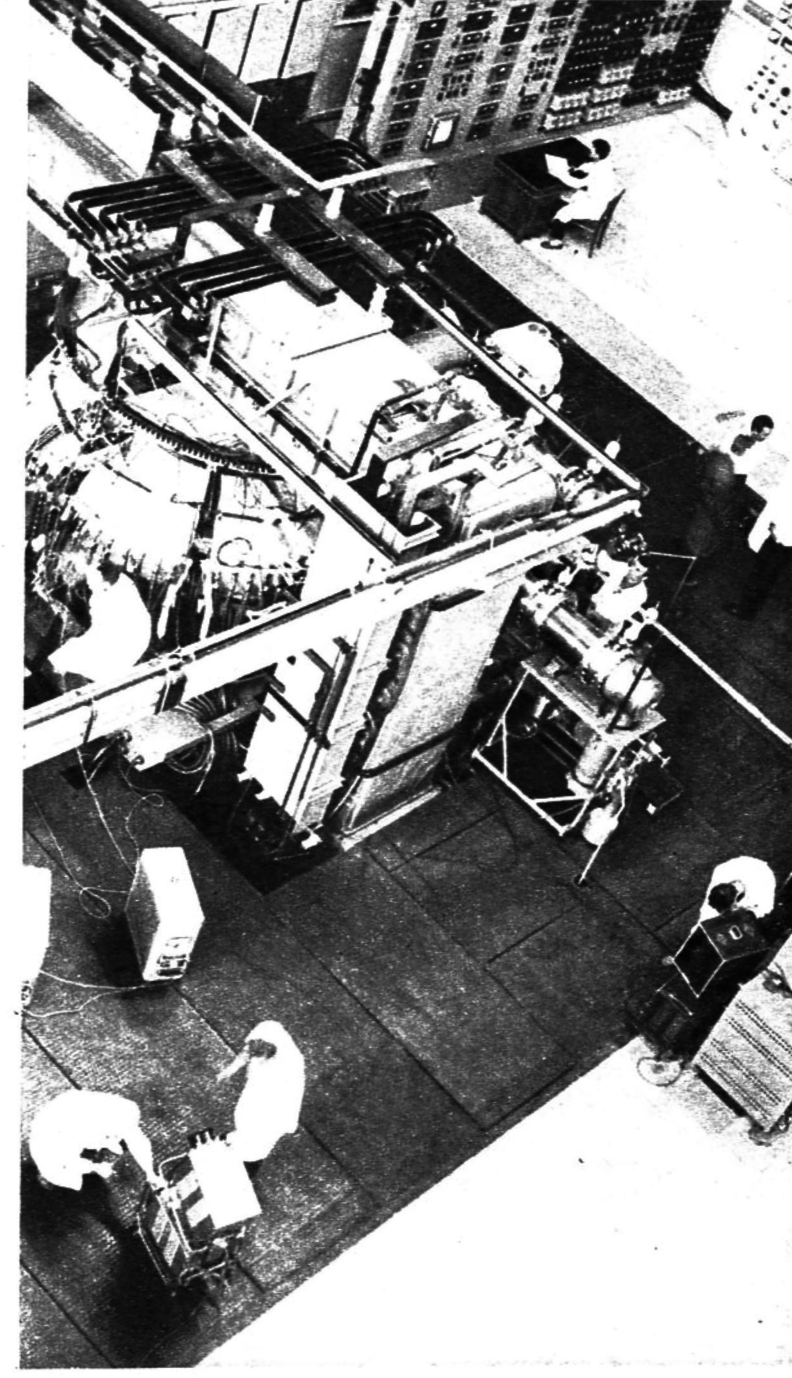
И вот первый пуск... Соболев окончательно регулирует режим прибора. Трещат искры в разряднике, загораются лампочки на пульте, в окнах камеры видны голубые зарницы схваченной плазмы, пляшут кривые на экране осциллографа. У экрана сгрудились физики. Посмотреть есть на что: кривые совсем иного вида, чем на прежних моделях. Там были истерические зигзаги, свидетели судорожных прыжков и гибели плазмы; здесь длинные, плавные шлейфы — бесспорный сигнал долговечности успокоенной плазмы. Энергия же водородных ядер в ней соответствовала поистине фантастической температуре — 40—50 миллионам градусов! Сотворенное человеком легонькое облачко плазмы оказалось в несколько раз горячее, чем вещество в самых глубоких и самых жарких недрах Солнца.



М. С. Иоффе (слева) у пульта пробкотрона.



Физик-экспериментатор Р. И. Соболев.



В институте построена одна из крупнейших исследовательских термоядерных установок — «Токамак». На этой установке ученые проводят работы, связанные с исследованием плазмы.

НИКАКОГО ТРЕЗВОНА!

Когда дело растягивается на долгие годы и не видно впереди конца, даже проблеск успеха дорог и значителен. В секторе Иоффе был не проблеск. Тут было благополучное развитие давно задуманного плана. И главное, чуть ли не в первый раз при решении этой проблемы в эксперименте блестяще оправдалось предсказание теории. Налицо как будто причины для шумного ликования.

Но все, с кем я беседовал, настойчиво просили: никакого трезвона! Сделанное более чем скромно по сравнению с тем, что предстоит сделать. Академик Михаил Александрович Леонтович, руководитель здешних теоретиков, сказал даже, что сегодняшние исследования вообще не имеют отношения к проблеме управляемого термоядерного процесса. Пока идет лишь изучение вещества в необычном, плазменном состоянии: хоть энергия ядер водорода в плазме и велика, но плотность плазмы ничтожна и должна быть повышена по крайней мере в сто миллионов раз.

Все это верно. И тем не менее факт остается фактом: достигнут прогресс, бесспорный прогресс. Пройдена еще одна ступенька к искусственному Солнцу. И немалая...

Терпеливое ежедневное упорство, извилистое развитие идей, непрерывный спор с природой — это будни физиков, изучающих плазму. Ей, капризной и загадочной, отдается, по существу, вся жизнь. Мысли о ней и в автобусе, по пути в институт, и в туристском походе (физики любят это славное дело), и дома. Теоретик Борис Борисович Кадомцев рассказывал мне, что, как ни странно, в дни удачных идей и разработок он особенно неразговорчив со своими домашними: уж очень «забита голова плазмой».

Да и развлечения тут под стать основной жизненной цели. Есть у молодежи ОПИ очаровательная «Опиада» — самодеятельная радиокомпозиция, записанная на магнитофонную пленку и снабженная смешными картинками. Один из главных ее авторов, Виталий Дмитриевич Шафранов,— весьма известный теоретик. И поется в «Опиаде» обо всем, что связано с мытарствами овладения плазмой. Там и «отрывки из оперетт», и «частушки», и своя «Дубинушка», и шутливая «Плазбука» (азбука в стиле Маршака, в которой все про плазму). Например:

Плазма — очень хитрый газ,
Плохо слушается нас.

или:

Хороша ты, с маслом каша,
Холодна ты, плазма наша.

(Последнее двустишие явно устарело.)

Я слушал «Опиаду» и думал о том, что вирус уныния, заразивший в последнее время иных западных физиков, наших ученых не тронул. У нас понимание огромной трудности задачи соседствует с задорным упрямством и твердой верой в исполнимость замысла. И не только в молодежи живет дух бодрости. Он веет сверху — от маститых ученых.

Заведующий отделом академик Л. А. Арцимович — самый непреклонный противник преждевременных восторгов, вместе с тем активнейший проповедник оптимизма. Это ему принадлежат крылатые шутливые афоризмы о плазме, на серьезных научных собраниях он умеет держать внимание аудитории остроумием неожиданных сравнений. Кстати сказать, «Опиада» поначалу была подарком Арцимовичу в день его пятидесятилетия, а потом уже стала традиционной «летописью» ОПИ.

Вот так и идет работа — непрерывный поиск и неиссякаемая уверенность в победном завтра. Люди учатся держать в руках солнечное вещество. Постепенно копится опыт, растет это диковинное прометеевское умение. И настанет день, когда они зажгут на Земле искусственную звезду. Обязательно настанет!

МИНИМ

Анатолий ТКАЧЕНКО

Рассказ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

В небе, ясном и свежем, грохнул гром, поколебал степь, и тихое журчание потекло к бурым горячим холмам, будто пролился из небес чистый ручей.

Харченко поставил ведра, отер краем рубахи пот и посмотрел в небо. Наискось еле видимым крестиком уходил в жуткую бездонность, «богу в рай» реактивный самолет.

— Стреляють! — сказал Харченко, как бы себе на уме и заранее не соглашаясь с кем-то, кого рядом вовсе и не было.— Стреляють! — повторил он.— А то, бывает, ракетами. Да!

Он присел на сухой, горячий край грядки и стал слушать, как бьется, течет в его жилах, вздутых от работы, растревоженная кровь. «Шух, шух, шух...» — стучало в ушах, а на левой ноге под коленом дергалась, потихоньку замирая, беспокойная жилка. Но сердца Харченко не чувствовал, ему всегда казалось, что оно не в груди, а ниже. Оно приятно томилось от пищи или ныло, пустея от голода. «Ша, ша, ша...» — затихало в ушах, и Харченко докурил папиросу. Подхватив обсохшие ведра, он пошел к копанке — неглубокой яме, в которую натекла родниковая вода.

С самой зари он поливал свой огород: огурцы, помидоры, арбузы, свеклу и прочую мелочь. Поливал истово, почти не передыхая, ни о чем не думая, поливал, и все. Надо было до горячего солнца освежить грядки, помочь «огородине» выстоять жару. Хотелось пить, но Харченко терпел; это даже помогало ему работать: всякой былинке хочется пить, а себе потом. Он чуть-чуть хитрил: себе он хотел квасу и браги. Вода, она для растения полезна. Вот старуха придет...

Копанка под кручей, прямо в огороде, своя и всегда полная. Холодная — страсть, тенистая — боже мой, зеленая — рай земной! Будто носишь ведрами благодать из нее. Харченко наклоняется к стылой, подзеленённой с краев воде, опускает оба ведра, минуту дышит, наполняя себя прохладой, смотрит, как в замутненную воду снизу пробиваются чистые, стойкие струи, потом разом напрягается, горбатит мокрую спину и — кхе! — выдергивает из воды полные до ободов ведра, несет в оттопыренных, набухших синими жилами руках.

Дорожка тесная, между разбросивших стебли грядок, и Харченко ступает расчетливо — не притоптать бы чего,— но с каждым разом он становится как бы все шире, босые ступни не умещаются на дорожке, разбивают ее. Он старается вытянуться, поднимает плечи, придерживает дыхание и все равно раздвигается в ширину. Когда ему кажется, что он занимает собой уже весь огород и может вытоптать грядки, он останавливается, вдевает ведро в ведро и садится. Теперь как раз должна прийти старуха.

Пахнет укропом, помидорной ботвой, свекольными листьями. Зеленые и мокрые лежат на земле огурцы: маленькие — колючие и побольше — гладкие, есть два бурых семенника, жирных, как хлебные поросята. Поглядывают помидоры, веские, завалившие подпертые хворостинами кусты; красных еще нет, но желтые попадаются— как раз на любителя, под водочку. Опять же пахнет укроп — этот задает тон, приправляет огород; без него душа затоскует, работа не пойдет.

И под все это, мокро лопаясь пузырями, пожуркивая, всасывается вылитая на грядки вода — ведер сто, а может, больше. Харченко не считает, поит землю, как сам пьет: хватит, когда хватит.

Он сидит, думает, медленно нащупывает мысли. Больше любит приятные, об огороде... И вдруг ему становится скучно, вроде как бы с похмелья. Что бы это такое?.. А-а, пенсия... И этот агроном Сухов, парторг. Вчера вечером пришел к скамейке, где Харченко, отдыхая, курил, попросил спичку, сам задымил и говорит, будто между прочим: «Слышь, пошел бы в совхоз помог. Небось, знаешь, время трудное. Брось ненемного свой огород». Харченко ответил, ткнув каблуком в землю: «А что опосля выкопаю?» Тот вроде не слышит: «Вот пенсию просишь, легче потом получишь. Прояви сознательность». Харченко ему, выпятив живот: «Сознательностью твоей брюхо не набьешь, оно еды просит. А пенсии и так добьюсь, положено: годы вышли, отработал». Сухов (ясно — сухарь, не переломишь): «Минимум, что ль?» Харченко встал, распрямился, отчего агроном сделался совсем маленьким, и ушел к себе за плетень. И легче стало. А теперь вот... Тоже начальники! Умеют обидеть трудящегося. Харченко сердится, потому что скука, будто с похмелья, все-таки не проходит...

Идет старуха Карповна, широкая, в ситцевом платье, и издали кажется молодой: она всегда была круглая телом. Однако чем ближе подходит, тем больше стареет. А когда ставит рядом узелок и смотрит на грядки, становится совсем теперешней Карповной: старой, несговорчивой, но такой, какая нужна и привычна Харченко.

— Вот тебе, пополдничай-то,— говорит врастяжку Карповна, будто ей жить еще сто лет.

Конечно, дом рядом, можно бы и за столом поснедать. Даже меньше хлопот, но то другое... Хлеб, он под небом растет, под небом и слаще. Оно, может быть, и привычка, и смешно иному: Карповна в чистое наряжается, когда несет узелок.

Харченко долго вытягивает квас из литровой банки, отдает ее пустую и принимает большую рюмку водки (ах, Карповна, расстаралась сегодня!), опрокидывает вслед за квасом и заедает малюсеньким наперченным огурцом.

Не торопится, дает водочке проявить себя, разбежаться по жилам, поднимает завлажневшие глаза, смотрит в небо. А там все лежит чуть развертенный, сжавшийся облачками самолетный след, и издали, прямо от степи, тянется к нему другой, прямой и свежий.

— Стреляють! — говорит Харченко так, будто знает еще что-то про это, а может быть, больше для того, чтобы поговорить о политике: кто первый начнет войну?

Карповна не отвечает, раскладывает на платке еду, пододвигает старому. И он принимается есть. Берет картофелины, хлеб, сало, запивает молоком, и слышно, как пища большими глотками проходит горло, урча, укладывается в животе. Руки работают, мечут легко, охотно и кажутся особенно огромными, потому что Харченко не сгибается к еде, достает ее издали.

Карповна подгребает куски, постепенно освобождая платок, крошки собирает на хлебный мякиш, сует ему в горсть и для порядка встряхивает платок.

Громкая, сытая, из «самой души» отрыжка звучит ей благодарностью, признанием в нежности, и Харченко расслабленно спрашивает:

— Как, письмов не было?

— Нет,— отвечает Карповна,— письма не было, что-то не пишет дочка. Время бы уже.

— Да. Сурьезные дела.

— Дела,— как-то не очень охотно подтверждает Карповна.

— Да-а...

Пища отягчает Харченко, туманит и клонит ко сну. Карповна видится ему белым широким пятном, он слышит поскрипывающий голос, понимает, что она говорит о пенсии. Говорит так, будто пенсия — малый интерес: живем, да еще дочки помогают. Не то твердит баба. Пенсию надо получить, добиться. И зять вот один помогает. Конечно, можно и так — колхозную платят. Но совхозная больше. «Испыток не убыток», «спрос глаза не колет». Отдай по закону. За совхоз голосовал, в совхозе состоял... Мало, говорите? Извиняюсь, срок трудовой вышел. Прошу уважения к старости. Не свое платите. Зять правильно понимает: «Государство не обеднеет». Оно большое. Харченко пытается представить государство и ничего не может вообразить — просто видится ему «большое», и все. Чтобы как-то это назвать, он говорит: «Оно Гитлера победило». А пенсия... Он встряхивает набрякшую голову, смотрит строго на Карповну, говорит:

— Я трудовой крестьянин, понятно?

— Понятно, чего уж там, известно,— чтобы получилось подлинней, отвечает Карповна и, покачиваясь, как копна сена, утверждается на ногах.

Она уходит, белое исчезает с огорода, больше не отвлекает, и Харченко видит: зелень, зелень, зелень... Зелень сосет землю, воду, и из этого — так простецки! — обрастает плодами; плоды перейдут в погреб, в бочки, а те — захолонут, заўрут, и ты ходи с полной душой, разговаривай сурьезно, не части, потому как... Харченко встает, берет ведра, нагретые небом, и, побарывая лень, идет к копанке.

Теперь он осматривает каждый куст, льет воду, дожидается, пока всосется, вберется в глубину земли вода, горбясь, кланяется и кланяется стеблям, листьям и плетям.

«Шлеп, шлеп» — разбивают намокшую дорожку широкие, как разношенные башмаки, голые ступни; «шух, шух» — стучит, будто тоже вышагивает, в ушах кровь. Солнце — выше, Харченко — все шире; солнце, зависнув, начинает яриться, Харченко прячет в траву у копанки ведра и оставляет ему, огромному и обманутому, огород. Теперь, чем больше оно будет палить, тем пуще попрет из земли огородина.

— Будьте здоровеньки! — говорит Харченко земле и небу и отправляется к дому.

Под тесовым низким навесом у него устроена лежанка — топчан с ватным тюфяком и старой шубой в головах. «Належанное» место, удобное телу, приятное мыслям и прочему другому. На полке стоит запотевшая банка с квасом (Карповна приготовила), лежит свежая газета.

Харченко заваливается на спину, качнув древний, увязший ножками в землю топчан, минуту лежит, закрыв глаза, не отгоняя мух,

блаженствуя, пьянея от гулкой истомы и покоя.

Потом пьет квас. Потом берет газету. Сначала смотрит первую страницу—по заголовкам, самым крупным,— нет ли указов и постановлений касательно сельского хозяйства. Сегодня через всю страницу напечатано: «Больше хлеба — богаче Родина». Жатва в Приангарье; у колхозников Херсонской области... А вот... Актюбинск — это уже своя земля, можно сказать, кровная... «Хлеборобы края обязались засыпать в закрома Родины на 5 миллионов пудов больше плана».

Харченко интересуется: сколько это тонн, вагонов, составов? Умножает, заставляет шевелиться свой трудный ум: ведь интересно — зерно! Много получается. На полевых станах горы насыплют этого добра. Хорошо! Легче будет достать отходов для птицы, да «чистенького» в ларь, да поросенку.

Смотрит, как с овощами. Нигде вроде не написано. Есть о горохе, кукурузе, а о другом — ничего. В совхозе тоже молчат. Главное — хлеб. Картошка и помидор — трудная овощь, требовательная к себе, крестьянская. Базарная. Ее и продать не грех. Умеючи, конечно, надо. Каждый, продавая, говорит: «Ни-ни, и капли не поливал»,— известно, поливное хуже. Верят, конечно, сухое на вид. А оно попробуй не полей — уголек выкопаешь. «Ни-ни!» — скажешь, а весы так и заходят от тяжести, руки под белый фартук, и улыбочка скромная: «Прошу, гражданочка, весной дороже купите».

Вторую страницу Харченко пропускает, третью смотрит сквозь тяжкую дрему, но старается вникнуть в международную обстановку: после уже некогда будет глянуть в газету, и в голове вроде пустее будет — на огороде о чем же еще думать? «Белый дом маневрирует», «Совещание у Сукарно», «Положение в Алжире», «Жоао Гуларт: «Пора кончать с латифундиями» — в заметке рассказывается о земельной реформе в Бразилии. Что такое латифундия?.. Земля, конечно. Гектары или сотки?.. Интересно. Сколько латифундий у Харченко? Отнял бы у него хоть одну сотку президент Гуларт!.. Да... Пусть у себя лучше поднимает... налаживает...

Потом латифундии начинают казаться Харченко зелеными, мокрыми полянами, по которым ходят белые гуси, потом становятся зелеными горячими пирогами — их один за другим кончает бразильский президент, потом Харченко, обжигаясь, ест сам и... засыпает, выронив газету, окаменев лицом, будто задумавшись о чем-то страшно интересном и очень тайном.

Карповна подходит, садится на лавку, отдыхает: жаль будить старика. Ей самой хочется соснуть, так он сладко всхлипывает и сопит, но она принимается широко взмахивать концами фартука — отгонять мух. Привыкли руки что-нибудь делать. А спать ей нельзя: ляжет и затомится сразу, не раскачается до ночи, пока жара не спадет.

По ту сторону забора — село, знойное, пустое. Беленые саманки прямо горят от солнца, больно на них смотреть, трава высохла, дорога на полметра прогорела пылью. У клуба передает музыку радио, что-то рассказывает, от этого тоже хочется спать. И только по краю села, за домами, веселя глаза, быстро проходят машины с зерном. Желто, выпукло взблескивает зерно в кузовах, как запеченные, смазанные маслом булки в формах.

Тихо. Жарко. Даже дети и куры попрятались в сени. Народ — в поле. Вернется к ночи. Хоть умри — никто не наведается, разве, мимо идя, кто крикнет через забор, поздоровается. Да пастух к вечеру пригонит корову, попросит воды, смурной постоит, подперев забор, и пойдет прятаться к себе в дом.

Карповна смотрит на улицу, труднее дышит; она понимает: это не только от жары, еще от пустоты. И на душе у нее становится пусто. Как будто умер кто или предчувствие нехорошее. Может, дочка заболела, может, внучонок под машину попал. Может... Карповна не знает, что еще «может», и ей становится еще труднее дышать. Болят жилы в руках, пухнут, наливаются старой кровью ноги — прямо ни встать, ни качнуться. Не работница, не заботница. Только перед стариком держится — он заходится работой, его, как малого, нельзя оставить: оголодает и оборвется. Сказала с весны все же: «Мне бы с внучатами впору...» Обозлился: «Сам прокормлю!» Всю неделю бычился. «Ты мне только вари»,— говорит. Карповна вспоминает давнее, как смутный сон, думает, утомляется, потом, будто наткнувшись на что-то острое, на минуту замирает, прислушивается к позабытой боли и снова, но уже труднее, дышит, дышит знойной пустотой. Когда ей кажется, что она вот-вот задохнется и упадет, а упав, уже не встанет, Карповна говорит пугливо и торопясь:

— Ну, вставай-ка, старый!..

Харченко просыпается сразу, как солдат по тревоге, и, опершись на локоть, взгромождается на топчане, скрипнувшем ржаво и старо. Огромный, небритый, жарко запотевший, несколько минут приходит в себя, потом пьет теплый, пузыристый квас. И, горбатый, опустив руки, как узловатые, перевитые канаты, идет к огороду. Он покачивается со сна, от разморенности, но с каждым шагом утверждается на кривых ногах, и ноги, кажется, выпрямляются, стройнеют.

Карповна смотрит ему вслед, пугается его широкой, как бы подставленной под немыслимый груз спины, бурого воловьего затылка, опущенных до колен рук. В забывчивости она крестится и отворачивается к избе.

У калитки Харченко берет тяпку, широкую, как лопата, насаженную на мозолистую, скользко отглаженную палку, и пробирается между гудящими от пчел, душно пахнущими грядками вниз, к картофельным бороздам. Здесь другой запах — больше из глубины, сыроватый, терпко першащий. Приподняв тяпку, смотрит на длинные, ровные ряды развалистых кустов с пятнами и цепочками желто-белых цветов, наклоняется, примеривается и огребает теплой землей первый в крайней борозде куст. И совсем просыпается — оживает в руках кровь, плечи отряхивают вялую морь, ноздри улавливают освежающе-горький, земляной запах растревоженной ботвы.

На третьем кусте Харченко впадает в привычный, горячечный ритм, скупо повторяет одни и те же движения, живет ощущениями мускулов, живет телом. Огромное остывающее небо — на его плечах, огромная теплая земля — у него под ногами. И, охаживая каждый куст, подшевеливая его снизу, собирая в пучок стебли, он как бы пробуждает корни и листья, напоминает, что земля сочна и влажна, а небо свежо и ясно и все сущее должно радоваться этому.

Солнце скатилось с округлого, гладкого неба к степи, ослабло и просто светило; но воздух, нагретый, иссушенный, лежал нетронутый; и только изредка, будто чуть подмывая его, сквозь талу, в которой пряталась речка, просачивался жиденький ветерок. Харченко улавливал его ногами, пригибался к нему, стараясь хватить ртом; ему не удавалось это, он забывал о речке и воде, а потом прохлада опять трогала ноги. Понемногу ветерок смелел, поднимался выше, холодил рубашку, и наконец Харченко втянул его в себя, жадно и глубоко. Желудком почувствовал свежесть, выпрямился, огляделся.

Окученные ряды были у́же, стройнее, земля охватывала и пухло облегала их — теперь даже малую влагу с неба она емко поглотит в себя.

Харченко плюнул в сухие, белые, с перетершимися мозолями ладони, перегнул истомленную спину и снова принялся тяпать и тяпать, кивать и кивать головой. И остановился, когда за спиной, рядом, но будто издали, услышал:

— Будет, будет, старый...

Карповна принесла закусить. Сел прямо в борозду, нащупал банку с холодным кислым молоком, выпил, закрыв глаза, задыхаясь от жажды. После этого, придя в себя, глянул на Карповну, будто удивляясь: как она оказалась возле него?

Она покачала головой, горестно и врастяжку проговорила:

— Кабы в колхозе так работали...

Харченко не ответил: он что-то не понял ее слов, они все-таки еще издалека доходили до него; стал есть, пить, уже не торопясь, словно выполняя трудную работу. Съел все, не разобрав толком, что было на платке, закурил и теперь просветлел головой.

Карповна, взмахивая тяпкой, огребала картошку, видны были ее округлые белые локти и белые пухлые ноги. Удивительно — никогда, смолоду даже, у нее не темнела кожа от жары: то ли она умела так прятать себя, то ли по другой причине. Харченко кажется, что и рыхлость у нее оттого, что сверху ее не припекало, не подсушивало... Он думает: «Что это сейчас сказала Карповна о колхозе?» Бормочет: «Постарела прежде времени. Отчего бы?» Вспоминает ее молодой, очень давней, прямо как приснившейся во сне.

Удивительно все. И было ли? Она была беленькой, говоруньей и книжницей. В первой читальне работала. Дружок у нее был — комсомолец Кирилл. Все вместе держались, активничали. А Харченко просто так ходил в читальню — посмотреть на беляну, позавидовать Кириллу. А как полюбил и обозлился, не помнит. Был очень робкий, такой — прямо слова сквозь зубы не вытащишь, но упрямый до дикости. Ходил и ходил, подслушивал, подкарауливал; даже батька заметил, сказал: «Брось, выпорю. Комсомолия не по нам». Потом... Потом убили Кирилла кулаки. Прошло долгое время. Беляна стала замечать Харченко, его упрямство, прямо жадное внимание к ней. Но замуж никак не хотела, пугалась подумать. Уговорил ее отца и мать, повалялся в ногах у своего батьки, силой сосватал. А в первую ночь избил, как животину, самому страшно стало: показалось, что... Теперь-то уж позабыл. А так и не простил... Но тогда круто взял, книжки, читальню из головы выбил. Батька тоже не любил активистов, учил жену в руках держать: «Люби, как душу, тряси, как грушу». Первые годы дома сидела, потом стала ходить с бабами на работу. Повеселела. И было чуть не упустил ее Харченко, если б не дети... После уж успокоилась, обабилась и в войну дождалась...

А когда вот такой, теперешней стала, и не заметил.

Харченко смотрит на нее, нездорово-белую, и чувствует в себе незаглохшую, стародавнюю упряминку. Откуда она — невозможно сказать: может, сама зародилась, может, от батьки перешла. Одно только понятно: хотелось Харченко отгородиться, среди людей ему было тесно, суетно, все казалось, что его обижают и обирают. Из-за этого и работал кое-как, где-то в нутре своем понемногу скапливая силы, сберегая для себя — для той, своей жизни, которая утолит и возвысит его. Долгие годы вырабатывал лишь минимум. «Минимум»,— звала его Карповна.

А теперь вот...

Карповна заметно устает, то и дело выпрямляется, поправляет платок, заламывает за спину напухшие руки.

— Эх-хе! — вздыхает Харченко, идет к ней, берет тяпку.

Карповна отстраняется, он сильно бьет по комковатой земле, поднимается легкая пыль, и остро летят сухие крошки. Жирно пахнет зеленью, пахнет потной, горячей рубашкой Харченко.

— Ты поди, сготовь вечерять.

Засветло он добивает последний ряд, останавливается на краю огорода, упирается грудью в тяпку; как человек, прошедший трудный путь, оглядывается назад, удивляется себе: «Я это смог?» — радуется своей силе: «Могу!» Потом смотрит туда, к чему вышел, дальше и вперед. За плетнем, внизу, начиналась мелкая густая тала, в ней журчала речка, а по ту сторону — сразу степь, пустая, бурая. И все. Только над холмами парят клювами вниз рыжие жадные беркуты.

Харченко вздрогнул, а потом уже понял, что в небе, высоком и гулком, грохнул самолет. Он, маленький, сдвинул синюю глыбу воздуха, заколебал ее, и земля отозвалась ему — колыхнулась домами, деревьями, речкой и бурыми холмами, над ними косо завалились рыжие беркуты.

Это был не пушечный гром, просто самолет перешел звуковой барьер, и позади взорвался отставший звук. Харченко догадывался об этом, но упрямо сказал:

— Стреляють!

Зачем ему это «стреляють!», он толком не знал. Повторял же каждый раз охотно, даже с удовольствием. Стреляют — значит, стреляют. Знать, неспокойно, потому и... Стало быть, надо крепче становиться на ноги, укрепляться, огораживаться. Оно тогда и ничего будет. Не страшно.

Сумерки шли оттуда, откуда утром пришел свет. Они прижимали к дорогам, к степным холмам пыль, быстро холодили воздух: сначала низины заплыли полынным туманом, потом поверху — от холма к холму — стали перепархивать несильные ветерки. Сумерки шли вслед за светом, как отдохновение, как милосердие после долгого и жарко-трудного дня.

Харченко поднялся во двор, неслышно, оберегая свое уставшее тело, прошел к скамейке у стены дома, сел и закурил. Он курил редко, но долго и серьезно, насыщаясь дымом до сухой горечи во рту. И молчать умел долго, не томясь и не считая времени.

Карповна доила корову, белое широкое пятно ее платья чуть покачивалось; тупо в пухлую пену вжикало молоко; теленок стоял позади, раздувал ноздри, вздыхал, нетерпеливо подхватывал липкими губами край платка Карповны, и она тихо вскрикивала:

— Тю тебя!

Ближе к темноте и прохладе оживало село Из степи приходили машины, люди разбредались по домам, говорили, стучали посудой, истомленно смеялись девчата, пахло зерном и бензином. У клуба играло радио, на столбе горел свет, а под ним, в желтом кругу, бегали ребятишки. Во дворах ревели недоеные коровы.

Мимо забора, мимо Харченко торопились люди. Иные кивали ему, чуть приостанавливались, что-нибудь говорили — лишь бы не обидеть — и тут же шли дальше, забывая о нем. Кое-кого он сам останавливал, заговаривал, спрашивал: «Ну как?»,— но не получал нужного, медлительного ответа, поэтому не мог ничего сказать о своих грядках, пенсии и маневрах Белого дома. Скоро он перестал окликать, и ему уже никто не кивал: сделалось глухо-сумеречно. А люди шли, шли, и он больше по голосам и топоту ног узнавал, кто это: доярка Наталья, у которой громче всех во дворе ревела корова, тракторист Гошка в солдатской еще новенькой гимнастерке, а вот агроном Сухов, страдающий одышкой.

Темнело, и не было звезд. Становилось холодно и сыро, по селу загорались огни — жизнь уходила в дома. Харченко сидел, стыл, чего-то ждал. Когда раздавались шаги, вздрагивал, вглядывался в сумеречь — вот сейчас... Но затихали шаги, и в его жилах одиноко гудел огромный, жарко-трудный день.

Его позвала Карповна, он обрадованно, спасенно встал, пошел в дом, заранее мысленно уговаривая ее: «Ну, плесни... притомился... Отмерь минимум...»

1

М. АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. Бочинина.

Они выходят из лесу с лыжами на плечах (фото № 1). А лес еще и осенним назвать нельзя: так он зелен.

Лыжи, коньки, хоккейные клюшки, верные приметы спортивной зимы, начинают в наше время свою боевую жизнь задолго до того, как выпадает первая пороша.

Нет межсезонья в спорте. Еще стремительно скользят по реке гребные суда, а на трамплине, высоко вознесшемся над городом, готовится к прыжку горнолыжник. На футбольном поле форварды решительно атакуют ворота, а по асфальтовым трассам проносятся знаменитые мастера скоростного бега на коньках...

Спортивная осень этого года особенно напряженна, особенно горяча. Уж совсем недалеки январские старты белой олимпиады, часа терять нельзя!

Эти снимки сделаны в сентябре.

Готовятся к тренировке на роликовых коньках сильнейшие в мире мастера Евгений Гришин и Лидия Скобликова. Еще много солнца, еще совсем тепло, но сердцем и думами эти мастера уже в трудной спортивной борьбе на ледяной дорожке (фото № 2). И уже точит настоящие коньки молодой конькобежец-армеец Владимир Расько (фото № 3).

А что же делают на льду искусственного катка мастера фигурного катания и молодые их коллеги? Нет, хоккей не входит в их подготовку, это так, для души (фото № 4).

Уже начались первые хоккейные матчи, а там Инсбрук, олимпийские испытания. Удастся ли нашим славным мастерам хоккея повторить высший успех, которого они достигли прошлой зимой в Стокгольме? Напоминают чем-то рыцарские эти хоккейные доспехи, которые сейчас снова наденут Александр Альметов, Вениамин Александров и их товарищи — бесстрашные рыцари хоккейных полей (фото № 5).

Выше и выше поднимаются прыгуны с трамплина с тем, чтобы через несколько мгновений взлететь в тренировочном прыжке. Это не опечатка: искусственное пластиковое покрытие трамплина позволяет теперь начинать тренировку к зиме при 25 градусах тепла (фото № 6).

2

3

4

5

6

СОЛДАТ ПАРТИИ

Имя Героя Советского Союза Веры Хоружей стало легендарным. Ей воздвигнут памятник в Минске. Поэтому так интересен выпуск «Писем на волю» Веры Хоружей в издательстве «Правда». Мы видим Веру в ученические годы, комсомольским вожаком, активным борцом за новую жизнь в родной Белоруссии. Вера — боец-разведчик в годы гражданской войны, узник тюрьмы в белопанской Польше, Вера — вдохновенный партийный работник в глубоком подполье, секретарь ЦК Союза коммунистической молодежи Западной Белоруссии, отважная партизанка в годы Великой Отечественной войны.

Книга эта издается четвертый раз, а интерес к ней все возрастает, ибо каждое издание дополняется новыми свидетельствами очевидцев, новыми документами.

Н. К. Крупская, познакомившись с первым изданием «Писем», писала в «Правде» в 1932 году:

«Из каждой строки на вас смотрит человек сильной воли, убежденный революционер, борец за рабочее дело... И столько жизни, молодости, энергии в этих письмах!»

Надолго запоминаются «Письма на волю» Веры Хоружей. Они воссоздают прекрасную, наполненную горением жизнь бойца за счастье народа.

А. ХАРИТОНОВА

МАСТЕР «ВЕСЕЛОГО ЦЕХА»

Не скрою, взяв в руки объемистый томик произведений Сергея Званцева «Сатира, юмор», я ждал многого. И не ошибся. С неослабевающим интересом читал я рассказ за рассказом. Казалось, уже столько написано сатирических произведений разного жанра о взяточниках, бюрократах, расхитителях народного добра, юмористических рассказов, высмеивающих отрицательные явления, имеющиеся, к сожалению, еще в нашей жизни, что ничего нового вроде и не скажешь. Но у С. Званцева свой, особый подход к разрешению так называемых «избитых» тем.

Его книга состоит из четырех разделов; в них помещено около ста рассказов и фельетонов на самые различные темы. Писатель-сатирик обращает свой взгляд на те отрицательные явления действительности, которые мешают нашему движению вперед.

В некоторых произведениях с мягким юмором говорится о простых житейских делах и заботах. Кажется банальной, например, тема — занятие фотографией в коммунальной квартире. Она обыграна артистами эстрады, ей посвящены юмористические стихи и рассказы. Но и к этой теме С. Званцев подходит совсем по-иному. Прочтите его небольшую новеллу «За закрытой дверью». Будьте вы в самом мрачном настроении, она все равно вызовет у вас улыбку. Автор любит острое слово, свежий образ, меткое сравнение и умело пользуется этим арсеналом изобразительных средств.

В цикле «Рассказов о Таганроге», как пишет автор в предисловии к этому разделу, собраны путевые заметки об увлекательном путешествии по пути из старого Таганрога в новый... В действительности автор остановился на полпути. В таганрогских былях рассказывается о событиях, происшедших в основном в дореволюционном Таганроге.

Издательство снабдило книгу предисловием Виктора Ардова. Он пишет: «Читаете ли вы беззаботную юмореску или сравнительно большую повесть, слушаете ли в исполнении артистов короткую сцену, или присутствуете на спектакле полнометражной пьесы— несмотря на разнообразие приемов, неизбежных для разных жанров, вы ощущаете, что беседу с вами ведет, рассказывает вам о сем мире один и тот же добрый и вспыльчивый (даже это можно постигнуть из сочинений Званцева), умудренный годами, но не успокоившийся, не примирившийся со всяческим злом, слегка ироничный и веселый — где уместно — человек. И в этом основное достоинство писателя». Остается только добавить, что Сергею Званцеву, мастеровому «веселого цеха» юмористов-сатириков, недавно исполнилось семьдесят лет.

М. СЕРГЕВИЧ

Сергей Званцев. Сатира, юмор. Ростовское книжное изд-во. 1963. 427 стр.

ПО СЛЕДАМ ПУШКИНСКИХ РУКОПИСЕЙ

Трагична судьба многих рукописей А. С. Пушкина, особенно «Истории Петра I» и «Автобиографических записок». Об этой судьбе рассказывает вышедшая в новом издании книга Ильи Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина». Это тонкое, взволнованное повествование — столь же глубокое научное исследование, сколь и увлекательнейшая повесть.

Страстный пушкинист и библиофил покойный Н. П. Смирнов-Сокольский часто повторял:

— Кто-то довольно метко сказал, что у нас литературоведы пишут главным образом друг для друга. К сожалению, в этом есть доля правды.

Книга Ильи Фейнберга—хорошее исключение из этого «правила».

Воистину необычна судьба «Истории Петра». Вначале ее запретил Николай I. Потом она, самая большая из пушкинских рукописей, попросту пропала.

Летом 1917 года в усадьбу Лопасня, что близ Москвы, приехал внук поэта, Г. А. Пушкин. И неожиданно нашли ящик, где лежали двадцать две тетради большого формата — «История Петра».

Рукопись незавершенной «Истории Петра» напечатана лишь в 1938 году — через сто один год после смерти поэта. Содержание черновой рукописи трудно поддавалось расшифровке.

Считалось, что это лишь выписки и конспекты исторических документов. Изыскания Ильи Фейнберга дали возможность найти в «Истории Петра I» множество страниц — заготовок исторической прозы Пушкина, прояснить социальную концепцию поэта, его отношение к важнейшим событиям отечественной истории, выяснить историческое и художественное значение «Истории Петра».

Автобиографические записки Пушкина тоже считались безвозвратно потерянными. После восстания декабристов, стремясь уничтожить записки, могущие повредить его друзьям, ожидая со дня на день ареста, Пушкин сжег рукопись.

Но действительно ли все сожжено? Илья Фейнберг начал поиски. Он провел кропотливую работу над текстами Пушкина, источниками, где хоть как-то упоминались «Записки», и пришел к интереснейшим выводам.

Выяснилось, что Пушкин сжег записки с выбором, сохраняя отдельные страницы и части страниц, что листы, посвященные Карамзину, не единственный уцелевший отрывок «Автобиографии», что поэт сохранил и «отрывки политически опасного содержания, сохранил, но умолчал об этом». И. Фейнберг приходит к выводу, что отрывки «Записок» уцелели, разбросанные под случайными заголовками по различным томам сочинений Пушкина, иногда неожиданным для нас образом включенные поэтом в другие произведения. Страницы эти, как показывает работа И. Фейнберга, входили когда-то в состав пушкинской автобиографии.

От издания к изданию книга дополняется новыми исследованиями. Уже во втором издании ее появилась глава «Парижские бумаги». В ней устанавливалось, что незадолго до гибели Пушкин знакомился с секретными документами о Петре, которые извлек из парижских архивов друг поэта Александр Тургенев. В третье издание также вошли новые страницы, среди них несколько отрывков пушкинской прозы, выявленных автором в подготовительных текстах «Истории Петра». А по найденному автором цензорскому реестру удалось уточнить текст запрещенных строк Пушкина, важных для понимания его исторической концепции. Очень интересен рассказ о том, как поэт, собирая материалы об убийстве Павла I, ознакомился с воспоминаниями Ланжерона, записавшего рассказы участников заговора. Третье издание книги отлично иллюстрировано автором: использованы гравюры XVIII века, медали петровской эпохи, рисунки Пушкина. Издательство изящно оформило книгу.

Многое сделано и предстоит еще сделать советским литературоведам для изучения пушкинского наследия. Одно из серьезных доказательств тому — глубокая, талантливая книга Ильи Фейнберга.

Анат. ЕЛКИН

Илья Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд-во «Советский писатель». Москва. 430 стр. Художник С. Телингатер. Издание третье, дополненное.

ПРАВДА МНОГОГРАННА

Жизнь — как большой, не до конца обработанный алмаз. В одних ее гранях искрится солнце, свет, добро... Другие смотрят на нас темными гранями неудач, отдельных человеческих трагедий, больших и малых бед... Задача литературы — раскрыть это многогранье жизни. Идя по выжженному полю, нужно видеть не один только пепел под ногами, но и голубое небо, с которого падает благодатный дождь — залог того, что на темных палах скоро поднимется изумрудная поросль.

«Суд идет» — так назвал свой новый роман Иван Лазутин, автор повести «Сержант милиции», выдержавшей за короткий срок более десяти изданий в СССР и за рубежом.

Роман «Суд идет» посвящен одной из трудных тем — нарушению революционной законности в годы культа личности. В отличие от повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» роман И. Лазутина поворачивает перед нашими глазами множество граней жизни. На одних мы видим мрачные картины попрания прав человеческой личности: ни за что ни про что, по оговору, бросают в тюрьму двух честных девушек-комсомолок — Лилю Мерцалову и Ольгу Школьникову... В далеком сибирском селе незаконно выселяют вместе с семьями трех работящих колхозников... Майор МГБ Кирбай, пользуясь положением своего ведомства, диктует сельскому сходу свою волю... В Москве, в одной из районных прокуратур, плетет вязкую паутину прокурор Богданов... В столичном универмаге свито осиное гнездо расхитителей народного добра.

Да, было так в жизни. Этого не обойдешь, если ты честный художник. Но ведь было и другое. Были и иные картины суровых послевоенных лет. И вот здесь-то, повернутая к нам другими сторонами, жизнь ослепительно засияла лучами добра и света: любовь Ольги Школьниковой и следователю Шадрину, мир человеческого достоинства и мужества коммуниста-ленинца открывается в главах, где действуют люди чистые, честные. Наперекор Кирбаю и Богданову следователь Дмитрий Шадрин борется за революционную законность, за правду. И он не один. С ним друзья — следователи Бардюков и Кобзев.

А профессор-хирург Батурлинов? Разве это не настоящий патриот? Он готов поставить под удар свою жизнь, лишь бы только спасти своего больного, самого рядового человека...

От деревенской семьи Шадриных, от их односельчан, описанных в романе, веет непреоборимой силой правды, которая пропитана потом земного труда и кровью, пролитой на полях войны.

Секретарь райкома партии Ядров, сельский комсомольский вожак Семен Реутов, товаровед универмага Лиля Мерцалова, кассирша Ольга Школьникова, врач Струмилин — все они в любую минуту готовы защитить правду наших дней. И они защищали ее. И страдали за это. Страдали, но не сожалели. Одни, становясь жертвой, мельчали духом, дрябли волей, выходили из боевого строя. Другие боролись, в борьбе обретали силы, закаляли волю и побеждали. В этом правдивом изображении жизни главное достоинство романа Ивана Лазутина «Суд идет».

Автор знает то, о чем пишет. Роман рассказывает обо всей правде — и горькой и доброй. Хорошо, что издательство «Советская Россия» выпустило книгу большим тиражом.

А. НАЛДЕЕВ

В. Серов (1865—1911). ПОРТРЕТ М. К. ТЕНИШЕВОЙ. 1898.

Н. Богданов-Бельский (1868—1945). ДЕТИ НА ИЗГОРОДИ.

С. Жуковский (1873—1944). РАННЕЙ ВЕСНОЙ.

В. Суриков (1848—1916). КАЗАК В КОРИЧНЕВОЙ ШАПКЕ. Этюд.

ПРОВОКАТОРАМ — ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ

Агентство Синьхуа распространяет небылицы о случае на советской пограничной станции Наушки, где китайские железнодорожники и пассажиры устроили бесчинства. Корреспондент «Огонька» побывал на месте этих событий.

Александр СЕРБИН, специальный корреспондент «Огонька»

На самом краю советской земли, окруженные со всех сторон горами, в долине, по которой течет Селенга, стоят Наушки — небольшая станция Восточно-Сибирской железной дороги. Рельсы, пробежав от нее еще несколько километров на юг, подходят к границе, за которой начинается территория Монгольской Народной Республики.

Традиционные тополи около станции, листва на которых еще не начинала желтеть; широкая платформа, выложенная каменными плитами; составы на рельсах. На платформе недавно построенное здание вокзала из серого камня, в два этажа, с большими окнами. На фасаде лозунги, призывающие к борьбе за мир, к разоружению, к дружбе между народами — призывы, которые для нас, советских людей, перестали быть просто призывами и сделались жизненными нормами. Среди лозунгов есть и приветствие китайским трудящимся. Через станцию Наушки из Пекина в Москву и обратно проходят поезда № 7 и № 8, следующие через Улан-Батор. Оба эти поезда обслуживают китайские поездные бригады.

Сейчас на станции все спокойно, идет нормальная работа. А еще недавно все Наушки кипели возмущением.

...В субботу 7 сентября в 16 часов 17 минут по местному времени (11 часов 17 минут по московскому времени), точно по расписанию, поезд № 7 Пекин — Москва подошел к перрону станции Наушки. В поезде находились граждане Советского Союза, Чехословакии, Монголии, Польши, Болгарии, Вьетнама и 73 китайских студента. 29 из них ехали на учебу в Советский Союз, остальные — в другие социалистические страны. Поезд обслуживала китайская поездная бригада — 19 человек во главе с начальником поезда Сяо Вэнь-линем.

В Наушках знали, что представляет собой эта бригада. Был случай, когда ее руководитель саботировал технические меры безопасности движения, из-за чего был нарушен график движения. 6 июля эта бригада пыталась провезти с собой в СССР литературу на русском языке, порочащую Коммунистическую партию Советского Союза. Вступив в конфликт с пограничными и таможенными властями, китайская бригада продержала тогда поезд в Наушках два с лишним часа сверх расписания.

Начальник таможни станции Наушки Павел Алексеевич КУТУКОВ говорит: «Еще с февраля этого года мы заметили, что в нашу страну с поездами из Пекина пытаются переправлять литературу на русском языке, направленную против нашей страны, против мирового коммунистического движения. В последнее время «литература» этого сорта носит ярко антисоветский характер».

Согласно правилам, поезд № 7 был подвергнут пограничному и таможенному досмотру.

В первом же вагоне в помещении для проводников под матрацем и в ларе под сиденьем были найдены спрятанные там китайские издания на русском языке, содержавшие клевету и враждебные выпады против Советского Союза. Следом за этим подобная «литература» была найдена у проводников вагонов № 3 и № 5. Около советских должностных лиц немедленно появился человек в синей железнодорожной форме с зеленым ромбом на рукаве кителя — начальник поезда Сяо Вэнь-линь. Он сразу же вступил в спор с пограничниками и таможенниками (точно так же, как он сделал это в подобных обстоятельствах 6 июля), пытаясь помешать изъятию антисоветской литературы.

Тем временем советские офицеры-пограничники О. Ф. Заморин и Ю. А. Пузаков и таможенный работник М. Н. Сосунов в одном из купе вагона № 6, где ехали китайские студенты, обнаружили новые экземпляры того же издания. Естественно, что и эта «литература» была изъята. «Пострадавшие» немедленно подняли шум, который был сигналом для провокации. Моментально около дверей купе собралась толпа китайцев. Они заявили:

— До тех пор, пока нам не вернут отобранную литературу, мы не выпустим никого из купе.

Начальник таможни П. А. Кутуков отправился в вагон № 6. Китайские студенты пропустили его в купе, но отказались выпустить его обратно. Один из них встал около окна, другие заслонили дверь. Четверо советских должностных лиц оказались блокированными. Китайские студенты грубо бросали их на сиденья, когда те пытались встать, ломали им руки, желая отнять отобранные издания, обращались к ним на «ты».

Начальник Отдельного контрольно-пропускного пункта станции Наушки И. В. Данилевский потребовал от Сяо Вэнь-линя навести порядок в поезде. Ответом на это требование было грубое:

— Освобождайте их сами. Я не буду вмешиваться в дела студентов.

Иван Васильевич ДАНИЛЕВСКИЙ говорит: «Слова начальника поезда были явно провокационным вызовом. Чувствовалось, что он хочет толкнуть нас на обострение обстановки, может быть, даже на применение силы. Едва ли следует говорить, что нам не составило бы большого труда освободить наших товарищей. Но мы, не желая углублять конфликт, не собираясь давать повод к расширению провокации, решили ждать».

По расписанию поезд № 7 уходит со станции Наушки в 18 часов 07 минут по местному времени. Руководители станции решили отправить поезд, не нарушая графика. Еще была надежда, что хулиганы образумятся.

По вокзальному радио знакомо прозвучало обычное:

— До отхода поезда № 7 осталось пять минут. Просим пассажиров...

И сразу на площадках вагонов появились китайские проводники с красными фонарями и красными флажками. Китайцы выбросили «красный сигнал». По законам железных дорог это означает, что поезд не может трогаться с места.

Начальник станции Наушки П. Ф. Михайлов обратился к Сяо Вэнь-линю.

— Почему не отправляете поезд?

Через переводчика был дан ответ:

— Поезд не будет отправлен, пока нам не возвратят отобранную литературу.

На этом Сяо Вэнь-линь поставил точку в разговоре и ушел в свое купе.

Прокопий Федорович МИХАЙЛОВ говорит: «Я движенец. Я знаю, как важно для каждого, кто работает на транспорте, чтобы, что называется, «крутились колеса». Сяо Вэнь-линь вел себя не как движенец. Ему, как стало ясно, было важно другое».

Павел Алексеевич КУТУКОВ говорит о начальнике китайского поезда: «У меня сложилось впечатление, что начальник поезда, который был одним из главных руководителей этой провокации, вовсе не железнодорожник. Видимо, эта провокация была задумана и спланирована заранее».

Видя намеренно провокационное поведение китайской поездной бригады, руководители станции Наушки стали готовить к отправке на Москву другой поезд. В него перешли все — советские люди, монголы, чехи, поляки, болгарин, вьетнамцы. Все, кроме китайских пассажиров. Трижды им предлагали пересесть на поезд, идущий в Москву. И трижды они отказывались.

Агентство Синьхуа, опубликовав свою «версию» событий на станции Наушки, утверждает, что китайские пассажиры были «задержаны» на этой станции. Китайскому агентству, конечно, хорошо известно, что это утверждение — ложь.

Когда вновь сформированный поезд готовился к отправлению, китайская поездная бригада устроила новую провокацию. Открыв в вагонах окна и включив на полную мощность динамики громкоговорителей, китайцы стали транслировать по поездному радио «заявление» о том, что советские пограничники и таможенники якобы «разграбили» китайских студентов и проводников, и поэтому они отказываются ехать дальше. Это «заявление» передавалось на русском, монгольском и китайском языках. В перерывах между этими декларациями по поездному радио транслировались антисоветские, полные злобы официальные тексты китайского правительства. Это продолжалось более двух часов!

Наступала ночь. Только в двенадцатом часу ночи, через пять часов, китайские провокаторы освободили четверых, поняв, что этим им не удастся добиться своих целей.

Вечером 7 сентября начались переговоры пограничных и таможенных властей и руководства станции с китайским начальником поезда. Во время этих переговоров Сяо Вэнь-линю было снова предложено отправить поезд в Москву. И снова последовал отказ. Китаец требовал возвратить «литературу» и упорно болтал о принципах марксизма-ленинизма — так, как их толкуют ныне китайские руководители. Китаец принес с собой в комнату, где шли переговоры, чай и вел разговор, прихлебывая из кружки и пропуская мимо ушей все, что касалось отправления поезда.

Вход в эту комнату вел из таможенного зала нового здания вокзала. В зале, несмотря на то, что наступила ночь, собралась большая группа китайских студентов, человек 45, которые скандировали на всю станцию грязные, антисоветские лозунги. Несколько раз китайские студенты нагло врывались в комнату, выкрикивая «требование» вернуть антисоветские издания.

Наши люди были очень терпеливы. Переговоры шли всю ночь, и под утро стало ясно, что дальше их вести бесполезно. Однако китайские хулиганы, собравшиеся в зале, блокировали выход из служебных помещений, вталкивали обратно в них советских работников. Пришлось установить охрану помещений.

Вокзал в Наушках.

Одна группа студентов продолжала бесчинствовать в зале, а их «коллеги» по безобразиям уселись перед вокзалом на холодных сырых плитах перрона — «в знак протеста».

В первой половине дня 8 сентября таможенный зал был главной ареной провокаций. Китайцы устраивали там митинги, произносили антисоветские речи на русском и китайском языках. Один из них громко кричал, что китайскую позицию поддерживает весь мир.

— Какой мир? — спросил его насмешливо один из пограничников.— Ни один из тех, кто ехал с вами в поезде, не захотел присоединиться к вам.

Горлану пришлось замолчать. Но другие продолжали усердствовать. Безобразия не прекращались.

Уборщица вокзала на станции Наушки Валентина Васильевна СИМАЧИХИНА говорит: «В каком виде находился зал! Скамейки сдвинуты, грязь, окурки, около урн в углах вонючие лужи. Туалет-то был совсем рядом, только через дверь пройти. Пробовали мы их стыдить. Сколько лет работаю, таких безобразников не видела».

Провокаторы обращались к пограничникам, крича: «Солдаты, не верьте вашим офицерам, они вас обманывают! Не верьте Советскому правительству!» Все советские люди, которые находились в зале, ответили на это громким хохотом. Провокаторы растерялись.

Вслед за этим раздалась песня — ее пели наши. И антисоветские выкрики потонули в ее звуках.

8 сентября по поручению руководства железной дороги П. Ф. Михайлов предложил китайскому начальнику поезда ответить на вопрос, куда он хочет вести поезд — в Москву или в Пекин. В ответе Сяо Вэнь-линя звучала издевательская нота:

— Мы очень сочувствуем вашему положению. Вы очень хороший начальник. Вы смогли быстро сформировать новый поезд. Но мы отсюда не поедем.

В середине дня 8 сентября провокаторы покинули таможенный зал и перешли в вагоны поезда, который продолжал стоять на путях.

Агентство Синьхуа утверждает, что китайских студентов якобы силой держали в помещении таможенного зала, не давая им ни пищи, ни воды. Это тоже ложь.

Несмотря на то, что китайские хулиганы, действуя, судя по всему, по заранее обдуманному плану, отказались выходить из таможенного зала и заслуживали сурового отношения за свои провокационные выходки, в зал свободно заходили их «коллеги» из поезда и приносили им пищу и термосы с напитками.

Восьмого сентября для китайских студентов специально открыли вокзальный ресторан — в те часы, когда он обычно бывает закрыт. Они пользовались рестораном, как рассказал его директор Михаил Максимович Тортладзе, и 9 сентября и в ночь с 9 на 10 сентября. При этом они, пытавшиеся распространять гнусные слухи о положении в нашей стране, проявили весьма повышенный интерес к советским продуктам питания. Набивая в вокзальном буфете наволочки консервами, печеньем, конфетами, хлебом, они утаскивали их в вагоны.

Агентство Синьхуа в своих клеветнических измышлениях идет дальше и утверждает, что в результате «преследования со стороны советских пограничных войск некоторые китайские студенты были ранены, немало китайских студентов заболело». Фантастические выдумки Синьхуа не имеют ничего общего с действительностью.

Китайские провокаторы, поняв, что их бесчинства не достигают

желаемой цели, и в самом деле пытались «организовать» у себя «массовое заболевание». Дважды — в ночь с 8 на 9 сентября и днем 9 сентября — они обращались к помощи советских медиков.

Врач линейной больницы станции Наушки Валентина Александровна ЛЕВИЧЕВА говорит: «9 сентября в 1 час 30 мин. дня к нам в больницу поступил вызов с вокзала: сообщалось, что в китайском поезде находится тяжелобольной. В вагоне нас встретила девушка-переводчица. Мы спросили у нее, где больной. Она ответила: «У нас очень много больных». Мы начали с 6-го вагона. Мы были очень внимательны, мы прошли два вагона. В результате нашего обследования мы обнаружили лишь у одного температуру 37,4. Никаких «тяжелобольных» в китайском поезде не было. Начальник поезда добивался от нас официальной справки о количестве больных в поезде. Эта справка была нужна китайцам в их собственных, не очень чистых, целях».

Такие же результаты были и у медработника той же больницы Нины Николаевны Леоновой, совершившей второй визит в китайский поезд. Кстати, во время ее визита провокаторы хотели подсунуть ей пухлую пачку антисоветской литературы.

В ночь с 9 на 10 сентября поездной бригаде поезда № 7 и китайским студентам было объявлено, что по решению советских властей им предлагается незамедлительно убираться восвояси.

Незадачливые провокаторы с позором были выдворены за пределы нашей страны.

Беспрецедентное, наглое, откровенно враждебное Советскому Союзу поведение китайцев на станции Наушки выглядит не случайным. В свое время пекинские руководители произносили немало красивых слов о советско-китайской дружбе. Истинную цену этим словам мы узнаем сегодня. Произнося слова о дружбе с СССР, пекинские руководители исподтишка подрывали эту дружбу, натравливали определенную категорию людей против Советского Союза. Только так можно объяснить позорное поведение китайских граждан на станции Наушки.

10 сентября в Наушках прошел митинг. На этом митинге советские люди — свидетели постыдных действий китайских представителей на советской земле — потребовали, чтобы никогда снова опорочившая себя китайская поездная бригада не была допущена на нашу территорию, чтобы студенты, учинившие провокацию в Наушках, не имели возможности продолжать свое обучение в советских вузах.

Что же, это — вполне справедливое требование.

В субботу 14 сентября поезд № 7 Пекин—Москва прошел через станцию Наушки. Его обслуживала новая поездная бригада. Во время пограничного и таможенного досмотра в поезде не было обнаружено антисоветской литературы. Состав отправился из Наушек по расписанию.

Я ехал этим поездом из Наушек до Иркутска. В нем я познакомился с Николаем Павловичем Посамыкиным, советским начальником поезда № 7, который вместе с китайской поездной бригадой сопровождает эти составы от советской границы до Москвы и обратно.

Николай Павлович в прошлом по другому маршруту ездил на советских поездах до Пекина. Он рассказывал мне, как охотно советские железнодорожники помогали китайским железнодорожникам в работе, делились с ними опытом, как благодарны были им за это китайцы. И с обидой говорил о том, как изменилось отношение китайских поездных бригад к советским людям теперь. Из его слов я узнал, что персонал этих бригад в течение последних месяцев исподтишка распространяет на станциях антисоветскую литературу, что в своих поездах китайцы намеренно транслируют передачи пекинского радио на русском языке, в которых не прекращаются клеветнические выпады против Советской страны, и, несмотря на протесты советских пассажиров, не выключают эти передачи.

В поезде № 7, в котором ехал я, китайская бригада уже не включала Пекин.

Может быть, поняли в Пекине, что их провокации заранее обречены на провал?

Ст. Наушки — Москва.

Ева ПРИСТЕР,
австрийская журналистка

«САМОЕ ГЛ

1. Нужны ли вообще хозяева!

Словом, получилось так, что мы, рабочие, заняли этот завод и взяли дело в свои руки,— рассказывает Си Мохаммед.

Приставка «Си» в его имени — свидетельство уважения к человеку пожилого возраста, признание его заслуг. Си Мохаммеду без малого шестьдесят. Он глава рабочего комитета, который управляет сейчас одним из крупнейших предприятий Алжира — стекольным заводом в окрестностях города Орана.

На заводе Си Мохаммед трудился более четверти века и, как все алжирцы, так и не поднялся выше чернорабочего.

Еще год тому назад Оран был настоящим адом. Фашистская организация ОАС в Оране была многочисленнее и сильнее, чем даже в столице, Алжире. А главари ОАС, разжигая гражданскую войну, толкали французское правительство на то, чтобы создать из Орана и прилегающих областей некую «независимую европейскую провинцию».

Алжир завоевал независимость. Народно-освободительной армии понадобилось каких-нибудь четыре дня, чтобы разоружить ОАС и навести порядок в Оране. Но девять десятых проживавших в городе европейцев сбежали в Европу. К осени на предприятиях не осталось почти ни одного инженера или квалифицированного рабочего. Капиталисты один за другим закрывали заводы. Они оставляли только небольшие группы чернорабочих для «уборки предприятий». Впрочем, дадим слово Си Мохаммеду. Добавим только, что завод, которым он управляет сейчас с товарищами, принадлежал фирме «Североафриканское стекло» и выпускал бытовые стеклянные изделия — бутылки, стаканы, графины и прочее. Владельцы его, трое братьев, появились в Алжире лет 12 назад. Они открыли завод почти без капитала, на одни кредиты, услужливо отпущенные колониальными властями. И скоро стали миллионерами.

— Хозяева однажды позвали нас,— неторопливо начинает Си Мохаммед,— и велели упаковывать оборудование. Рабочие сразу раскусили, чем это пахнет,— владельцы собираются все это переправить во Францию. Мы аккуратно упаковали все в ящики и приставили охрану.

Потом является один из директоров и говорит: «Сегодня ящики будут вывезены». А рабочие отвечают: «Нет. Этого мы не разрешим». Директор взорвался: «Как это вы не разрешите? Завод наш!» Мы знали, конечно, что закон на его стороне: тогда еще не было декрета о национализации брошенных владельцами предприятий. Но мы все-таки сказали директору: «Нет, завод не ваш; вы открыли его на деньги, которые вам дали в кредит; а эти деньги уплатили мы в виде налогов. И потом ваша троица заработала на нас во много раз больше. Так что убирайся, пока цел!»

Нас было тогда не более сотни. Мы тут же собрались в самом большом цеху, у бездействующих машин. Один старый рабочий сказал: «Нам нужна работа. Алжиру нужны товары. Давайте пустим завод и попробуем сами вести дело, без хозяев». В ответ раздалось единодушное «Да!».

Я предупредил рабочих, что это — нелегкое дело,— продолжает Си Мохаммед.— Но все закричали: «Воевать с французской армией было еще труднее!» И решили: пустить завод и выбрать комитет из семи человек для управления производством.

Потом принялись монтировать разобранные машины. Одни машины собирали легко, с другими, как ни бились, не смогли управиться. Тогда послали делегатов к Временному правительству. Оно запросило помощи у Чехословакии — там ведь стекольное дело издавна на высоте. Через две недели в Оран приехали три молодых чешских специалиста. В марте завод был национализирован, а в мае рабочие торжественно отпраздновали пуск больших стеклоплавильных печей. «Ну, а теперь покажите всему миру, что могут сделать рабочие!» — сказал приехавший на празднество премьер-министр Бен Белла.

При «трех братьях» на заводе работало 260 человек, теперь — 400. Выпуск дневной продукции увеличился вдвое. Брака почти нет. («Еще бы! — говорит Си Мохаммед.— Работаем для себя и следим, чтобы товар был первоклассный!») Но рабочий комитет недоволен: велика ли честь делать бутылки и стаканы!

— Через два месяца приступаем к выпуску стеклянной изоляционной ткани,— заявляет Си Мохаммед.— До сих пор ее ввозили из Европы.

— А потом,— мечтательно подхватывает молодой рабочий, член комитета,— мы, может быть, и хрусталь начнем делать. Наш собственный североафриканский хрусталь!

К нам подходят трое белокурых молодых людей. Си Мохаммед приветствует их веселым «Наздар, содруги!»[1]. Другие рабочие тоже произносят несколько слов по-чешски — они выучили их, «чтобы чешские друзья не чувствовали себя, как на чужбине».

Чехи уже собираются уезжать домой: завод ведь на полном ходу.

— Как вы думаете, справятся они одни? — спрашиваю я одного из чешских инженеров и слышу в ответ:

— Еще бы им не справиться!

---

[1] Здравствуйте, товарищи! (чешск.)

2. Зеленое платье свободы

Когда алжирцы семь с лишним лет боролись за свободу, их одежда была темной. Коричневой, как горы, в которых формировались первые отряды освободительной армии; серой, как бедные деревни крестьян, или совсем черной, как ночь в застенках и концлагерях. Теперь Алжир носит ярко-зеленое платье свободы — зеленое, как поля Митиджи.

Митиджа — плодородный прибрежный район Алжира, который на востоке доходит до Палестро, на западе — до Черчеллы и на юге — до горных отрогов. Прежде полями Митиджи владели французские земельные магнаты. Сегодня эти земли принадлежат крестьянам и сельскохозяйственным рабочим.

Это здание в День независимости лежало в развалинах. Его взорвали оасовцы. Теперь здесь работает комитет округа Блида.

Покидая страну, почти все помещики оставляли свои земли или необработанными, или с неубранным урожаем. Они рассчитывали вызвать в молодой республике голод, полагая, что алжирцы не осмелятся захватить их владения общей площадью девятьсот тысяч гектаров. Но крестьяне Митиджи и других районов страны не хотели голодать, глядя на пустующие земли. Без каких-либо официальных указаний и разрешений они захватили их и начали обрабатывать. Это случилось осенью 1962 года. Весной 1963 года был опубликован декрет о национализации необработанных земель и об их передаче избираемому «комитету крестьян и сельскохозяйственных рабочих». В настоящее время национализированный сектор, названный «сектором социалистического развития», охватывает при-

АВНОЕ — МЫ НАЧАЛИ»

мерно одну треть обрабатываемых земель.

— Смотри,— сказал мне Баудиса Сафи, председатель кооператива «Айсат Идир» в округе Блида,— этот коровник еще недавно принадлежал колонизаторам. А теперь он для наших коров.

Коровник выглядел чисто, вполне современно. Около сотни породистых животных спокойно жевали жвачку, не замечая, что у них сменились хозяева.

Этот коровник в только что организованном кооперативе — всего лишь небольшая частичка того нового, что появилось в Митиджи. Но Баудиса Сафи, который теперь работает по двадцать часов в сутки и перед сном еще пытается читать книги о животноводстве, чрезвычайно гордится им.

тывает несколько бывших владений, одно из них специализируется как молочная ферма. Впервые округ Блида производит свое молоко. До сих пор во всем Алжире молоко было французское. У кооператива есть своя строительная организация, механическая мастерская, небольшая консервная фабрика и один отель. Теперь создается и рыбачий кооператив, который будет изготовлять рыбные консервы.

3. Добрый посев

Во дворце, некогда принадлежавшем крупному феодалу, теперь штаб-квартира Народной армии провинции Орана. Я подхожу к рабочему столу дежурного старского кооператива, обосновавшегося на горном плато, невдалеке от городка Тиарет.

— Для нас сельское хозяйство привычное дело,— объясняет лейтенант.— Четыре пятых бойцов армии — бывшие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие...

По дороге на плато мы несколько раз обгоняли группы комбайнов — машины медленно ползли вверх, напоминая каких-то доисторических животных. В кабинах сидели солдаты. Мой спутник, офицер, шесть лет провоевавший в горах и четырежды раненный, весело перебрасывался короткими фразами с солдатами.

— Откуда?

— Релизане.

— Все кончили?

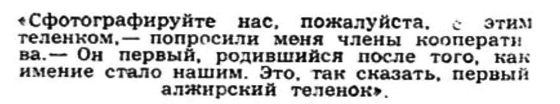
— Да. За два дня до срока!

те тоже перестали посылать на Кубу запасные части.

— Но как же вы это делаете без чертежей, без инструкций?

— Так и делаем,— ответил один из рабочих.— Поглядим на деталь со всех сторон, потом посоветуемся с ребятами и... сделаем.

В Алжире кипит упорная борьба между людьми, которые стремятся к тому, чтобы страна быстро двигалась вперед,— и таких огромное большинство,— и теми, кто предпочел бы такой Алжир, где алжирская буржуазия попросту заменила бы ушедших колонизаторов. По мере сил они тормозят развитие нового. Бывает, например, что министерство земледелия предоставляет кооперативу кредит на сельскохозяйственные машины, а какой-нибудь местный



«Сфотографируйте нас, пожалуйста, с этим теленком,— попросили меня члены кооператива.— Он первый, родившийся после того, как имение стало нашим. Это, так сказать, первый алжирский теленок».

Медленно, как допотопные чудовища, ползут вверх на горное плато комбайны Народной армии.

Фото автора.

Как и весь Алжир, кооператив «Айсат Идир», носящий имя одного из профсоюзных руководителей, убитых французскими парашютистами, начал в прошлом году свою деятельность «от нуля», как здесь говорят. Была земля, но не было машин для обработки почвы, не было семян, никакого инвентаря — все спрятали или сломали бывшие владельцы. Государство хотело помочь крестьянам, но у него не было тогда средств. Еще в начале лета 1963 года многие служащие государственного аппарата, включая министров, не получили полностью жалованья за последние десять месяцев.

Баудиса и несколько молодых активистов, большинство которых вернулись из тюрем и концлагерей, решили: «Нужно обойтись без помощи государства!» Профсоюз предоставил кредит, люди засучили рукава и принялись за дело. В настоящее время кооператив охва-

шего лейтенанта. Первое, что бросается в глаза,— это разложенные на столе в строгом порядке маленькие целлофановые мешочки с зерном — образцы посевного материала...

— Вот, прочтите,— говорит без всякого предисловия старший лейтенант, протягивая мне какую-то бумагу.

Это — заключение сельскохозяйственного института в Алжире, удостоверяющее, что селекционные семена, выращенные Народной армией, удостоены оценки в восемьдесят три балла.

— Имейте в виду: самая высшая оценка — восемьдесят три с половиной! — восклицает старший лейтенант, и на лице его расплывается торжествующая улыбка.— Французские землевладельцы никогда не забирались выше семидесяти двух!

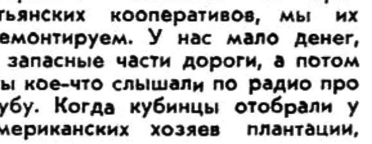
Семеноводческое хозяйство Народной армии возникло из армей-

— Хорошо. Там, наверху, ждут не дождутся!

Кооперативы платят только за горючее. Бывает и так, что у кооператива нет денег и на это. Тогда офицеры и солдаты воинской части решают отдать крестьянам свое месячное жалованье. Продаст кооператив урожай — вернет долг.

Обширное хозяйство Народной армии раскинулось в двадцати километрах выше городка Тиарет. Я увидела у здания мастерской аккуратно окрашенные большие и малые тракторы.

— Наших здесь только шесть,— сказал начальник ремонтной мастерской.— Остальные — из крестьянских кооперативов, мы их ремонтируем. У нас мало денег, а запасные части дороги, а потом мы кое-что слышали по радио про Кубу. Когда кубинцы отобрали у американских хозяев плантации,



супрефект не выдает денег — иногда перед самым урожаем, когда пылающее солнце вот-вот его сожжет дотла.

...На следующий день мы отправились на плато. Вверх-вниз, вверх-вниз по узкой горной дороге. Кое-где сложенные из больших камней стенки ограждали дорогу у глубоких пропастей. На камнях встречались надписи: «Тахия эль Иштиракия!». Эту надпись я часто встречала в Оране, на стенах заводов, на фасадах домов в Релизане и Мостаганеме, на дверях хижин арабских кварталов, среди следов пуль оасовских бандитов.

— Что означают эти слова?

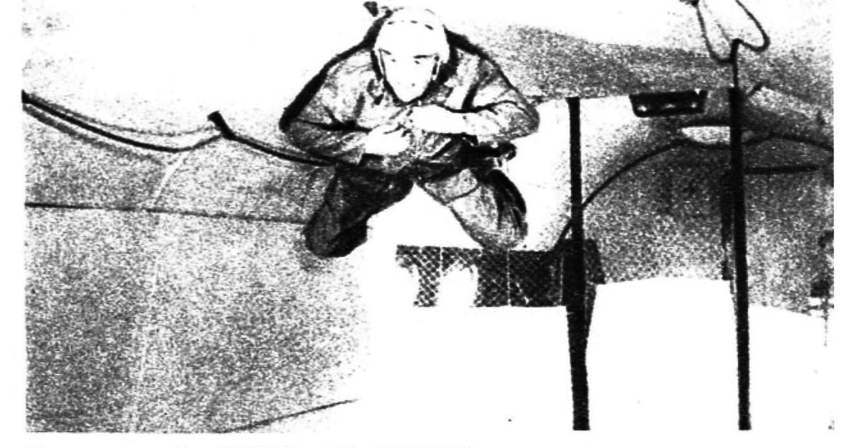
— Это значит: «Да здравствует социализм!»

— Ага, новое слово!

— Может быть, оно и новое,— ответил мой спутник.— Но народ знает, что оно означает. И поэтому часто повторяет его.

Алексей ГОЛИКОВ, Иван КАСЬЯН
Специальные корреспонденты «Огонька»

Фото В. НИКОЛАЕНКО.



Можно спокойно плавать под потолком.

РЕПОРТАЖ ИЗ НЕВЕСОМО

Путь в самолет-лабораторию, на котором в воздухе достигается состояние кратковременной невесомости, тренируются космонавты и проводятся различные научные эксперименты, пролегал через кабинет врача. Осмотрев нас, он сказал, что в космонавты мы не годимся, но полет в кратковременную невесомость разрешил. Затем уже на аэродроме нас встретил инструктор по парашютному делу. Он коротко рассказал об устройстве парашюта, о том, как им пользоваться, как разворачиваться в воздухе лицом по ходу движения, как приземляться. Повел в самолет-лабораторию, показал, из каких дверей в случае необходимости лучше всего прыгать.

— Уверен, что моими советами вам не придется воспользоваться,— сказал он в заключение,— но у нас уж такой порядок.

Мы поблагодарили инструктора, надеясь, что он окажется прав, и стали осматривать самолет. Первый его отсек буквально начинен различной аппаратурой. Научный сотрудник Леонид Константинович проверяет перед полетом приборы, которые фиксируют физиологические функции людей. Электронным оборудованием ведает инженер Олег Николаевич, а многочисленная киноаппаратура — на попечении научного сотрудника Георгия Валериановича. Они уже много раз находились в невесомости, и поперечных стен — решетки из лямок. Вдоль бассейна протянуты белые шнуры.

— Как же создается невесомость на самолете? — спрашиваем мы у летчика — командира корабля.

— Сначала я, снижаясь, разгоняю машину,— рассказывает он,— потом, набрав нужную скорость, делаю параболическую «горку»: веду самолет вверх по кривой, и он как бы описывает параболу. Начиная с входа на «горку» и до выхода из нее, на машину действует центробежная сила, которая уравновешивает силу земного тяготения. На нашем самолете состояние невесомости длится секунд двадцать восемь — тридцать.

— Так мало? — сожалеем мы.

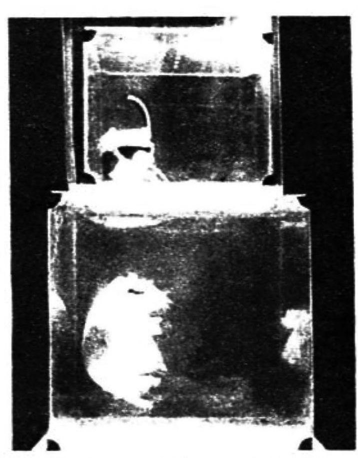
— Что поделаешь.

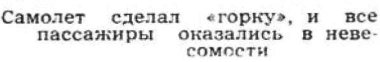
В кабине летчика установлен специальный прибор, который показывает величину перегрузок, действующих на самолет. Во время невесомости стрелка прибора должна стоять на нуле. За пилотским креслом установлен киноаппарат, который в полете фиксирует показания приборов.

— Это наш самый беспристрастный контролер,— рассказывает летчик.— Ученые всегда могут проверить по кинокадрам, при каких перегрузках проходили опыты и тренировки.

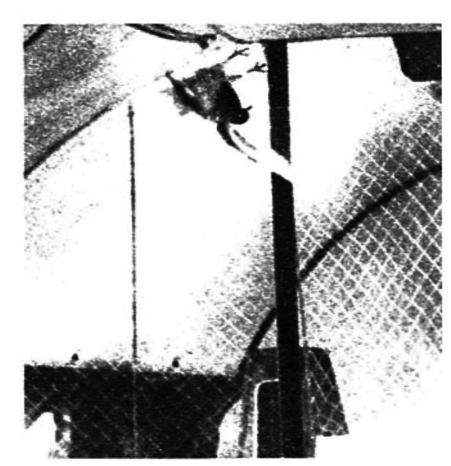
В кабину входит второй пилот с красивым пушистым котенком.

— Знакомьтесь, это Мурзик, нет.





Самолет сделал «горку», и все пассажиры оказались в невесомости



В невесомости и птицы теряют ориентировку

Вода тоже плавает в воздухе...

...и тогда пить ее не просто.

мы просим рассказать, что испытываешь при этом.

— Скоро сами узнаете,— улыбается Олег Николаевич.— Я, например, в невесомости испытывал затруднения в дыхании: вдох сделаю, а выдыхаю с трудом, потом это прошло.

Инженер выразительно смотрит на часы: разговаривать некогда, скоро вылет, и работы у всех по горло.

В следующем отсеке самолета размещены подопытные животные. В закрытом аквариуме плавают три рыбки. В клетке нахохлился голубь. В специальных контейнерах две морские свинки и белые мыши. А дальше — «плавательный бассейн», так называют помещение, в котором космонавты тренируют вестибулярный аппарат, учатся жить в состоянии невесомости. Пол, стены, потолок здесь покрывают мягкие маты, вместо не подопытное животное. Он просто живет в летной столовой. Со временем станет настоящим авиатором. Наши ребята уже провозили его на сверхзвуковой скорости. А сегодня он побывает в невесомости, как и вы, в первый раз.

Приближается время вылета. Все занимают свои места. Экспериментом руководит кандидат медицинских наук Евгений Михайлович. Он садится за стол перед решетчатой стенкой плавательного бассейна. Рядом с ним на привинченные к полу кресла садимся мы. Справа за другим столом — кинооператор Виктор Николаевич. Он будет снимать все, что произойдет в плавательном бассейне. Нам дают продолговатые банки с плотно закрывающимися крышками.

— Для чего это? — спрашиваем мы.

— На случай, если почувствуете себя плохо...

Мы гордо отказываемся, уверяя, что много летали, что в воздухе с нами ничего подобного не случалось. Но наши возражения напрасны. Да к тому же эти «приборы» получили некоторые врачи и операторы, уже бывавшие в невесомости.

Пока самолет идет в зону пилотажа, Евгений Михайлович рассказывает, что в Советском Союзе изучение влияния невесомости на живые организмы началось с 1949 года. Тогда впервые были проведены запуски ракет с животными на борту в верхние слои атмосферы. Сначала на высоту 110, а потом — 212 километров. В 1958—1959 годах подопытных животных поднимали уже на высоту до 475 километров.

Сведения, полученные при этих полетах, показали, что состояние невесомости длительностью до 10 минут не вызывает существенных расстройств физиологических функций у животных. То же подтвердили и параболические полеты человека на самолетах. Затем стали готовить космонавтов. Их блестящие полеты дали ценные данные о влиянии невесомости на человеческий организм. Длительная невесомость — это необычный, сложный и сильный раздражитель, который воздействует на все физиологические системы организма и в первую очередь на вестибулярный аппарат. Особенно если в невесомость человек попадает неожиданно.

Так, например, произошло однажды с нашим уважаемым кинооператором Виктором Николаевичем. Утомленный предыдущим полетом, он заснул в плавательном бассейне, прямо на полу. Когда же самолет сделал «горку», Виктор Николаевич всплыл в воздух и проснулся. Он был совершенно

растерян, не понимал, что с ним происходит. Беспорядочно размахивал руками, стараясь за что-нибудь ухватиться. Естественно, что все это мы запечатлели на кинопленку. Ведь тут случайно возник интересный научный эксперимент, который выполнил и один американский ученый. Он не давал летчику спать двое суток. Потом плотно накормил его и отправил в полет. Летчик заснул и проснулся только в состоянии невесомости. И он так же, как наш Виктор Николаевич, потерял всякое представление о времени и пространстве.

— А какова программа сегодняшнего полета?

— Будем, как обычно, изучать влияние состояния невесомости на животных, на людей, в том числе и на вас. В частности, проверим частоту ваших дыхательных движений, пульса, кровяное давление. Посмотрим, как изменятся у вас в невесомости двигательные реакции. Кстати, во время первой «горки» понаблюдайте друг за другом. Это интересно. Невесомость действует на людей по-разному. Одни во время первой «горки» заметно бледнеют, а другие — краснеют, что говорит о различных вегетативно-вестибулярных и эмоциональных реакциях.

Самолет приближается к зоне пилотажа.

— В первой «горке» мы только запишем ваши физиологические функции,— говорит Евгений Михайлович.

Нам прикрепляют датчики. Самолет начинает разгон. Его турбины работают на полную мощность, заставляя машину мелко вздрагивать. Дребезжит звонок, на светящемся табло вспыхивает одно слово: «Внимание». Мы все пристегиваемся ремнями к креслам. Упираемся руками в подлокотники. На табло возникает слово «перегрузка», и на нас словно наваливается тяжесть, а потом загорается слово «невесомость». Мы отрываемся от кресел и всплываем как позволяют ремни.

В этот момент в плавательный бассейн выпускают котенка. Мурзик беспорядочно кувыркается в воздухе и громко кричит. Потом нам уже не до Мурзика. Невесомость действует и на нас. Кажется, что опрокидываешься на спину и зависаешь под потолком вниз головой. И хорошо, что нас заставили взять банки и что эти банки закрываются. И почему мы жалели, что невесомость будет продолжаться всего 28 секунд! Кажется, будто уже вечность прошла, а мы все висим головой вниз. Где же тут наблюдать за вегетативно-вестибулярными и эмоциональными реакциями! Космонавты, видимо, все ощущали иначе: ведь они писали, что быть в невесомости приятно, и жалели, что это состояние скоро кончается. Да, не все, к сожалению, созданы для покорения космоса!

И потому мы искренне обрадовались, когда на нас вновь навалилась перегрузка, обозначающая

конец «горки», а затем нас объяла милая земная весомость.

Мы рассказали Евгению Михайловичу о пережитом. Он объясняет, что люди по влиянию на них невесомости подразделяются на три группы. К первой относятся те, кто чувствует себя хорошо и не теряет работоспособности, ко второй — те, кто испытывает пространственные иллюзии, и к третьей — те, у которых понижается работоспособность, возникает тошнота.

— Мы, видимо, составляем, четвертую разновидность, сочетающую пространственные иллюзии и чувство тошноты?

— На следующих «горках» вам будет лучше,— утешает Евгений Михайлович.— Ведь деление на группы в общем схематично.

И вот свободное плавание. Ни с чем не сравнимое ощущение легкости во всем теле. Нас больше не переворачивает вниз головой. Однако ощущение беспомощности остается. Передвигаться по бассейну можно, только отталкиваясь от стены или подтягиваясь за натянутые шнуры.

Первое упражнение письменное. У каждого из нас — планшет и карандаш. Хотим изобразить фразу: «В невесомости чувствуем себя отлично». Увы, не получается: без опоры тело все время меняет положение. Тогда пытаемся хотя бы расписаться, но и это не выходит.

— Так было и с космонавтами,— подбадривает нас Евгений Михайлович.— Закрепленные в кресле, они хорошо писали, а в свободном плавании, так же как и вы, не могли начертать и двух слов.

Потом оказывается, что за 28 секунд можно выполнить несколько упражнений. В следующей «горке» один из нас снимает пиджак, рубашку, другой разувается. Но и тут «космическое» неудобство: снял ботинок, носок, положил их на воздух возле себя, а они поплыли в разные стороны, поймать их не так-то просто. Затем пробуем позавтракать. Меню обычное, земное: гречневая каша и картофельное пюре. И все получается отлично: ложки мимо рта не проносим. Едим без затруднений, и в записях опыта появляются строчки: «Акт глотания не нарушался». Ободренные успехом, берем по стакану воды, но вода в невесомости ведет себя коварно: собирается шаром около рта и при вдохе попадает, видно, куда-то не туда. Ощущение такое: тонешь, захлебнулся. Кашляем, отбрасываем рукой воду в сторону.

Идут опыты и с животными. Первым в невесомость выпускают голубя. Перегрузка перед «горкой» прижимает его к полу, затем он всплывает и, потеряв пространственную ориентировку, беспорядочно машет крыльями, летит вниз головой, пытается сесть на потолок. Рыбы тоже ведут себя необычно. Вода в аквариуме приняла форму шара. Одна рыбка стоит на хвосте и крутится, как балерина. Вторая — головой вниз и тоже крутится, а третья плавает брюхом вверх.

Морские свинки чувствовали себя по-разному. У одной с помощью медикаментов отключен вестибулярный аппарат, и она спокойно плавает в воздухе, а другая, нормальная, кувыркается и крутится в разные стороны.

В нашем полете перегрузки все время перемежаются с невесомостью. У нас появляется какая-то слабость и апатия. Пробуем жать динамометр — жим слабее, чем на земле, на 5—6 килограммов. Евгений Михайлович говорит, что это результат влияния невесомости. Ведь сила тяжести, действуя на живые организмы в течение миллионов лет, определила уровень функционирования всех систем организма. Можно представить, что длительное пребывание в невесомости в конечном счете приведет к перестройке дыхания, сердечной деятельности, к изменению тонуса сосудов.

Предвидя это, Циолковский предлагал на космических кораблях создавать искусственную силу тяжести. Жилищу человека он рекомендовал придавать вращательное движение. Тогда центробежная сила создаст кажущуюся тяжесть нужной величины. Такой эксперимент — в программе нашего полета.

На небольшой центрифуге установлена колба. В ней — белые мыши. В состоянии невесомости они, как и другие подопытные животные, вращаются и кувыркаются. Но вот центрифуга начинает вращаться, и мыши обретают «силу тяжести». Передвигаются по колбе уверенно, по-земному.

Мы смотрим на них, слушаем объяснения ученого, но, даже не вникая в его доводы, всецело стоим за создание искусственной силы тяжести на космических кораблях. Тут уж играет роль наш скромный опыт.

Программа полета выполнена, и самолет-лаборатория возвращается на свою базу. Мы спускаемся по трапу, с удовольствием ощущая под ногами землю, такую надежную и бесконечно родную.

Летчик выносит из самолета котенка, который, как и мы, первый раз побывал в невесомости. Мурзик, пошатываясь, делает несколько неуверенных шагов и ложится, но вдруг вскакивает и, задрав хвост, опрометью мчится от самолета. А мы отправляемся в санитарную часть: предстоит медицинский осмотр.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

В залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась необычная выставка. Рядом с произведениями Гогена, Сурбарана и других представителей зарубежного искусства экспонируются замечательные работы русских художников, в том числе Врубеля, Венецианова, Серова и безымянных мастеров Древней Руси.

Судьба всех этих произведений искусства имеет общность: все они вышли из рук опытных советских художников-реставраторов, людей, которые, не претендуя на соавторство, дали шедеврам мировой культуры второе рождение.

На помощь реставраторам пришли в наши дни физика, химия и современная техника. Рентгеноскопия и облучение инфракрасными лучами дают возможность под позднейшими наслоениями обнаружить первоначальный красочный слой. Так, например, на древней иконе из Велико-Устюжского краеведческого музея был обнаружен под записями 17-го и 19-го веков авторский красочный слой 13-го века.

В. И. Ленин много внимания уделял охране старины. По его инициативе была создана первая в нашей стране реставрационная мастерская, которая носит сейчас имя академика И. Э. Грабаря. Мастерская сыграла огромную роль в деле научного изучения и пропаганды памятников нашей культуры.

Внимательно осматривая выставку и знакомясь с произведениями древнерусского искусства, представленными в экспозиции, невозможно не обнаружить за религиозной оболочкой реальное и притом глубоко жизненное содержание. Именно это имел в виду Маркс, когда говорил, что Рембрандт писал свою Мадонну с нидерландской крестьянки. А художники Древней Руси вдохновлялись при создании своих произведений образами русских людей — крестьян и крестьянок. Как нельзя лучше показывает это возвращенная к жизни умелыми руками реставраторов замечательная русская скульптура 16-го века из Пскова «Никола Можайский». Перед нами почти портретное изображение мужественного русского человека, строго и твердо смотрящего на нас из глубины веков. Таким мы можем представить себе русского воина времен Ивана Грозного, с такими крепкими и сильными духом людьми шел Ермак на восток. Народность скульптуры подчеркивается и рисунком одежды.

Русская деревянная скульптура впервые так широко представлена на выставке работ реставраторов. Здесь замечательный рельеф московского скульптора и зодчего 15-го века В. Д. Ермолина, резные львы от царского места Ивана Грозного в Успенском соборе Московского кремля, Георгий Победоносец начала 17-го века.

У всемирно известного Алексеевского креста, вырезанного из известняка русскими мастерами, интересная история. Первоначально он был вделан в западную стену Софийского собора Новгородского кремля. Во время войны памятник был вывезен фашистами в Германию. В 1961 году группа реставраторов вернула его к жизни. Это один из древнейших памятников русской скульптуры, подлинный свидетель событий вольнолюбивого Великого Новгорода.

Алексеевский крест после реставрации.

«Петр Первый на коне» — деревянная скульптура неизвестного мастера.

Пожар деревянного кремля в Каргополе (1700 год).

Запоминается и скульптура «Петр Первый на коне» из Смоленского краеведческого музея.

Реставраторы широко и разносторонне показывают свою работу. Выставка приурочена к Международной конференции специалистов по реставрации художественных ценностей. Кроме живописи, скульптуры, графики, здесь показаны интересные работы народных умельцев.

Особое место в экспозиции занимает шитье. Огромный труд вложили реставраторы в отвоеванное от тлена знамя воеводы Дмитрия Пожарского. Знамя, сделанное в 1612 году, участвовало в походах Пожарского из Нижнего Новгорода в Москву и было водружено в освобожденной столице.

Борис ЛАСКИН

Сюрприз

Рассказ

Вы знаете, какой мой главный недостаток? Не знаете? Я сейчас скажу.

Надежда Яковлевна, наша учительница, говорит:

— Колымагин Дима, в чем твой главный недостаток? Ты никак не можешь сосредоточиться на чем-то основном. Когда ты что-нибудь рассказываешь, ты все время отвлекаешься, вспоминаешь какие-то второстепенные детали, никому не нужные подробности, и в результате твой рассказ теряет стройность. Ты понял?

Я сказал, что понял и больше отвлекаться не буду.

Сейчас я вам расскажу, почему я больше не езжу на дачу к Юрке Белоусову.

Вообще у нас с Юркой отношения очень хорошие. Мы с ним товарищи. Сейчас лето, и Юрка гостит у своего дяди. Его дядя — Лев Иванович, а у него дача. Собственная.

Этот Лев Иваныч очень любит свою дачу. Он ее охраняет, прямо как пограничник. Я как-то приехал, а у них возле дачи на цепи страшной силы собака, все время лает: хау-хау...

Я сказал:

— Лев Иваныч, вашей собаке, наверно, трудно без перерыва лаять. Вы купите магнитофон «Яуза-10» стерео и запишите собаку на магнитофон, а потом запустите эту запись через усилитель. Знаете какой будет звук! Его даже на станции услышат.

Вообще с магнитофоном много трюков можно сделать. Один изобретатель записал на пленку крик испуганных ворон и потом эту запись у себя на огороде включил на полную мощность. И все. Больше ни одна ворона не залетела.

Но это я про ворон просто так вспомнил. К слову пришлось. А вообще меня Лев Иваныч последнее время не любит, и я к ним на дачу не езжу. Лев Иваныч мне сказал:

— Чтобы и твоего духу здесь не было! Твое счастье, что тебе лет мало, а то как миленький помахал бы метлой пятнадцать суток, хулиган ты этакий!..

Ну, раз он мне прямо так сказал, я, конечно, ушел. Пожалуйста. Подумаешь!.. Он считает, что во всем один я виноват.

Лично вы на Цейлоне никогда не были? Да? Я тоже не был. Но я вообще кое-что знаю про Цейлон. Во-первых, Цейлон — остров. Так? Живут на Цейлоне сингалы, тамилы, малайцы и мавры. Чай там растет, каучуконосы... Но я вам подробно не буду про Цейлон рассказывать. У нас мальчишка один есть в классе — Мухин. Его старший брат целый год на Цейлоне проработал, а до этого где-то в Африке дороги строил. Он к нам в школу приходил, интересно рассказывал, но, конечно, дело не в этом. Я про другое хочу сказать.

Вы грибы любите собирать? Я лично здорово грибы нахожу. Я их издалека вижу. Мы когда на даче были у Белоусовых, Лев Иваныч говорит:

— Ребята! В воскресенье раненько утром приедет к нам дорогой гость Бабкин Федор Константинович, начальник отдела, человек, от которого очень многое зависит.

Мы с Юркой спрашиваем:

— А от нас что зависит?

Лев Иваныч говорит:

— А от вас вот что зависит. Федор Константинович — заядлый грибник. Давайте создадим ему условия. Чтобы вышел он на полянку, а там сплошь грибы, одни белые...

Я говорю:

— Лев Иваныч, а где же такую полянку найти?

А он говорит:

— А смекалка где?.. Мы в субботу с вами пройдем, наберем белых грибков, только срезать их не станем, а под корень будем брать, прямо с землей. После эти грибы лично я расфасую по полянке, натурально, чтобы никакого подозрения. Федор Константинович пойдет — и пожалуйста...

Я говорю:

— Лев Иваныч, это будет жуткое подхалимство.

А Лев Иваныч говорит:

— Молодой ты еще и потому дурак. Дурак ты. Никакого в этом подхалимства нету, а есть сюрприз для руководства.

Тогда мы с Юркой сказали:

— Ладно. Сделаем.

Но я вам опять хочу про Цейлон сказать и про Африку. Брат Мухина, который в школу приходил, интересно рассказывал, как там местные жители хищных зверей ловят. Они делают глубокие ямы, сверху маскируют их лианами и разными ветками. Хищник, который в яму провалится, сам ни за что оттуда не вылезет...

А теперь я вам хочу одну тайну открыть. Хотя это, конечно, больше не тайна. Нам уже за нее знаете как попало...

В общем, за неделю до того воскресенья мы с Юркой и еще с одним мальчишкой решили сделать ловушку, как на Цейлоне или в Африке. Мы вырыли на полянке глубокую яму и здорово ее замаскировали... Конечно, у нас хищников особых нету, но вдруг волк попадется или там барсук. Да, я еще забыл сказать, мы туда в яму-ловушку таз с водой поставили. Если хищник попадется, чтобы его там не томила жажда. В Африке тоже так делают. И правильно. Идет леопард — р-раз! — и провалился. Что делать? Спокойно, не нервничай, попей водички и жди, пока за тобой придут охотники...

Ловушку мы закончили во вторник вечером, а в пятницу у одного дачника — у зубного врача — пропала коза. У этого зубного врача на калитке вывеска: «Удаление зубов без боли». Это вообще простая штука. Укол, все замерзает, и можешь тащить любой зуб. Ерунда.

Зубной врач сразу в милицию заявил. В милиции сказали:

— Не волнуйтесь, доктор, ваша коза, наверно, куда-нибудь приблудилась, придет.

Когда мы узнали, что коза пропала, у нас с Юркой сразу подозрение, но в лес мы не пошли. А Юрка сказал:

— Дима, если все в порядке и коза там, то это даже лучше. Хищник, привлеченный запахом козы, придет и обязательно туда свалится...

Я сказал:

— Юрка, об этом лучше даже не думать, потому что, если коза зубного врача сидит в яме и узнают, что яму копали мы, нам с тобой несдобровать, это точно!..

Набрали мы корзину грибов и принесли Льву Иванычу. Он говорит:

— Молодцы! Нате вам на кино.

Мы с Юркой пошли на «Три мушкетера», а Лев Иваныч отправился готовить свой сюрприз начальнику.

После кино я уехал на электричке в город, а в воскресенье рано утром опять приехал на дачу.

Смотрю, на террасе за столом сидит толстый такой дядька, тот самый начальник, от которого многое зависит. Он завтракает. Юркина тетка всякую еду носит, а Лев Иваныч чокается с гостем и просто-таки сияет от удовольствия.

— Еще посошок на дорожку! Пей до дна! Пей до дна!.. Вот так. А сейчас объявляется культпоход за грибами. Ребята пойдут в дальнюю рощу, я пойду налево, а вы, Федор Константинович, вдоль опушки.

Мы с Юркой переглянулись. Юрка сказал:

— Дядя Лева, лучше мы с Димкой пойдем вдоль опушки.

А Лев Иваныч говорит:

— Нет!.. Маршрут разработан лично мною. Вперед! Возвращаемся ровно через два часа. Подводим итоги. Премируем победителя.

Тогда мы с Юркой опять переглянулись. Наверно, Лев Иваныч насовал грибов на ту самую полянку, но раз он не попал в ловушку, возможно, что он свой сюрприз на другой полянке подготовил.

В общем, мы с Юркой пошли в дальнюю рощу.

Ровно через два часа мы вернулись. Принесли десяток подберезовиков.

А Федор Константинович еще не вернулся.

Лев Иваныч подмигнул нам с Юркой:

— Сейчас явится. Наше дело маленькое, увидим его трофеи и руками разведем, дескать, вот это да!..

Прошел еще целый час, а Федора Константиновича все не было и не было.

Лев Иваныч посмотрел на часы и как-то даже весело сказал:

— А вдруг наш дорогой гость заблудился и погибает в лесу от голода и жажды? Кто будет отвечать, а?..

Тогда Юркина тетка сказала:

— От голода он не умрет.

— И от жажды он не умрет,— сказал я.

У меня, наверно, было какое-то неестественное выражение лица, потому что Лев Иваныч очень подозрительно на меня поглядел.

— Дядя Лева, пойдем его поищем,— предложил Юрка,— может, он правда заблудился.

— Сейчас придет,— сказал Лев Иваныч.

А Юрка отозвал меня в сторонку и тихо сказал:

Спорим, что он там.

— Почему ты думаешь?

— Спорим?

Я сказал:

— Нет, спорить я не буду. Я лучше поеду в город.

Юрка ничего не ответил. Вдруг — тр-р-р!.. едет милицейский мотоцикл, а в коляске зубной врач.

Лев Иваныч кричит:

— Ну как, сосед, коза нашлась?

А зубной врач говорит:

— Тысяча и одна ночь!

Мы с Юркой не поняли, что он хотел этим сказать, но почему-то подумали, что коза там.

А сержант милиции затормозил у калитки и спросил:

— У вас случайно лесенки не найдется?

— А что случилось, если не секрет?

— Цирковой номер. Гражданин верхом на козе.

Когда я услышал эти слова, я сказал:

— Юрка, я сейчас поеду в го-

род. И ты поедешь в город. Мы вместе поедем в город.

Лев Иваныч принес лесенку и говорит:

— Если разрешите, я с вами.

— Поехали! — сказал сержант, и мотоцикл умчался.

Когда мы с Юркой прибежали на нашу поляну, мы увидели там старшину и сержанта милиции, Льва Иваныча, зубного врача и козу.

Тут же на пеньке сидел Федор Константинович и, закрыв глаза, растирал свою поясницу. У Федора Константиновича было ужасно сердитое лицо.

— Значит, будем считать так,— сказал сержант,— первой в яму рухнула коза, а за ней проследовал этот вот гражданин...

— Этот гражданин — руководящий работник в системе нашей торговли,— сказал Лев Иваныч.

— Ясно,— сказал сержант.— Виноват. Значит, первой свалилась коза, а за ней руководящий работник.

— Не будем на этом останавливаться,— сказал Лев Иваныч,— коза меня мало интересует. У козы что? Одни рога, а у человека — репутация.

— Это точно,— подтвердил сержант. Он покосился на Федора Константиновича и сказал: — Ведь это надо же, а!.. Козе простительно, ну, а вы-то как в яму попали?

Федор Константинович вместо того, чтобы ответить, погрозил козе пальцем и сказал расплывчатым голосом:

— Мелкий... рогатый... скот.

Потом он немножко подумал и тихо запел:

— Коза-коза... Ах, эти черные глаза...

— Все ясно,— сказал сержант,— гражданин находится в состоянии опьянения.

— Это вам показалось,— сказал Лев Иваныч и вдруг увидел таз, который еще до нашего прихода кто-то достал из ямы.— Юра! Как сюда попал наш таз?

Пока Юрка думал, как ему выкрутиться, я решил все взять на себя. Во-первых, я хотел выручить Юрку, а потом, рядом были два милиционера, и мне было нестрашно.

Я сказал:

— Ваш таз я сюда принес.

— Зачем?

— Чтобы не страдал от жажды тот, кто туда попадет.

— Куда туда? В таз? — не понял Лев Иваныч.

— Нет. Не в таз. В яму-ловушку, которую мы вырыли...

— Вы только послушайте, граждане, что он говорит! — закричал Лев Иваныч.

— Тихо!.. Довольно! — сказал Федор Константинович.— За это хулиганство виновные понесут ответственность!.. А сейчас прошу проводить меня на станцию. Немедленно!..

Лев Иваныч сразу растерялся.

— Федор Константинович... Вы, так сказать, не волнуйтесь... Так получилось...

А зубной врач говорит:

— Прошу прощения, меня ждут пациенты. Если милиция не возражает, я уведу свою козу. Боюсь, что от всех ее переживаний она перестанет доиться.

— Милиция не возражает,— сказал старшина и вместе с сержантом уехал на мотоцикле.

Лев Иваныч, взявшись за голову, пошел вслед за начальником. Потом он обернулся ко мне и сказал то, что вы уже знаете:

— Чтоб и твоего духу здесь не было!.. Твое счастье, что тебе лет мало, а то как миленький помахал бы метлой пятнадцать суток, хулиган ты этакий!..

Вот и все.

Теперь вы, наверное, понимаете, почему я больше не езжу на дачу.

Самодур

Бюро медвежьих услуг

Г. КРЫТОВ

Не везет, да и только, коллективу московской зеркальной фабрики № 2 на директоров! За три года сменилось четыре директора. И кто знает, сколько бы продолжалась директорская чехарда, если бы не явился Николай Дмитриевич Горев. Он сразу поставил все точки над «и»:

— Я наведу здесь порядок.

Прежде всего Н. Д. Горев установил двухстороннюю селекторную связь с производственными точками. Нажмет Николай Дмитриевич на рычажок и гаркнет:

— Зайди ко мне!

— Кто вызывает?

— Я вызываю!

И еще прибавит какое-нибудь крепкое словцо, чтобы сразу было ясно, кто это говорит.

Чем больше усердствовал Горев над выполнением плана, тем больше создавалось путаницы и неразберихи. На фабрику пришел инспектор райфинотдела, проверил документацию. Прочитал Николай Дмитриевич отчет инспектора — разорвал и бросил в корзину, а инспектору указал на дверь... Вполне естественно, что спустя некоторое время трест «Мосгорхимпластмасс» уволил Горева за нарушение финансово-хозяйственной деятельности.

— Это меня-то уволить? — возмутился Горев.— Не выйдет! Мне нравится быть директором!

И пошел жаловаться.

Больше года Николай Дмитриевич ходил по инстанциям, доказывал свою правоту. За это время на фабрике сменилось еще два директора. Может быть, и дальше обивал бы Горев пороги организаций, если бы не партбюро. Члены бюро рассудили так: «Горев как директор неважный. Но по сравнению со своими предшественниками имеет то преимущество, что старается не путать своего кармана с государственным. Поможем ему, глядишь, и выправится...»

Но партбюро, оказывается, кое-что недоучло. Николай Дмитриевич, вернувшись, сразу же почувствовал себя высокой административной личностью: что хочу, то и ворочу. Чтобы указания быстрее доходили до сознания подчиненных, он вставлял в свою речь такие слова: «дурак», «шляпа», «скотина», «свинья»... Члены партбюро пытались призвать грубияна к порядку. Но куда там!

— Я директор! — заявил он.— Кому не нравится, пусть уходит с фабрики.

И люди уходили. В прошлом году на фабрику было принято 74 рабочих, а уволилось 72. В первом квартале этого года пришло 16 человек, а ушло 18.

Особое внимание уделяет Горев критикам. Выступала, например, на собрании одна работница и упомянула фамилию директора. Тот не преминул дать разъяснение:

— Если бы у тебя здесь (он повертел пальцем у виска) что-нибудь было, ты бы этого не сказала.

Пробовали критиковать на партийных собраниях недостатки на фабрике и поведение директора технолог В. Д. Аникеенко, инспектор по кадрам и секретарь парторганизации Н. Н. Кучковская, начальник ОТК А. Е. Степанова, и всем им пришлось уйти с фабрики «по собственному желанию».

Работники Ленинградского райкома партии давно знакомы с Горевым. Они не раз проводили с ним «задушевные» беседы о том, что такое хорошо и что такое плохо. Но эти беседы не возымели нужного действия. В мае прошлого года решили поговорить с ним в последний раз. Четыре часа разъясняли работники райкома, как надо вести себя на производстве и как обращаться с подчиненными. Казалось, Горев понял.

Но не прошло и года, как райкому вновь пришлось направить на фабрику комиссию. Руководитель комиссии решил доложить на расширенном заседании партбюро свои замечания. Когда речь шла о второстепенных вопросах, все было тихо и мирно, но стоило докладчику коснуться поведения Николая Дмитриевича, как он взвился:

— Вы что, пришли меня компрометировать?! — И двинулся на докладчика.

Зная крутой нрав директора, двое рабочих подхватили его под руки и, уговаривая, вывели из помещения. Заседание партбюро было сорвано.

И снова благонамеренные речи... А не пора ли их кончать? Не пора ли сделать так, как советует дедушка Крылов: «...Чтоб там речей не тратить по-пустому, где нужно власть употребить»?

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«РУКАВИЦЫ МОЕЙ БАБУШКИ» — так были оценены изделия Орловской швейной фабрики № 1 в критической корреспонденции, опубликованной в № 21 нашего журнала. «Изделия фабрики не в полной мере отвечают требованиям покупателей по моделям, расцветкам, рисункам; на фабрике большие сверхнормативные запасы готовой продукции»,— признает начальник управления легкой промышленности Приокского совнархоза тов. А. Лысова.

Какие меры принимает управление легкой промышленности? Ныне на фабрике освоено 50 новых моделей одежды, разработанных Ростовским, Львовским и Рижским домами моделей; они рассмотрены на художественном совете с представителями торгующих организаций. Вскоре будут внедрены многофасонные процессы. В цехах созданы комиссии общественных контролеров, действует боевой «комсомольский прожектор». На фабрику в последнее время поступают ткани более лучшие по качеству и расцветке. Однако следует отметить, что текстильная промышленность еще не обеспечивает полностью заявки швейников. Кроме того, Приокский совнархоз в 1964 году решил провести специализацию швейных предприятий. На Орловской швейной фабрике будет сокращен ассортимент изделий, что повысит их качество.

ГРЫЗУНЫ В МЫШЕЛОВКЕ

Линейным следственным отделением Министерства охраны общественного порядка РСФСР на станции Рязань закончено расследование уголовного дела по обвинению А. В. Варфоломеевой, А. С. Зюковой, М. М. Цибаковой и других. Варфоломеева и Зюкова, работая экспедиторами пекарни № 5 на станции Ряжск, вступили в преступную связь с мастерами этой пекарни Ивлиевой и Кочетковой. Два года воры систематически крали хлеб за счет припека, завышения влажности и т. д. Похищенный хлеб экспедиторы реализовали через продавцов Цибакову, Суровцеву, Терентьеву. Вырученные от продажи деньги делили между собой. Преступники нанесли ущерб государству в 1 424 рубля.

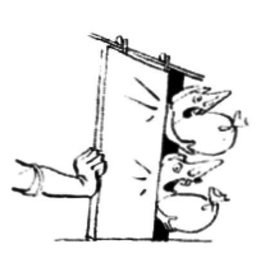
Скоро расхитители предстанут перед судом.

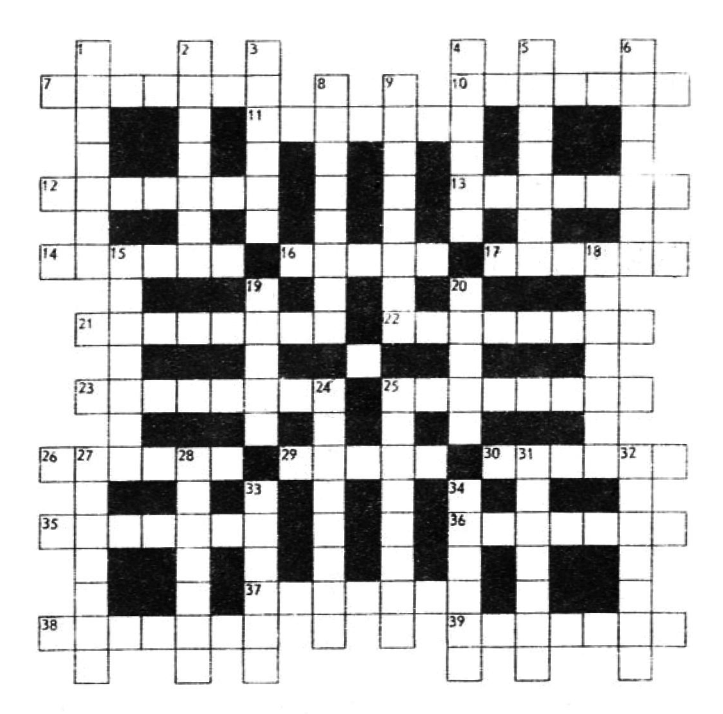
* * *

3 сентября грузчики станции Тула-1 М. Г. Емельянов и В. М. Русанов договорились похитить пшеницу. Они облюбовали вагон № 1537207 на станции Ясная Поляна. Ночью Русанов и Емельянов сорвали с вагона пломбу, насыпали два мешка зерна и отнесли домой. Потом вернулись. До утра преступники намеревались разгрузить весь вагон. Но их планы были нарушены.

Весовщица Игнатьева заметила грызунов. Смелая женщина захлопнула дверь вагона и заперла ее. Грызуны оказались в мышеловке.

Воры-грузчики успели похитить 50 килограммов пшеницы нового урожая, и их ждет суровое наказание, как и всякого, кто позарится на народный хлеб.





По горизонтали:

7. Персонаж романа А. И. Герцена «Кто виноват?» 10. Корзинка для ягод, грибов. 11. Опера С. И. Танеева. 12. Карельский струнный инструмент. 13. Изменение скорости химической реакции. 14. Река, впадающая в Гвинейский залив. 16. Горный массив Приполярного Урала. 17. Отдых в пути. 21. Вечнозеленое дерево. 22. Рисунок перед началом текста главы. 23. Применение теоретических знаний на производстве. 25. Перерыв занятий в учебных заведениях. 26. Книга для детей С. Я. Маршака. 29. Стиль плавания. 30. Многогранник. 35. Травянистое декоративное растение. 36. Государство в Африке. 37. Областной центр в РСФСР. 38. Рыболовная снасть. 39. Сорт кирпича.

По вертикали:

1. Монета Кубы. 2. Картина Н. А. Ярошенко. 3. Большое здание общественного назначения. 4. Танец. 5. Условная линия, делящая Землю на два полушария. 6. Работница текстильной фабрики. 8. Единица измерения электрической мощности. 9. Птица, обитающая в горных районах. 15. Порт в Италии. 18. Упражнение или этюд для голоса. 19. Конечный пункт дистанции. 20. Время года. 24. Узловой пункт воздушных линий. 25. Спутник Юпитера. 27. Ледник. 28. Лесной кустарник, лещина. 31. Химический элемент. 32. Балетмейстер, народный артист СССР. 33. Синтетическое волокно. 34. Молочный продукт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

1. Чарджоу. 6. Консерватория. 10. Трость. 11. Неруда. 12. Инициал. 13. Рейс. 15. Репс. 16. Гренада. 19. Каркас. 21. Шпинат. 22. Цинкография. 25. Идиома. 28. Талант. 30. Оркестр. 31. Игла. 32. Сода. 33. Мозаика. 36. Равель. 37. Стекло. 38. Беллетристика. 39. Примула.

По вертикали:

2. Ацетон. 3. Оттава. 4. Конторка. 5. Кинескоп. 7. Вакцина. 8. Стрелка. 9. Карпаты. 14. Стремнина. 15. Ренессанс. 17. Реактор. 18. Деканат. 20. Слива. 21. Штифт. 23. Ниагара. 24. Стадион. 26. Модельер. 27. Секатор. 29. Акустика. 34. Омметр. 35. Консул.

На первой странице обложки: Строители Токтогульской ГЭС в Киргизии (слева направо) — проходчик Николай Дергачев, прораб буровзрывных работ Мукаш Кармышев и проходчик Михаил Пинчук.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор—А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00451. Подписано к печати 18/IX 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1494. Заказ № 2233.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

К сведению читателей

В 1964 ГОДУ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК» ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

I

24 КНИГИ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

1. А. И. КУПРИНА в 9 ТОМАХ:

Том первый — ранние произведения 1883—1896 годов: «Первый дебют», «Куст сирени», «Пиратка», «Святая любовь» и другие.

Том второй — повести: «Молох», «Прапорщик армейский», «Олеся», «На переломе (Кадеты)» и рассказы 1897—1900 годов.

Том третий — произведения 1901—1905 годов: «Сентиментальный роман», «Осенние цветы», «В цирке», «Белый пудель» и другие.

Том четвертый — «Поединок», «Штабс-капитан Рыбников», «Как я был актером», «Гамбринус» и другие произведения 1906—1907 годов.

Том пятый — повести и рассказы 1908—1913 годов: «Суламифь», «Посемейному» «Леночка», «Гранатовый браслет», «Жидкое солнце», «Черная молния», «Анафема» и другие.

Том шестой — «Яма» и другие произведения 1914—1916 годов.

Том седьмой — «Звезда Соломона», «Царский писарь», «Волшебный ковер», «Тень Наполеона», «Дочь великого Барнума», «Рассказы в каплях» и другие рассказы 1917—1929 годов.

Том восьмой — «Юнкера», «Барри», «Бредень», «Вальдшнепы» и другие рассказы.

Том девятый — повесть «Жанета» (1932—1933) и последние рассказы Куприна. Очерки, статьи, воспоминания 1889—1937 годов.

Наряду с известными произведениями Куприна в девятитомное собрание сочинений включаются новые материалы из рукописного фонда писателя и рассказы, не вошедшие в предыдущие собрания сочинений.

2. ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА в 15 ТОМАХ:

Том первый — «Машина времени», «Остров доктора Моро», «Человек-невидимка», рассказы.
Том второй — «Война миров», «Когда спящий проснется», рассказы.
Том третий — «Первые люди на Луне», «Пища богов», рассказы.
Том четвертый — «Война в воздухе», «Освобожденный мир».
Том пятый — «Чудесное посещение», «Люди как боги», рассказы.
Том шестой — «Колеса фортуны», «Любовь и мистер Люишем», рассказы.
Том седьмой — «Киппс», «В дни кометы».
Том восьмой — «Тоно Бенге», рассказы.
Том девятый — «Анна Вероника», «История мистера Полли».
Том десятый — «Жена сэра Айзика Хармена», «Билби».
Том одиннадцатый — «Сон», «Мистер Блетсуорси на острове Ремпол».
Том двенадцатый — «Король по праву», «Самодержавие мистера Паргема», «Человек, который мог творить чудеса», «Игрок в крокет».
Том тринадцатый — «Бэлпингтон Блепский», «Облик грядущего».
Том четырнадцатый — «Кстати о Долорес», рассказы, статьи.
Том пятнадцатый — «Необходима осторожность», статьи.

II

52 КНИЖКИ БИБЛИОТЕЧКИ «ОГОНЕК» СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему принимается в городских отделениях «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также общественными уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, РТС, учебных заведениях и учреждениях.

Редакция журнала «Огонек» и издательство «Правда» подписку не производят.

ОСЕННЕ-ЗИМНИЕ МОДЕЛИ

1

Полупальто из цветной пропитки на подкладке из ватина или шерстяной пушистой ткани. Покрой прямой, карманы у боковых швов, пояс продернут по спинке. Рекомендуется вплоть до 52-го размера.

2

Зимняя мужская куртка из легкого драпа с выработкой. Меховой шалевый воротник. Застежка — ножаный шнур и деревянные пуговицы-брусочки. Годится на все размеры.

3

Пальто из черной шерстяной ткани, слегка приталено и расширено к подолу. Шарф, заменяющий воротник, и шапочка из клетчатой пушистой шерсти — хороша пледовая ткань. Подкладку также можно сделать клетчатую.

4

Пальто и юбка из одинаковой ткани: пестротканое букле. Форма прямая. Воротник и шапочка из цигейки, выдры, нутрии или другого меха с низким ворсом. Черный свитер. Черная подкладка, простеганная клеткой, нитками в цвет ткани. Годится для всех размеров.

Художник по костюму Н. ГОЛИКОВА.

1
2
3
4

СТЕРЛИТАМАК — ГОРОД БОЛЬШОЙ ХИМИИ.

Акварели художника Г. Храпака.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.